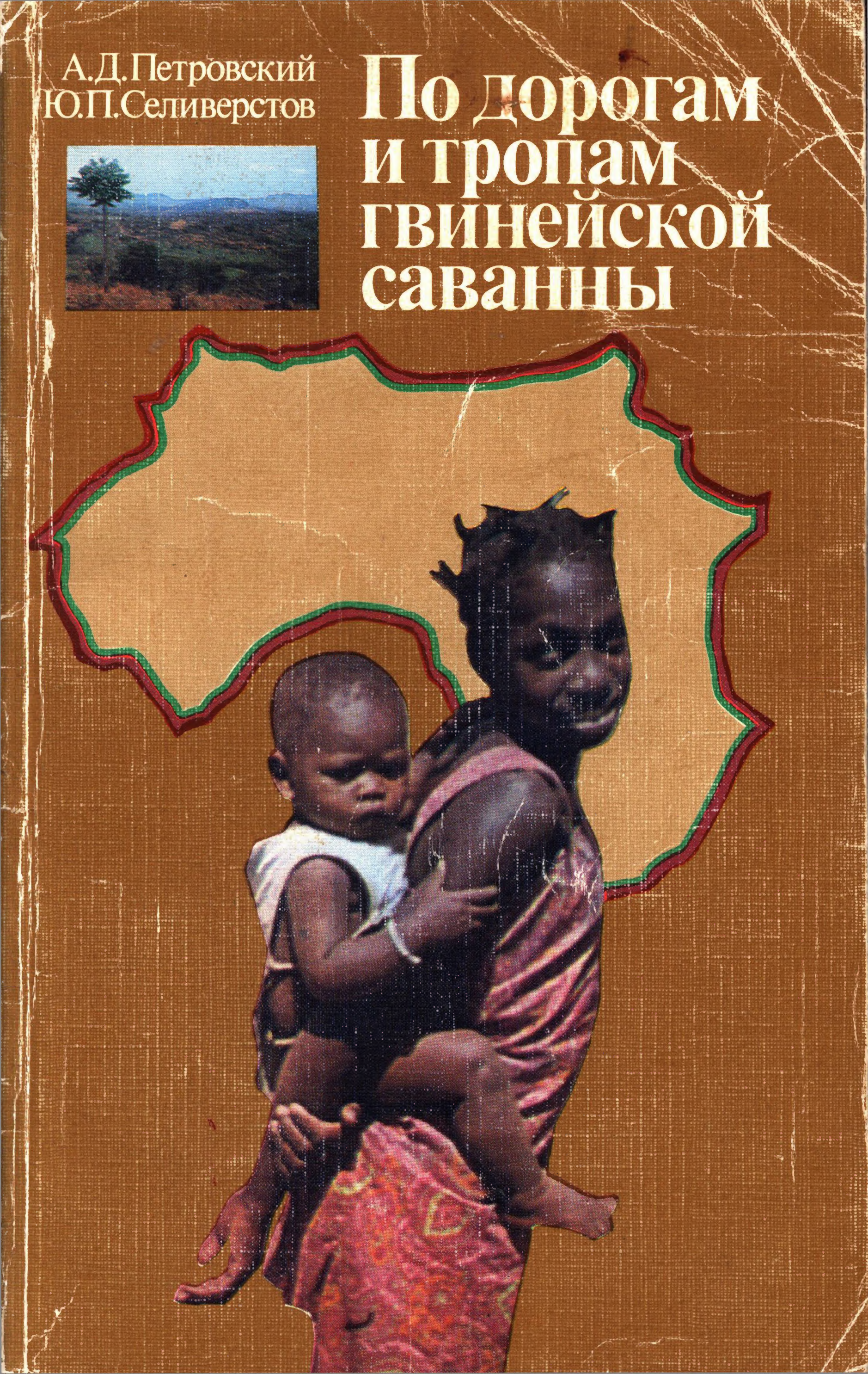
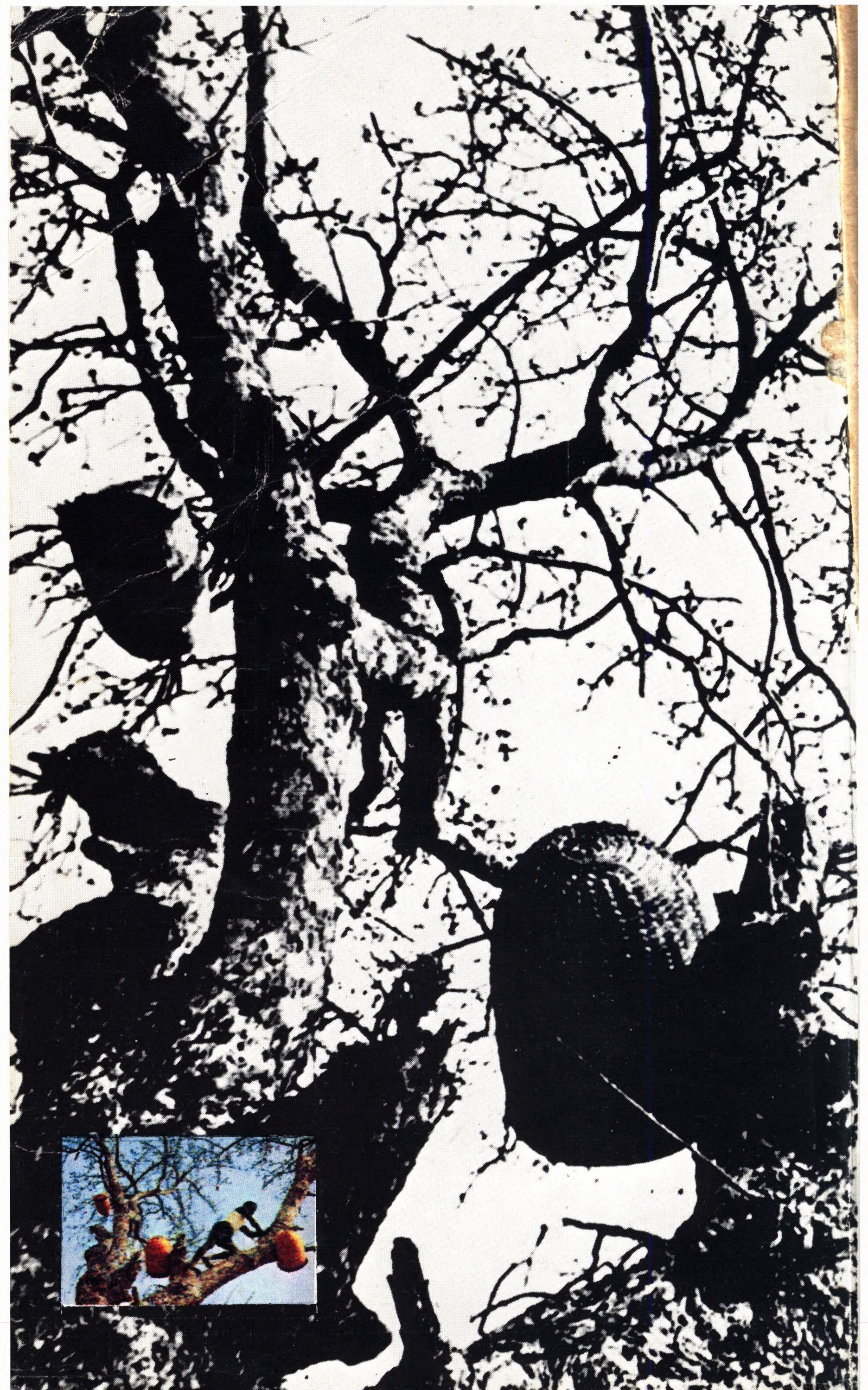

А.Д.Петровский
Ю.П.Селиверстов
По дорогам
и тропам
гвинейской
саванны

А. Д. Петровский
Ю. П. Селиверстов

По дорогам и тропам гвинейской саванны

Записки геологов

Москва «Мысль» 1986

ББК 26.89(6Гв)
П 30

Светлане от Ирины.
Учись отлично!

Редакции
географической
литературы

Рецензенты:
М. Б. Горнунг,
Б. В. Егоров

Петровский А. Д., Селиверстов Ю. П.

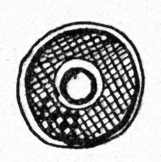
П30 По дорогам и тропам гвинейской саванны: Записки геологов.— М.: Мысль, 1986.— 144 с., 16 л. ил.
60 к.

Авторы на основе личных впечатлений знакомят читателей со своеобразной природой Гвинейской Республики, богатством ее недр, особенностями городов и поселений страны, бытом, традициями, характерными чертами населения. Показаны социальные сдвиги, изменения в структуре и размещении хозяйства, происшедшие в республике после освобождения ее от колониальной зависимости. Рассказывается о помощи, оказанной гвинейскому народу СССР и другими социалистическими государствами.

Книга иллюстрирована цветными и черно-белыми фотографиями. Для широкого круга читателей.

П $\frac{1905020000-013}{004(01)-86}$ 130-86

ББК 26.89(6Гв)
91(И6)

Предисловие

Гвинейская Республика расположена в Западной Африке на берегу Атлантического океана в северном полушарии. Широта 10° разделяет ее почти на две равные части. Здесь на площади 245,8 тыс. кв. км проживает 6,4 млн. человек (1982 г., оценка). Население страны за последнее время заметно увеличилось. Так, в 1975 г. численность его превысила 5 млн.

В разных районах страны живут многочисленные народности. Среди них преобладают фульбе (35%), малинке (30%) и сусу (13%). На долю остальных — лома (тома), герзе, киси, дьалонке и др.— приходится 22%. Представители каждой народности говорят на своем языке. Поэтому даже живущие по соседству гвинейцы различных народностей не всегда могут понять друг друга. Официальный же государственный язык — французский. Однако далеко не все, особенно деревенские жители, владеют им, что создает известные трудности при общении.

Подавляющая часть населения — мусульмане (около 79%), остальные придерживаются местных традиционных верований и культов. Незначительная часть жителей — христиане.

Выгодное географическое положение Гвинейской Республики определяется ее выходом к океану, где расположены два крупных порта — Конакри (столица страны) и Камсар. В непосредственной близости от побережья находятся острова Лос, среди которых самые крупные — Тамара и Касса.

Гвинея одной из первых в Тропической Африке сбросила колониальное иго. На референдуме, проведенном 28 сентября 1958 г., гвинейский народ поддержал антиколониальный и патриотический курс Демократической партии Гвинеи (ДПГ). Она была создана в мае 1947 г. и сплотила в своих рядах всех передовых представителей многочисленных народностей страны, борющихся за независимость, против французского господства. С октября 1958 г. Гвинейская Республика развивается как самостоятельное национальное государство, завоевавшее политическую независимость.

Гвинейская Республика с первых дней своего существования начала проводить антиимпериалистическую

внешнюю политику, поддерживала национально-освободительное движение в других странах, развивала отношения с социалистическими странами.

По природным условиям и особенностям хозяйственного развития Гвинею можно разделить на четыре части. Нижняя (Приморская) Гвинея занимает узкую прибрежную зону. Она невелика по площади, но экономически это наиболее развитая часть страны. Здесь расположены столица и основные промышленные предприятия. Нижняя Гвинея выделяется как район товарно-экспортного земледелия. В этой части страны живут в основном представители народности сусу.

Средняя Гвинея расположена на плоскогорье Фута-Джаллон и отличается горным рельефом. Здесь преобладают ландшафты саванн, а в самых высоких местах встречаются и горные луга. Климат Средней Гвинеи более благоприятен для человека, чем климат Нижней Гвинеи. Здесь не бывает высоких температур и значительно ниже влажность воздуха. Природа менее подходяща для развития земледелия, зато издавна эта территория благоприятна для развития животноводства. Фута-Джаллон заселено преимущественно народом фульбе.

Верхняя Гвинея расположена к востоку от Средней Гвинеи и занимает равнинные пространства в бассейне верхнего течения Нигера. Климат здесь более континентальный, ландшафты представлены преимущественно саванной. Главное занятие населения, среди которого преобладают малинке,— земледелие.

Лесная Гвинея занимает юго-восток страны, где расположена часть Северо-Гвинейской возвышенности с предгорьями. Как и в приморской части, здесь очень высокая влажность и обилие тепла, что благоприятно для эффективного земледелия. Однако удаленность от экономически развитых центров и океана сдерживает развитие этого района. В отличие от других частей Гвинеи здесь в некоторых местах сохранились тропические леса. В Лесной Гвинее живет много мелких народностей, придерживающихся до сих пор древних верований и культов.

О Гвинее написано немало книг, в том числе и советскими авторами. Нам довелось наблюдать жизнь гвинейского народа с 1961 по 1977 г. во время геологических исследований. Удалось побывать во многих уголках страны, встретиться с представителями различных слоев населения. Во время геологических маршрутов приходилось ночевать в гвинейских хижинах (казах). Постоянно общаясь с нашими гвинейскими колле-

гами, а также с губернаторами городов, комендантами районных центров, старостами деревень, партийными деятелями разных рангов и конечно же с простым людом, мы сумели лучше узнать страну с таким непривычным для нас укладом жизни, понять радости и заботы гвинейского народа. Проведя столько лет в гвинейских саваннах, вынесли незабываемые впечатления о природе страны, о духовном богатстве ее народа. Многие из этих впечатлений нашли отражение в геологической документации, в записных книжках и отчетах. Однако главное, на что мы опирались при написании книги,— наша память.

В книге намеренно ограничена геологическая тема, поскольку она представляет интерес только для специалистов, и рассказывается лишь о задачах работы и о том, что мы видели и чувствовали во время ее проведения в непривычных условиях Гвинеи. При выполнении маршрутов приходилось проникать в самые отдаленные районы. В вечерние часы короткого отдыха мы часто беседовали с гвинейцами, отвечали на их многочисленные вопросы о Советском Союзе. Иногда удавалось показывать в самой глубинке советские кинофильмы.

По самым скромным подсчетам, каждый из нас прошагал по гвинейской земле не менее 3 тыс. км и проехал на автомашинах в 25—30 раз больше. За время проведения работ советские специалисты-геологи вместе с гвинейскими коллегами покрыли геологической съемкой масштаба 1:200 000 территорию более 80 тыс. кв. км. Были открыты месторождения различных металлов, в том числе очень крупные залежи руд железа и алюминия, а также строительных материалов, в которых чрезвычайно нуждается развивающаяся республика. В работах принимали участие специалисты из разных уголков нашей страны — Москвы и Ленинграда, Киева и Ташкента, Минска и Красноярска, Свердловска и Новосибирска, Апатитов и Певека.

В Гвинее мы постоянно ощущали дружеское расположение народа. В постоянном трудовом контакте с гвинейскими коллегами порой забывалось, что находимся за границей. В то же время пришлось испытать и незнакомое прежде чувство ностальгии, особенно в конце длительного срока пребывания вдали от родной земли.

С тех пор как мы вернулись домой, неоднократно приходилось рассказывать о работе в Африке с показом многочисленных цветных диапозитивов. После каждого такого «сеанса» вновь ощущали себя в стране, где было пролито столько пота и оставлено много сил,

вложено столько энергии и получено так много впечатлений.

Предлагаем читателям вместе с нами побывать в гвинейских саваннах, встретиться с различными людьми, поспать на жестких циновках гвинейских хижин, послушать «хохот» зеленых мартышек и лай свирепых на вид бабуинов, испытать противный холодок при встрече с громадными пресмыкающимися, посмотреть в черное африканское небо с легендарным созвездием Южного Креста, искупаться в сотнях разных рек и речушек, наконец, попытаться проникнуть в тайны этой прекрасной страны и разделить с нами радость открытий.

Первые впечатления

В наш век высоких скоростей «ворота в страну» находятся в аэропорту. Самолет после длительного полета и часовых посадок в Алжире и Дакаре взял курс на Конакри. Внизу быстро проплывают желтые полупустынные пространства Африканского континента, заболоченное, покрытое мангровыми зарослями побережье Атлантического океана, плоские зеленые, часто затопленные острова Бижагош. Затем самолет делает крутой вираж над синим простором и идет на посадку. В иллюминаторах промелькнуло несколько пальм, и мы уже на земле.

Спускаемся по трапу и погружаемся во влажную теплынь. Одежда тотчас прилипает к телу. Это «банное» ощущение возникает во время каждого посещения Конакри — такая здесь высокая влажность. Среднее годовое количество осадков на побережье достигает 4000 мм и более.

Быстро темнеет. Аэропорт небольшой, но довольно уютный. На втором этаже балкон для встречающих, откуда приветственно машут незнакомые люди. Все вокруг необычно и вызывает естественное волнение. Значительно позднее, когда приходилось улетать из Конакри и прилетать сюда несколько раз, все уже казалось вполне обыденным и до мелочей знакомым.

Со стороны города, как и обычно, к аэропорту примыкает широкая площадь. Отсюда к центру столицы ведет асфальтовое шоссе. Конакри расположен на полуострове Калум, который соединен дамбой с островом Тимбо.

Аэропорт Гбессия находится в горловине полуострова Калум, который на востоке, резко расширяясь, переходит в предгорья, а затем и в плоскогорье Фута-Джаллон, где и пришлось нам трудиться большую часть времени.

Из аэропорта едем через весь город. Темнота наступила внезапно. Улицы вечернего города освещены скудно. Преобладают желтые фонари. Строения по обеим сторонам дороги видны плохо, за исключением нескольких крупных зданий, которые быстро остаются позади, и нас опять обступают еле видимые домики.

Проезжаем мост. Навстречу движутся автомашины с ослепляющим дальним светом желтых фар. Сворачиваем в сторону. Опять темные улицы, еще несколько поворотов, и автобус останавливается. Нас привезли в двухэтажный особняк, арендованный специально для размещения советских специалистов-геологов. Отсюда вскоре предстояло перебраться на восток, в саванны Фута-Джаллона, к местам исследований. Они представляются совсем загадочными. Наскоро поужинав, засыпаем. Сколько затем пришлось провести дней и ночей в том же особняке?! Он стал знакомым до каждой трещинки на потолках и стенах.

Проснулись рано: слишком велико возбуждение от необычной обстановки. Да и шум кондиционера к утру стал вовсе назойлив. В холле, где нет кондиционеров, легкая духота. Сквозь щели жалюзи пробивался свет солнечного утра. Появилось желание принять душ или по крайней мере помыться. Однако не тут-то было. Как и во многих приморских городах, в Конакри существует проблема пресной воды. Сначала это доставляло много неудобств, но в конце концов мы привыкли обходиться тоненькой струйкой живительной пресной влаги, периодически появлявшейся из кранов или душевых воронок.

Послышался с улицы шум мотора и клаксон автобуса — надо ехать в посольство СССР, а затем в организации, где предстояло работать. Первый рабочий день начался. Настроение приподнятое. Все в зелени. В воздухе ощущаются влажная духота и запахи океана. Ярко и с необычайной для раннего утра высоты светит солнце.

На улицах много людей, одетых в длинные белые или пестрые одежды. Никто не спешит. Очень много легковых машин самых разнообразных марок и различного технического состояния. Это новейшие «пежо», «тойоты», «вольво», «мерседесы» и другие, а рядом с ними дряхлые колымаги неизвестно каких названий и непонятно как двигающиеся по дороге. Обращает внимание малое количество светофоров. Встречаются полицейские в темно-синей униформе, с полосатыми жезлами. Среди них есть и женщины.

В посольстве оформляем необходимые документы и направляемся в ORG — республиканское геологическое ведомство. Под его руководством и протекала в дальнейшем вся наша работа. Нас представили гвинейскому и советскому руководству. Затем главный геолог подробно информировал о состоянии дел и очертил круг вопросов, которыми придется заниматься в ближайшем будущем.

День пролетел незаметно. Вечером впервые решили пройтись по городу. Думали, что будем привлекать к

себе внимание гвинейцев, но ошиблись. Столица давно привыкла к постоянному присутствию иностранных, в том числе и советских, специалистов. На набережной мы более часа вдыхали незнакомый, пахнущий солью и рыбой воздух. Было время отлива, и дно океана обнажилось на несколько сот метров от берега.

Постепенно осваивались с обстановкой. Тогда еще не знали, что предстоит провести здесь не один год и что потом каждая улица и дом в этой части Конакри будут не менее знакомы, чем родные районы Ленинграда.

Через два дня выехали к месту работ в окрестностях города Киндиа, в поселок, расположенный в 130 км восточнее Конакри. Там нас ожидали товарищи, прибывшие несколько раньше и уже преодолевшие особенно трудные первые маршруты. Вот и начиналась геологическая африканская жизнь. Впереди ждала интересная, трудная и ответственная работа.

По саванне пешком и на автомобиле

Первые соглашения между Советским Союзом и Гвинеей об экономическом и техническом сотрудничестве были заключены в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Советские специалисты по алмазоносным и золотоносным россыпям работали тогда в Верхней и Лесной Гвинее: именно здесь находятся основные месторождения этих ценных ископаемых. По итогам работ, проведенных в 1961—1969 гг., наши специалисты дали квалифицированную оценку изученных площадей и составили полный кадастр (перечень) месторождений и рудопроявлений золота и алмазов. В этих работах участвовал и один из авторов.

Со второй половины шестидесятых годов в Гвинее начались регулярные геолого-съемочные и разведочные исследования, в результате которых выявлены основные закономерности геологического строения изученных территорий и определены перспективные полезные ископаемые. Для получения этих сведений необходимо было пересечь всю площадь съемки масштаба 1:200 000 геологическими маршрутами, отстоящими друг от друга не далее чем на два километра. Каждые два года группе советских специалистов различных геологических профилей полагалось исследовать площадь 12 тыс. кв. км. Состав группы определялся в Советском Союзе; обычно не более девяти полевых исследователей.

Первые съемки производились в наиболее населенных и освоенных районах Приморской Гвинеи и постепенно перемещались на восток и северо-восток, в пределы плоскогорья Фута-Джаллон. Одновременно со съемками решалась и одна из первоочередных задач гвинейской экономики — выявление и оценка бокситоносных площадей, особенно в районах, благоприятных в горнотехническом, а стало быть, и экономическом отношении. В этом же была заинтересована и советская сторона, поскольку часть бокситов[1], согласно соглашениям, должна была поступать в СССР. В процессе работ оценивалось качество бокситов и примерные запасы

[1] Бокситы — горные породы, состоящие преимущественно из минералов гидроокисей алюминия, в меньшей степени железа и содержащие более 35% глинозема (Al_2O_3) и менее 5% кремнезема (SiO_2).

выявленного месторождения (точные количественные запасы определяются только при проведении специальных детальных разведочных работ).

После каждых двух лет исследований геологической службе Гвинеи передавались геологическая карта, карта полезных ископаемых изученной территории и объяснительная записка к ним. В разные годы эти материалы составлялись либо после обработки полевых данных при возвращении в Советский Союз, либо тут же в Гвинее в период дождей. В последнем случае на всех этапах в работе участвовали гвинейские специалисты — инженеры и техники с геологическим образованием. Некоторые из них стажировались в СССР и неплохо владеют русским языком. Все они по праву разделяли с нами радость открытий и являются соавторами всех отчетных материалов.

Кроме маршрутных геологов в наших группах участвовали лабораторные работники, буровые мастера, механики, иногда переводчики. Каждый из них внес заметный вклад в общее дело и в немалой степени способствовал своевременному и успешному завершению контрактных обязательств. И все же основная тяжесть и ответственность ложились на плечи тех, кто непосредственно проводил геологические наблюдения в саванне. Каждый из нас отправлялся в маршрут в сопровождении одного-двух гвинейских рабочих, которые помогали находить верную дорогу, отбирать геологические пробы, объясняться с местным населением.

В зависимости от дальности расстояния в саванну выбирались пешком или на автомашинах. Практиковались как однодневные, так и многодневные маршруты. Особенно трудными оказались они в первые дни пребывания в Гвинее. Сказывались резкая перемена климата, непривычно высокая температура воздуха. Организм еще не был приучен к таким большим и необычным физическим нагрузкам. Поэтому на первых порах выходили только в однодневки, недалеко от базы. Постепенно происходила адаптация, и уже через две-три недели все могли проводить по три-четыре маршрутных дня в неделю.

Однодневные маршруты, не требующие ночевки в пути, давались, конечно, легче всего. Однако и в этом случае приходилось «выкладываться», особенно когда местность оказывалась сильно пересеченной и труднопроходимой из-за густой растительности. Особенно досаждали заросли колючих кустарников, обильно перевитые упругими лианами. В этих случаях с помощью специальных ножей, похожих на мачете, мы прокладывали себе путь, медленно, шаг за шагом врубаясь в

зеленое царство саванны. Эти ножи в Гвинее называют «куп-куп» — от французского couper, что означает «рубить» или «резать». Рубка просек для продвижения всегда отнимала много сил и значительно осложняла геологические наблюдения.

Поначалу сказывалось и отсутствие опыта работы в саванне. Нередко мы впустую тратили много сил, поскольку, чтобы двигаться точно по линии заданного маршрута, продирались напролом сквозь казавшиеся непроходимыми густые и колючие заросли. Между тем очень часто рядом проходила тропа, двигаясь по которой можно было быстрее и, главное, эффективнее выполнить намеченную работу. Тропы в саванне являются основным видом коммуникаций, соединяющих населенные пункты. Они значительно облегчили нам маршрутную жизнь.

Определенные трудности возникали на первых порах также из-за слабого знания французского языка. Среди нас были и такие, кто вовсе его не знал. Это уже значительно позднее ввели обязательные курсы перед поездкой в страну, где предстояло работать. Это совершенно правильное решение, поскольку в нашей специальности, особенно в полевых условиях, где переводчиков не бывает вовсе, знание языка необходимо. Оно необходимо по крайней мере в двух аспектах. Один из них чисто потребительский — не имея новых топографических карт, очень трудно сориентироваться на местности. В этих случаях расспросы местного населения обусловлены производственной необходимостью, т. е. тем, ради чего мы и были направлены на работу в эту страну. А необходимость такого рода возникала постоянно — выяснить название деревни, которая мигрирует с места на место, совершенно не соответствуя положению на старых картах, дороги или на худой конец тропы. Наконец, пребывание в незнакомой стране, с иными обычаями, нравами, вызывает естественное желание лучше познакомиться с ними, понять их, что обусловливает, с нашей точки зрения, основную необходимость преодоления языкового барьера. Пришлось выучить даже по нескольку десятков слов и выражений на языках фульбе и сусу и применять эти «знания» на практике. Надо было видеть лица местных жителей, когда иностранный специалист обращался к ним на родном языке, пусть даже это был только обычный ритуал приветствий. Гвинейцы тут же отвечали на приветствия широкими улыбками, и дальнейшее общение становилось проще и сердечнее.

В нашей работе чаще применялись все же многодневные маршруты. Они были наиболее экономичными,

особенно в местах, удаленных от баз партий. Этим достигалась экономия бензина, техники да и собственного здоровья, поскольку каждодневная езда по пыльным и трудным дорогам отнюдь не прибавляла сил, особенно если такие переезды составляли иногда 100—150 км.

Конечно, сами по себе многодневки были достаточно трудны. В них мы не имели возможности нормально питаться и отдыхать. В однодневных маршрутах почти все обходились только флягой воды: есть на жаре совершенно не хотелось. В многодневки же брали хлеб и консервы, которые съедали вечером, когда находился ночлег и несколько спадала дневная жара. Если ночевать приходилось в деревне, то «консервный» ужин обильно запивали горячим сладким чаем, после чего маршрутная усталость постепенно улетучивалась. Рабочие в это же время утоляли голод рисом, запивая его холодной водой. Они предпочитали свое национальное кушанье холодным консервам, разделяя эту трапезу с нами только в случае ночевки под открытым небом, вдали от гостеприимных деревень. Впрочем, такие случаи были редкостью.

На базе, куда мы возвращались после маршрутов, нас всегда ждал теплый душ, вкусный обильный горячий ужин (гвинейские повара — отличные знатоки своего дела) и самый комфортабельный ночлег — в спальном мешке и на раскладушке. Говоря это, мы нисколько не преувеличиваем. В многодневках обычно мы довольствовались непривычным ночлегом прямо на земляном полу гвинейских хижин. Постелью в этих случаях служила циновка да тонкий чехольчик от спального мешка. Но иногда и везло: в какой-нибудь деревеньке оказывалась деревянная кровать — тогда ночлег сулил быть «воистину царским». И все же чаще в многодневках не высыпались.

При планировании маршрутов мы исходили из усредненной дневной нормы — 10 км. Это совсем небольшое расстояние даже для пешехода, идущего неторопливым шагом по дороге. Но в гвинейской саванне преодолеть эти километры, ведя постоянные геологические наблюдения и записи в дневниках,— дело непростое. Впрочем, то же могут сказать и большинство геологов, проводящих исследования в любом уголке мира. И все же в Гвинее после нескольких дней работы на изматывающей жаре, обычно при резком недостатке питьевой воды, без привычной горячей еды и нормального ночлега мы с трудом добирались до желанного места отдыха. Особенно трудно приходилось в пятидневках, но они проводились в исключительных случаях,

только в самых отдаленных местах, где не было проезжих дорог, а иногда и троп.

Далеко не сразу научились мы поддерживать силы при выходе из маршрутов орешками кола. Это некрупные, размером с грецкий орех, терпкие на вкус плоды, растущие на кустарниках. Нам поначалу очень не нравился даже их своеобразный запах. Но постепенно мы к ним привыкли и, несмотря на обильное слюноотделение при пережевывании, не испытывали никаких других отрицательных эмоций. В розоватых или желтоватых, разделенных на крупные дольки орешках кола содержится тонизирующее вещество, которое, как, например, и в кофе, придает на определенное время бодрость и прибавляет силы.

В процессе работ мы выработали для себя оптимальный режим геологических исследований в гвинейской саванне — после двух однодневных маршрутов или многодневки обязательно устраивали камеральные дни, когда обрабатывали результаты полевых наблюдений и восстанавливали силы для следующих походов.

В отдаленные от базы маршруты мы выезжали на отечественных автомашинах ГАЗ-66 или ГАЗ-69. В условиях беспощадной эксплуатации и бездорожья эти машины показали себя с самой лучшей стороны. Вспоминая о них, хочется сказать глубокие слова благодарности создателям названных моделей. Особенное уважение, даже любовь, питали мы к ГАЗ-69, или, как его называли гвинейцы, «джипу». Поражала удивительная выносливость этой миниатюрной машины, которая легко преодолевала водные преграды, перебиралась через каменистые осыпи, могла ездить по самым плохим дорогам и «карабкаться» на крутые склоны. Своего более крупного (по размерам) и мощного (по силе мотора) «лендровера» «газики» превосходили по проходимости и непритязательности, хотя и уступали «знаменитому англичанину» в скорости по асфальтированным дорогам. Пришедший на смену модели ГАЗ-69 более современный УАЗ-469, по общему признанию наших коллег, оказался значительно комфортабельнее, но менее выносливым к бездорожью и африканскому климату.

На всех автомашинах работали гвинейские шоферы — в подавляющем большинстве отличные водители. Национальная и, вероятно, профессиональная их черта — страсть к быстрой езде. Даже в сумерках на плохих проселочных дорогах они обычно не снижают скорости.

Гвинейские водители великолепно ориентируются на местности и запоминают даже те дороги, по которым

проехали только один раз. Повторить любой маршрут, даже при бездорожье, им не представляло никакого труда. Поэтому они всегда вовремя и на заранее обусловленном месте поджидали выходящих из саванны геологов.

Можно заметить еще одну особенность гвинейских шоферов: им нет равных в искусстве размещать максимальное количество народа и груза в своих автомобилях. На дорогах часто приходилось видеть допотопные лимузины и современные легковые такси, везущие по крайней мере втрое больше возможного. На крышах грузовиков нередко красовались самодельные багажники с громадными тюками, чемоданами и прочим скарбом. Иногда среди вещей можно было увидеть несколько коз и даже коров.

Гвинейские шоферы не только непосредственно участвовали в работах, но и оказывали неоценимую помощь в контактах с местным населением. В Гвинее, как, по-видимому, и везде, шоферы — народ очень общительный. Профессиональная необходимость заставляла их быть полиглотами. Почти каждый из них мог довольно свободно объясняться на трех-четырех языках — фула, сусу, малинке, а те, кто работал в Лесной Гвинее,— на языках народностей, населяющих эту часть страны,— тома, герзе и др. Поэтому, куда бы мы ни приезжали, водители всегда могли найти общий язык с любым из представителей многочисленных народностей Гвинеи. По прибытии в какую-нибудь деревеньку шофер, пока мы с гвинейскими рабочими выбирались из машины и вытаскивали оттуда нехитрое геологическое оборудование, спешил к старосте и вскоре возвращался вместе с ним. К этому времени нас уже окружала толпа гвинейцев, практически все, кто в это время находился в деревне. После представления и взаимных приветствий шофер произносил речь. Мы не всегда понимали ее содержание, поскольку она редко произносилась на французском, а чаще на одном из местных языков. Однако общий смысл сказанного был ясен, ибо мы слышали подобные выступления неоднократно. Заканчивались такие выступления шоферов почти всегда одинаково: жители деревень кормили рабочих, а староста выделял проводников, которые нередко провожали нас до конца маршрута, показывая самую удобную дорогу.

В результате работ, проведенных в разные годы, советские и гвинейские геологи открыли многочисленные месторождения бокситов и железных руд, рудопроявлений золота, никеля, хромитов и других полезных ископаемых. Конечно, не все из открытых месторожде-

ний могут разрабатываться уже в ближайшее время. Это связано со сложностью освоения удаленных от океана труднодоступных горных районов, требующего значительных капиталовложений. Наиболее подходящим в этом отношении оказалось месторождение Дебеле, отстоящее от побережья немногим более чем на 100 км. Однако следует отметить, что запасы месторождения невелики и требуют дополнительной разведки соседних площадей. Такую работу и начала с 1984 г. новая группа советских специалистов.

Кроме месторождений бокситов и железных руд в процессе геологической съемки удалось обнаружить месторождения очень дефицитного в Гвинее известнякового сырья для производства цемента. Одно из таких месторождений — Амарая — обнаружили в долине реки Коры. Сюда геологи специально перевезли буровой станок, так как по геологическим предпосылкам предполагали присутствие здесь известняков. Однако во время проведения здесь маршрутных наблюдений выходы этих пород на поверхность не были обнаружены. Каково же было наше удивление, когда один из механиков, отправившись на рыбалку, принес с берега реки белый камень, который оказался известняком. Дело объяснялось просто: маршруты по реке проводились в самом начале сухого сезона по высокой воде, которая скрывала коренные выходы горных пород. К концу же сухого сезона уровень воды упал на 2—2,5 м, и известняки обнажились. Последующая разведка открытого таким несколько курьезным способом месторождения показала высокое качество цементного сырья. Во время нашего пребывания планировали построить цементный завод.

Открывать новые месторождения теперь предстоит другим группам геологов, среди которых, возможно, также будут советские специалисты. Им в определенной степени сделать это будет легче, поскольку основные закономерности геологического строения Фута-Джаллона и прилегающих территорий уже установлены, что позволит более обоснованно и целенаправленно вести дальнейшие изыскания на различные виды минерального сырья, так необходимого для развивающейся экономики молодой Гвинейской Республики.

Богатства гвинейских недр

Много полезных ископаемых скрыто в гвинейских недрах. Самыми важными в экономическом отношении, бесспорно, являются бокситы. На сравнительно небольшой территории страны сосредоточено около 46% всех разведанных мировых запасов при среднем содержании в рудах 45% глинозема и 5% кремнезема.

Бокситы — основное сырье для производства алюминия, спрос на который быстро возрастает. Это делает Гвинею важнейшим поставщиком данного сырья на мировой рынок. Если в 1978 г. добыча и производство бокситов составляли 9,6 млн. т, в 1979 г.— 12,5 млн., то в 1983 г. уже достигнут уровень 35 млн. т.

До 1958 г. в Гвинее не было национальной геологической службы. В 1961 г. с помощью советских, польских и венгерских ученых и инженеров такая служба была создана. Уже в начале семидесятых годов она насчитывала более ста гвинейских инженеров и техников. С каждым годом их ряды пополняются за счет выпускников горно-геологического факультета Политехнического института в Конакри. Создание Национальной службы геологической разведки способствовало проведению в стране (с помощью специалистов из Советского Союза) геологических исследований. Эти работы позволили синтезировать сведения по уже известным месторождениям бокситов и открыть много новых перспективных площадей.

Первые месторождения бокситов на западе Гвинеи (на островах Лос) были открыты французскими геологами еще задолго до первой мировой войны. Их разработка началась в конце тридцатых годов. Дальнейшая история разведки и добычи бокситов в стране связана с деятельностью главным образом алюминиевых компаний США и Франции. Были открыты уникальные по запасам и качеству сырья месторождения бокситов Боке, Туге, Фриа, Киндиа и др. Советские специалисты совместно с гвинейскими коллегами открыли месторождения Дебеле, Бантинель, Донголь-Сигон и др. В связи с этим хотим коротко рассказать о самом процессе открытия в гвинейских тропиках месторождений бокситов и часто связанных с ними едиными процессами формирования бурых железняков.

Подлетая к столице республики, в иллюминатор авиалайнера видишь главным образом три цвета: голубовато-зеленый — прибрежной зоны океана, темно-зеленый — участков густых тропических зарослей и красно-бурый — поверхностных покровов, почти лишенных растительности. Последние являются характернейшим признаком присутствия прямо на земной поверхности железа и алюминия.

При приземлении в аэропорту Гбессия в окрестностях Конакри мы убедились в правоте «взгляда сверху». Сразу же за пределами аэродрома и подъездных шоссе повсюду видны обломки пород и шлаковидные образования, внешне весьма напоминающие бурые железняки. Это в действительности и была железная руда весьма высокого качества благодаря присутствию в ней ценных природных примесей других химических элементов.

Краснота поверхности становится еще более яркой и бросающейся в глаза на островах Лос и к востоку от Конакри, уже в пределах платообразных возвышенностей Фута-Джаллона. Сверху эти оттенки не воспринимались столь отчетливо, а внизу, на земле, отличия очень заметны. Связано это с тем, что теперь под ногами оказываются не бурые железняки, а высококачественные бокситы. Ходим буквально по рудным месторождениям с высоким (по существующим кондициям) содержанием полезных компонентов.

На основе прочитанных книг и опыта работы у нас в стране представить такое было трудно. Действительность превзошла все ожидания. Уже в непосредственной близости от Конакри находишься в природной лаборатории рудогенеза, где можно прямо на дневной поверхности наблюдать формирование и развитие в огромном масштабе экзогенных (поверхностных) месторождений полезных ископаемых, прежде всего руд железа и алюминия.

Для нас, геологов, работавших только в умеренных широтах, это было необычно и сначала казалось не вполне реальным, но по мере знакомства с местными ландшафтами мы убеждались, что далеко не все геологические тайны природных процессов глубоко спрятаны в земных недрах. В Гвинее многие из них «лежат на поверхности».

Мы знали, что можно видеть формирование определенных типов руд при современных вулканических извержениях, в горячих источниках, при карстовых процессах растворения известняков и т. д., но, что можно проследить стадии возникновения и преобразования железняков и бокситов, не предполагали.

Удивление сменилось вскоре геологическими буднями, которые все же не переставали преподносить все новые и новые сюрпризы. Постепенно они выстраивались в сравнительно логичную картину закономерностей строения и размещения на местности экзогенных месторождений руд железа и алюминия. Раскрывая и исследуя эти закономерности с учетом прежде известных фактов, мы в конечном счете разработали достаточно стройную систему геологических приемов, позволяющих достоверно выделять крупные участки поверхности с месторождениями железных руд и бокситов и даже давать их приближенную количественную оценку (достоверные запасы месторождений определяются специальными методами детальной разведки, которая не входит в задачи геологической съемки).

Каждая новая территория съемки вначале представлялась настоящей терра инкогнита. Действительно, в Гвинее, когда приступали к работе, мы практически не имели никаких геологических данных на каждую конкретную площадь. Материалы прежних французских исследований не сохранились, да они и не носили характера планомерного геологического изучения всей территории страны, а ограничивались обычно участками уже открытых месторождений.

Особые трудности возникали при самых первых съемках. Но затем появлялось все больше сведений и наблюдений, которые служили основой дальнейших работ. Мы сталкивались со значительными различиями в геологическом строении каждой новой территории, что делало работу значительно интереснее, хотя и труднее.

Работы по выявлению перспективных площадей на бокситы или железные руды в еще не исследованных районах начинались с просмотра, или так называемого дешифрирования, аэрофотоснимков, на которых отчетливо видны различные типы рельефа. К сожалению, у нас не было цветных аэрофотоснимков, где многие элементы строения не только земной поверхности, но и погребенных зон выявляются особенно отчетливо. Но даже на черно-белых снимках можно было выделить и отличить широкие плоские безлесные пространства разной степени окраски — от темно-серой до очень светлой. По опыту предыдущих съемок мы уже знали, что приподнятые выположенные участки рельефа на снимках имеют, как правило, более светлые тона там, где присутствуют самые высококачественные бокситы. Это связано с тем, что многие минералы алюминия, входящие в состав бокситовых руд, имеют белую или светло-желтую окраску, что в массе при съемках с

высоты и дает на снимках характерный светлый фототон.

Те же формы рельефа с темно-серыми тонами оказывались бурыми железняками. Эта разница в оттенках цвета на фотоснимках определялась главным образом составом пород геологического субстрата, и особенно первичными содержаниями в них минералов железа и алюминия.

Следующий этап работ — проведение обычных маршрутных исследований, особенно внимательно на выделенных перспективных площадях. Геолог в поле на глаз или с помощью увеличительной лупы изучает состав поверхностных образований и отбирает серии образцов на более объективный и точный химический анализ. Только после получения результатов анализов можно вполне определенно судить о перспективах исследуемой площади.

Со временем, по мере накопления опыта, данные полевых заключений геолога и результаты химических анализов различались не более чем на несколько процентов, что позволяло уже в маршрутах решать вопрос о проведении на перспективных участках разведочных работ. А это задачи следующей операции, когда на участки доставлялись буровые станки, с помощью которых можно было «заглянуть» и в более глубокие земные слои. По результатам бурения выявлялись мощности рудоносных образований, количественное содержание полезных и вредных для данного типа руд компонентов. Эти сведения также выяснялись путем отбора серий проб и их аналитических обработок. В зависимости от результатов химических анализов и размера перспективной площади выявлялись более или менее богатые рудами участки, которые либо продолжали изучаться путем бурения многочисленных скважин, либо выбраковывались, как не вполне соответствующие промышленным кондициям.

В настоящее время в Гвинее можно выделить четыре бокситоносные зоны: приморскую. островную, центральногвинейскую и горную. Все бокситы залегают близко к поверхности и связаны с так называемыми латеритными[1] корами выветривания[2] или же с продуктами их переотложения.

[1] Латериты — плотные, обычно непластичные пористые остаточные образования верхней зоны коры выветривания, сложенной алюможелезистыми и глинистыми минералами.

[2] Кора выветривания — поверхностное образование, сформированное в результате процессов физического и особенно химического выветривания — выноса щелочей, щелочных земель, кремнезема, перераспределения окислов железа, алюминия и накопления глинистых минералов.

Образование мощных кор выветривания связано в первую очередь с климатическими особенностями страны, а также с благоприятной геологической обстановкой и рельефом. Именно сезонное распределение осадков способствует образованию бокситовых месторождений. В течение сухого сезона почва высыхает и растрескивается. Это создает благоприятные условия для циркуляции в ней и нижезалегающих горных породах обильной влаги дождливого сезона, что способствует выносу легкорастворимых химических элементов горных пород — щелочей и щелочных земель, в меньшей степени — кремния. В ходе этого процесса, повторяющегося из года в год в течение тысячелетий, первичные горные породы обогащаются труднорастворимыми окислами железа, алюминия и титана.

Чем больше глинозема содержится в первичной породе, тем больше шансов для скорейшего образования месторождения. Чем положе и выше рельеф, тем интенсивнее промывной эффект и тем большая степень выщелачивания и природного обогащения ценными плохо растворимыми окислами. В условиях сильно пересеченной местности основная часть влаги скатывается по поверхности, производя уже не выщелачивающий, а эрозионный эффект, который не способствует формированию латеритных покровов. Поэтому все крупные месторождения бокситов приурочены к широким плоским бовалям[1], сформировавшимся на обогащенных алюмосиликатами горных породах — глинистых сланцах[2], габбро, базальтах, долеритах[3], нефелиновых сиенитах[4], различных кристаллических сланцах и др.

Группа месторождений района Фриа расположена в Приморской Гвинее, в 100 км к северу от Конакри, в бассейне Конкуре. Разведка этих месторождений производилась в 1954—1955 гг. французской компанией «Пешине». Тогда же организовалось акционерное общество «Фриа», включившее кроме французских капиталы США, Великобритании и ФРГ. К началу 1960 г. было закончено строительство бокситодобывающего комплекса, куда входили глиноземный завод с подсобными

[1] Боваль — плоская, резко очерченная возвышенность (столовая гора, плато), покрытая каменистым латеритным покровом, обычно лишенная почв, сухая, с травянистой (в дождливый сезон) и редкой древесной растительностью.

[2] Сланцы — общее название группы метаморфических горных пород различного состава.

[3] Габбро, долерит, базальт — магматические горные породы основного состава, сложенные преимущественно темноцветными минералами и плагиоклазом.

[4] Нефелиновый сиенит — магматическая горная порода, сложенная светлыми, в основном щелочными, и до 15% темноцветными минералами.

предприятиями, железная дорога протяженностью 145 км до Конакри и специальный причал в порту гвинейской столицы. Кроме цехов для переработки бокситов предприятие включает насосную станцию, станцию для очистки воды, тепловую электростанцию мощностью 30 тыс. кВт, мастерские по текущему и капитальному ремонту оборудования. Все эти подсобные цехи оснащены компанией «Пешине». Здесь же организована школа профессионального обучения.

После строительства и ввода в эксплуатацию бокситодобывающего комплекса мощностью 1,3 тыс. т глинозема в день очень быстро стало увеличиваться городское население за счет крестьян прилегающих районов. Только за период с 1962 по 1968 г. население Фриа возросло почти вдвое.

Продукция «Фриа» экспортировалась акционерами пропорционально вложенному капиталу. Значительная часть экспорта глинозема шла в Норвегию (22%), а $^3/_4$ французской доли «Пешине» — на алюминиевый завод этой фирмы в Камеруне. Часть продукции (8—10%) общества поступала в социалистические страны — Польшу, Чехословакию и ГДР.

Несмотря на привлечение фирмой «Фриа» значительного количества рабочей силы (1,3 тыс. человек) и отчисление налогов с доходов в пользу Гвинеи, страна не получала реальной выгоды. Об этом очень убедительно пишет Ж. Сюре-Каналь в книге «Гвинейская Республика»: «Из огромных богатств недр стране достается немного. «Фриа» поставлена в привилегированное положение по налогообложению, поэтому государство получает в виде налогов ничтожную часть ее прибылей. Но это предприятие является для Гвинеи источником свободно обратимой иностранной валюты, без которого дефицит внешнеторгового баланса был бы катастрофическим... пример «Фриа» показывает, что такой способ индустриализации не решает ни одной проблемы в преодолении экономической отсталости... можно сказать, что «Фриа» решает проблемы фирмы «Пешине» и ее акционеров с помощью Гвинеи, а отнюдь не проблемы Гвинеи при участии фирмы «Пешине»» (с. 275—276).

Месторождение в районе Боке находится в 200 км к северо-северо-западу от Конакри в Приморской зоне — у западных окраин Фута-Джаллона, в бассейне реки Когон. Отсюда до морского порта Камсар всего 130 км. Разведку месторождения осуществляла французская компания «Боксит дю миди», ей же было предоставлено право на разработку. Подготовительные работы начались в апреле 1958 г. Проектом предусматривалось

сооружение бокситодобывающего комплекса типа «Фриа», но по ряду причин он не был осуществлен. Тогда гвинейское правительство национализировало компанию. В то же время, не имея достаточных средств для освоения месторождений Боке своими силами, Гвинея заключила договор с американской компанией «Харвей алюминиум» о совместной их эксплуатации. Так образовалось смешанное общество «Боксит де Гине». В 1966 г. пришли наконец к соглашению, по которому Гвинея получала 49% акций с правом назначения председателя компании и половины членов совета. Американская сторона часть своих акций уступила компаниям Канады, Франции, ФРГ и Италии.

Согласно договору, месторождение передавалось компании на 75 лет с сохранением права за Гвинейской Республикой эксплуатировать его для собственных нужд. Производственная мощность разработок оценивается в 6 млн. т в год. Пропускная способность железной дороги и порта рассчитана на 8 млн. т. Шестьдесят пять процентов прибыли сохраняется за Гвинеей. Все руководство комплексом осуществляется государством.

Для реализации соглашения сразу же началась подготовка местных кадров. Весь персонал предприятия составляют гвинейцы. Эти условия оказались несравненно выгоднее для страны, чем договор с «Фриа». Тот факт, что иностранные компании все же пошли на эти условия, объясняется прежде всего уникальностью месторождения Боке, приносящего даже на принятых условиях громадные прибыли. Запасы этого месторождения оцениваются в 4,2 млрд. т при содержании Al_2O_3 57—58% с примесью кремнезема не более 1%. Бокситы Фриа значительно хуже качеством — содержание окиси алюминия — 42% при количестве кремнезема до 4%.

В юго-восточной части района Боке располагается исключительная по своим характеристикам боваль Сангареди, содержащая не менее 150 млн. т осадочных (переотложенных в водной среде) бокситов. При средней мощности продуктивного пласта более 10 м содержание глинозема составляет 59—61%.

Бокситоносный район Киндиа находится в западной части Фута-Джаллона, в 20 км юго-западнее города Киндиа. Бокситовые бовали были оконтурены здесь еще в 1950 г. геологами компании «Пешине», а разведка произведена в 1951—1954 гг. французской компанией «Сарепа». Бокситы этого района аналогичны месторождениям Фриа; средняя мощность продуктивных пластов — 7 м. Как и во Фриа, они выходят на дневную поверхность.

В конце 1969 г. между Гвинейской Республикой и СССР было заключено соглашение об организации разработок одного из месторождений киндийской группы — Фригиагбе. В соответствии с этим соглашением советская сторона предоставляла оборудование, а гвинейская — осуществляла эксплуатацию. В процессе проведения геологической съемки в районе Киндиа советские специалисты открыли, а позднее и детально разведали месторождение Дебеле, расположенное в непосредственной близости от киндийских месторождений. Подсчитанные запасы составили 60,5 млн. т руды с возможностью прироста еще на 40—45 млн. т. В 1970—1974 гг. при содействии СССР в Дебеле был сооружен бокситодобывающий комплекс. Кроме железной дороги были сооружены рудник, жилой поселок, грузовой порт в Конакри и центр профессиональной подготовки кадров. Проектная мощность комплекса — 2,5 млн. т руды в год — была достигнута в 1976 г. В соответствии с договором значительная часть бокситов поставляется в СССР, в том числе в погашение предоставленных Гвинее кредитов. Как и после строительства других объектов, СССР оказывает содействие в эксплуатации Дебеле. Однако предприятие полностью принадлежит гвинейскому государству, и все доходы идут на развитие национальной экономики.

В районе архипелага разработка бокситов началась на острове Тамара в пятидесятых годах компанией «Боксит дю миди». К середине шестидесятых годов месторождение оказалось уже практически выработанным. Поэтому в 1966 г. работы прекратились и были перенесены на остров Тамара. В 1967 г. Гвинея заключила договор с компанией «Харвей алюминиум» о разработках залежей руды, принадлежащих государству. Однако ее запасы обеспечивали работы лишь на несколько лет, после чего планировалась выработка месторождений Боке. Семьдесят пять процентов добычи на острове Тамара получала компания, и только 25% резервировалось за Гвинеей. Таким образом, национализация бедных и истощенных запасов бокситов на островах Лос оказалась не очень выгодной для Гвинеи, отчего она и вынуждена была передать оставшиеся залежи на острове Тамара в руки частной компании.

Месторождения района Туге расположены на Фута-Джаллоне в 100 км к северу от города Дабола. Их разведку производила компания «Сарепа». Запасы руды здесь не менее 2,5 млрд. т при среднем качестве сырья. В 1971 г. было подписано соглашение со швейцарской компанией «Алюминиум Сюис» о создании смешанного

общества «Сомига» для разработки этих месторождений. Акции «Сомига» поделены между Гвинеей и компанией поровну при доле прибылей, составлявших для страны 65%. Компания обязалась построить в городе Туге глиноземный завод и участвовать в сооружении электролизного завода и завода по производству алюминия. Предполагаемый объем добычи бокситов — 8—10 млн. т в год. Их реализация осуществлялась смешанным обществом «Интерсомига», половина капитала которого принадлежала Гвинее.

Другой бокситоносный район расположен непосредственно в районе города Дабола. Его запасы оцениваются почти в 0,5 млрд. т. Эти бокситы сравнительно невысокого качества — характеризуются высокой железистостью, но отличаются небольшим содержанием кремнезема — до 1%.

Для эксплуатации месторождения Дабола в 1971 г. создано смешанное предприятие с участием югославской фирмы «Энергопроект». Их партнерами позже стали Алжир и Нигерия. Предполагаемая мощность завода — 4 млн. т бокситов и 300 тыс. т глинозема в год. На долю гвинейской стороны приходится 51% акций и 75% прибылей.

На базе месторождений, открытых на левом берегу реки Когон недалеко от города Боке, 27 июня 1976 г. была создана гвинейско-арабская компания «Алюги»; кроме Гвинеи в нее вошли Ливия, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Египет. Пятьюдесятью процентами акций этой компании владеет Гвинея. Разведанные запасы месторождений составляют 113 млн. т. Предусматривается добыча 9 млн. т бокситов и 2,1 млн. т глинозема в год.

Месторождения, открытые советскими специалистами на Фута-Джаллоне в середине семидесятых годов, (Бантинель, Донголь-Сигон и др.), также входят в фонд национального богатства Гвинеи.

Богата Гвинея и месторождениями высококачественных железных руд. Самые крупные из них имеются в Лесной Гвинее, в массивах Нимба и Симанду, открытых еще в тридцатых годах нашего столетия. Поисково-разведочные работы в этих районах осуществлялись геологической службой так называемой Французской Западной Африки вплоть до 1960 г., когда правительство Гвинеи запретило все поисковые исследования иностранных компаний на территории страны.

По предварительным оценкам, содержание железа в рудах Нимба и Симанду достигает 60% и более. Запасы первого месторождения составляют 600 млн., а второго — 700 млн. т. В связи с недостаточным развитием

транспорта эти руды долгое время не разрабатывались. Поэтому гвинейское правительство обратилось с просьбой к Либерии, на территории которой расположена часть железорудного массива Нимба, разрешить вывоз руды по ее магистралям. 17 июня 1973 г. было создано смешанное общество «Миферги-Нимба», куда кроме Гвинеи, имеющей 50% акций, вошли Нигерия, Ливия, Алжир, Япония, Испания, Франция, Румыния и Либерия. Начать эксплуатацию намечалось с завершением строительства железной дороги от рудника до пограничной станции Екепа. Вывоз руды планировался через либерийский морской порт Бьюкенен. Исходный уровень добычи должен составлять 2 млн. т руды в год. Разработка месторождений Симанду планируется после строительства трансгвинейской железной дороги.

Первым железорудным месторождением, с которым мы смогли познакомиться в Гвинее, было месторождение на полуострове Калум, в 13 км от столицы. Месторождение представляет собой пластообразную рудную залежь, образованную в результате изменений ультраосновных пород, происходящих в поверхностных слоях во времена очень низкого стояния вод Атлантического океана. Современный его уровень значительно выше. Рудное же тело распространяется на глубину до 100 м ниже этого уровня.

Железные руды месторождения Калум разрабатывались с 1948 г. открытым способом. Следы этих разработок — разной величины и формы выемки, карьеры, ямы — отчетливо видны и сейчас. Часть из них превратились в свалки, другие залиты водой, и лишь некоторые сохранились в неизменном виде. Особенно четко следы разработок, как «оспины» на земной поверхности, видны с воздуха — для облета территории будущих работ приходилось пользоваться небольшими самолетами местной авиакомпании.

Для знакомства с типами руд месторождения Калум не было необходимости ездить на бывшие рудники: рудная залежь во многих местах выходит прямо среди городских построек. Президентский дворец, набережная, национальный музей расположены на берегу Атлантики прямо на железной руде. Живописные выходы пористых шлаковидных руд омываются водами океана возле пляжа Миньер в северной части города.

В 1957 г. добыча железной руды достигла максимума — 1,2 млн. т, но затем стала быстро сокращаться. В 1958 г. она снизилась до 372 тыс. т, в 1959 г. — до 352 тыс., а в 1966 г. прекратилась совсем. Компания «Миньер де Конакри», в которой преобладал французский капитал (51,3% акций), по политическим соображе-

ниям и из-за рыночной конъюнктуры (высокохромистая железная руда Калума требует более дорогого обогащения и находила сбыт только в годы наивысшего спроса) постепенно начала свертывать производство, не обновляя устаревшего оборудования. Тактика компании сводилась к тому, чтобы выйти из дела с минимальными издержками. Несмотря на это, в некоторые годы добыча поднималась до 750 тыс. т, что объясняется появлением в начале шестидесятых годов новых рынков сбыта в социалистических странах. В 1964 г. на железную руду приходилось 7% стоимости гвинейского экспорта, а в последний год добычи (1966) — 3,4%. Прекращение деятельности «Миньер де Конакри» нанесло ощутимый удар молодой республике. Безработными внезапно оказались 650 человек высокооплачиваемого гвинейского персонала, которые кормили по крайней мере еще около 10 тыс. иждивенцев. Продолжение эксплуатации месторождения собственными силами для Гвинеи было невозможно из-за отсутствия национальных кадров, нехватки средств для замены устаревшего оборудования и неблагоприятной конъюнктуры на мировом рынке.

Кроме высококачественных железных руд Гвинея располагает практически неисчерпаемыми запасами руд более низкого качества, связанных с корами выветривания. Содержание железа в них редко превышает 40%. В настоящее время они еще не котируются из-за наличия более высококачественного сырья. Однако по мере истощения мировых запасов железа конъюнктура должна измениться, и тогда станет возможной эксплуатация этих руд латеритного типа, залегающих прямо на дневной поверхности.

В тридцатых годах в Западной Африке начался настоящий алмазный бум. Его причиной стали несколько найденных алмазов, среди которых имелись и ювелирные. Такие алмазы были обнаружены в Сьерра-Леоне, Либерии и на востоке Гвинеи. В результате специализированных поисков было открыто несколько крупных месторождений. До 1961 г. они разрабатывались на правах концессий двумя частными компаниями — «Согинекс» и «Миньер де Бейла» и кооперативом местных старателей «Бекима».

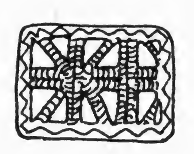
В 1961 г. монопольное право на разработку алмазных месторождений передано государству, а частные компании национализированы. С этого времени гвинейскому предприятию стали принадлежать все добывающие установки частных компаний. С помощью СССР оно занялось добычей ценных камней. Советские геологи заинтересовались коренными источниками алмазных

россыпей, и в итоге были открыты восемь кимберлитовых трубок[1]. С этого времени потенциал алмазоносности страны резко возрос. Общие запасы алмазов оцениваются в 30 млн. каратов, а в перспективе они достигнут 200 млн.

В последнее время промышленная добыча алмазов из-за нехватки кадров и капиталовложений на замену устаревшего оборудования резко ограничена. А пока продолжается старательская добыча алмазов, которая в 1981 г. составила 40 тыс. каратов, а в 1982 г. и того меньше — всего 32,5 тыс.

Не определены окончательно и запасы золоторудных месторождений страны. Известные и легкодоступные россыпи и некоторые коренные месторождения района Сигири на северо-востоке страны в основном уже выработаны. Между тем россыпные, а возможно, и коренные месторождения золота имеются и в других районах.

[1] Кимберлитовые трубки — образовавшиеся в результате прорыва глубинных газов трубообразные каналы обычно с переменным сечением (до 1 км в диаметре), заполненные кимберлитовой брекчией — алмазоносной рудой глубинного происхождения.

Встречи, контакты, размышления

Во время пребывания в Гвинее нам пришлось встречаться и знакомиться с различными представителями гвинейского общества. Особенно частые встречи происходили во время проведения геологических рекогносцировок и маршрутов. Это были разные встречи — веселые и грустные, долгие и короткие, душевные и настороженные, дружеские и курьезные.

Одно время пришлось проводить работы после вооруженной португальской агрессии[1]. Если ранее все дороги были свободны для проезда, то после осени 1970 г. на них повсюду организовывались КПП — контрольно-пропускные пункты, или, как их тут называли, «барражи» — заграждения. Отряды народной милиции, полиции или военные дежурили здесь даже ночью, тщательно проверяя документы, расспрашивая, куда и зачем следует автомашина с иностранцами. В конце концов, убедившись, что мы советские геологи, разрешали нам ехать дальше.

Барражи представляли собой обыкновенный шлагбаум, который устанавливался обычно на пересечении крупных дорог или перед въездом в административный центр. На проселочных дорогах и перед небольшими поселками роль шлагбаума играла бочка с положенной на нее длинной жердью, перегораживающей проезд. Когда формальности проверки заканчивались, жердь поворачивали вдоль дороги, освобождая путь.

В каждом новом районе, где приходилось работать, такая процедура повторялась на дорогах по нескольку раз, пока нас не начинали узнавать, и тогда пропускали без проверки. При выезде из Конакри располагался особенно усиленный наряд полиции, который проверял документы. Кроме документов полицейские придирчиво осматривали и всю поклажу. Проезжая здесь, мы всегда видели несколько машин на обочине дороги, которые подвергались тщательнейшему досмотру. Нас же останавливали очень редко и проверяли только разрешение на выезд в район работ и документы на

[1] В ноябре 1970 г. гвинейский народ отразил вооруженную агрессию Португалии, имевшую целью лишить его завоеванной независимости и нанести удар по национально-освободительному движению Гвинеи-Бисау.

право вождения автотранспорта, если за рулем находился кто-либо из наших специалистов. Как только полицейские убеждались, что едут «совьетик» — так нас называли в Гвинее,— они без промедления освобождали дорогу.

Однажды мы выехали на разведку дорог в район предстоящих исследований. Дело было в центре Фута-Джаллона, в округе Коба, расположенном в нескольких десятках километров от города Пита. Рабочие в это время уехали в Конакри за продуктами. Пришлось отправиться вдвоем без обычно сопровождающих гвинейцев, часто выполняющих роль переводчиков. Как правило, направляясь в поездку по району, где нас не знали, мы заезжали в административный центр и представлялись местным властям, рассказывали о задачах и целях работы, информировали о составе группы. После такого визита о нас уже знали местные жители.

На этот раз центр округа находился далеко от намеченного пути, и мы отступили от выработанного правила, о чем скоро пожалели. Наш «джип» сразу привлек внимание и на одном из перекрестков был остановлен вооруженным патрулем народной милиции. Выслушав объяснения, гвинейцы вежливо, но настоятельно предложили проследовать в административный центр округа для проверки документов.

В машину позади нас уселись трое с ружьями, в живописных одеждах. С таким «почетным конвоем» и пришлось ехать в поселок Коба. Как и большинство поселков, он был небольшим. На маленькой площади развевался на высоком флагштоке трехцветный флаг республики, под которым был укреплен традиционный ритуальный барабан тамтам.

Нас провели в здание. После взаимных приветствий представители местной власти тщательно проверили наши документы. Во время этой процедуры в дверях стояли наши «конвоиры». Время шло, «визит» затягивался. Однако мы уже привыкли, что гвинейцы не любят торопиться. Наконец после наших объяснений хозяева выделили нам провожатых и пожелали счастливого пути. Уже знакомые сопровождающие опять уселись в «джип», и мы смогли продолжить работу. Надо сказать, что «караульные» помогли отыскать несколько новых, не нанесенных на прежние карты дорог, с готовностью отвечая на все вопросы. В то же время они с большим недоумением смотрели на камни — геологические образцы, которые мы время от времени приносили в машину со встречающихся обнажений. В конце концов рекогносцировка удалась, и

сопровождающие, указав ближайшую дорогу для возвращения, вежливо попрощались и исчезли.

Когда наступило время проводить съемку в районе Кобы, мы, наученные горьким опытом, не поленились второй раз посетить представителей власти и познакомить их со всеми сотрудниками группы, включая буровиков, механиков и переводчика. Приняли нас чрезвычайно радушно, угостили черным кофе и обещали всяческую поддержку.

В другое время и в другом районе пришлось возвращаться большой группой из длительного маршрута. Неожиданно лопнул вентиляторный ремень автомашины. До ближайшего поселка — районного центра — было не менее 50 км горной дороги. Только оттуда можно было связаться по телефону с базой и попросить помощи. На коротком совещании мы решили наполнить все имеющиеся емкости водой и по ночной прохладе попытаться добраться до административного центра. Комендант его нам был хорошо знаком и наверняка помог бы связаться по телефону с механиками.

Решение оказалось верным. Так и не встретив ни одной машины, мы ехали всю ночь. Приходилось часто останавливаться и менять воду в радиаторе. Эту процедуру повторяли через каждые несколько километров. Поселок показался, когда уже светало. После бессонной ночи, наложенной на многодневную маршрутную усталость, все едва держались на ногах.

Комендант был дома. Узнав о нашей неудаче, он без промедления начал звонить своему коллеге из района, где располагалась база. Через час-полтора удалось связаться с абонентом, который в свою очередь обещал незамедлительно сообщить о случившемся нашим механикам. Главное было сделано. Теперь оставалось только ждать. Голод же давал о себе знать все сильнее. Клонило в сон.

Вместе с рабочими и буровой бригадой нас было человек двадцать. Поэтому совершенно неожиданным было приглашение коменданта, имеющего большую семью, разделить с ним утреннюю трапезу.

Всех провели в просторную гостиную, где уже был накрыт громадный стол. Кроме традиционного риса на нем красовались томаты, куски мяса, разные соусы и подливы. Гвинейские рабочие да и мы заметно оживились и повеселели. Перспектива подкрепиться всех явно воодушевила. Мы уже мечтали после завтрака вздремнуть в тени небольшой манговой рощицы.

Но мы оказались слушателями великолепной минут на сорок речи коменданта. Он говорил о задачах Гвинеи,

особенно подробно останавливаясь на проблемах развития своего района, о международном положении, о сотрудничестве Гвинейской Республики со странами социализма, и особенно с Советским Союзом, в конце речи выразил глубокую благодарность за совместный труд советских и гвинейских геологов, который также способствует экономическому развитию страны. Говорил комендант очень ярко, образно и эмоционально. После этого беседа длилась еще около часа и касалась преимущественно геологических вопросов, поскольку гостеприимный хозяин живо интересовался сырьевыми ресурсами окружающих ландшафтов.

Наконец прием подошел к концу, и мы, поблагодарив хозяина за радушие и теплые слова, смогли добраться до приглянувшейся рощицы, где как убитые заснули прямо на голой земле. Проспали часов до четырех, когда прибыли наконец механики с запасным ремнем, и вечером мы уже были на своей базе.

В Гвинее нас поначалу поразила «любовь» гвинейцев к приветствиям. Это особенно ощущалось на периферии. Неоднократно наблюдали настоящий ритуал приветствия. Поначалу, непривычные здороваться с незнакомыми людьми, мы на приветствия встречных ограничивались кивком головы. Это не удовлетворяло местных жителей, и в конце концов для нас также стало обычным здороваться чуть ли не с каждым за руку. Иногда на пути попадались деревни с особенно вежливыми жителями. Они буквально выстраивались в очередь, чтобы пожать нам руку. В этом ритуале не принимали участия только некоторые женщины и дети. Во время приветствия гвинейцы, крепко пожимая руку, в знак особого уважения к встречному слегка наклоняют корпус вперед и касаются левой рукой своей груди.

Однажды большой группой поехали в далекий рекогносцировочный маршрут. Один из «джипов» по дороге вышел из строя. Пришлось изрядно потесниться и двинуться дальше на одной машине. Другую оставили на дороге с шофером и переводчиком. Водитель вскоре уехал на попутной машине за механиком, а переводчик остался за караульного.

Возвращались вечером. Там, где оставили «джип», уже хлопотали механики. Переводчик выглядел утомленным, хотя целый день провел возле машины. Сильную усталость он с лукавинкой в глазах объяснил тем, что ему пришлось пожать не менее семисот рук и столько же раз сказать «диарама», что означает «здравствуйте».

В каких бы поселках и деревнях ни приходилось останавливаться на ночлег или же просто на отдых, всюду чувствовали к себе повышенное внимание. Ста-

роста деревни или его помощник приносили длинные деревянные раскладные кресла и предлагали нам отдохнуть. Тут же появлялись тазы, полные апельсинами, которые староста норовил сам очистить острым длинным ножом, а затем собственноручно вручал кому-нибудь из нас. Детишки со всей деревни, босоногие, голопузые, цепко держась за юбки матерей, с удивлением, смешанным со страхом, таращили свои черные глазенки. Ребятишки постарше старались подойти к нам поближе и потрогать. Взрослые при этом сердились, строго им что-то говорили, но через некоторое время очередной смельчак опять норовил коснуться нашей руки или одежды.

Особым вниманием у гвинейской детворы пользовались дети советских специалистов. Их мгновенно окружали мальчишки (девочки в это время уже помогают матерям по хозяйству) и также старались потрогать руками. Они бурно между собой обменивались впечатлениями, но в разговор с прибывшими не вступали, а при появлении взрослых предпочитали отойти на почтительное расстояние. Однако так они вели себя только вначале. Стоило детям хотя бы немного узнать друг друга, как они быстро находили общий язык. Их нередко можно было видеть вместе живо обсуждающими свои «важные» проблемы. Это обычно происходило на базах, окруженных домами, где проживало много гвинейской детворы разного возраста.

С гвинейскими ребятишками нам, взрослым, особенно часто приходилось встречаться в хвойных рощицах, куда мы ездили собирать грибы. Да, мы не оговорились. В Гвинее на Фута-Джаллоне растут самые настоящие грибы — маслята.

Рощицы, о которых идет речь, были высажены еще французами в первой половине нашего столетия. Они прижились на высоте более 800 м над уровнем моря, где обычно нет продолжительных высоких температур, свойственных районам более низкогорного рельефа. До искусственных посадок сосен маслят в Гвинее не было, и местное население их не знало. Поэтому «незнакомые переселенцы», попавшие на благодатную почву, не были восприняты как дар природы. К ним отнеслись, как и ко всему чужому и неизвестному, очень настороженно, отчего и не употребляли в пищу.

Среди нас было много грибников, и грибы в Гвинее воспринимались как что-то очень близкое, напоминающее «тихую охоту» на родине. Первые найденные маслята мы долго не решались попробовать, так как с легкой руки гвинейских коллег считали грибы ядовитыми. И все же мы иногда собирали эти лесные дары,

отваривали, наслаждаясь запахом, но не пробовали. Молодые маслята однажды соблазнили одного из нас, завзятого грибника. Потихоньку от всех, дважды слив отвар, он отведал вываренные грибы — показалось вкусно. Никаких признаков отравления в течение четырех часов не обнаружилось. После этого смельчак рискнул съесть несколько грибов — опять ничего. Наконец он попробовал ложку отвара, а затем выпил целый стакан — все было благополучно. На следующий день, набрав целое ведро лесного деликатеса, наш товарищ стал угощать всех присутствующих, ссылаясь при этом на собственный опыт.

Грибы в сосновых рощицах растут не везде. Как и в любом лесу, здесь надо было примечать наиболее урожайные места, особенно в конце дождливого сезона, когда грибы попадались реже, а временами и вовсе исчезали. Вот тогда-то и охватывал всех настоящий грибной азарт, знакомый каждому любителю,— забывалось, что находишься в знойной Африке, в 11 тыс. км от дома. И в эти минуты нас окружали гвинейские детишки. Из самых лучших побуждений они вмиг обирали для нас все лужайки с грибами, нарушая идиллию сбора.

Мы пытались угощать маслятами, тушенными с картошкой, гвинейских товарищей, предварительно убедив их, что грибы не ядовиты. Они с удовольствием ели картошку, но сами грибы оставляли нетронутыми — такова уж сила традиции.

Кроме маслят в Гвинее имеются и некоторые виды шампиньонов. Их гвинейцы знают и употребляют в пищу.

К европейцам в Гвинее обычно относятся очень доверчиво и уважительно, особенно в деревнях. Их жители считают, что «белые инженеры» должны уметь и знать все, вплоть до тонкостей женских болезней, не говоря уже о таких заболеваниях, как грипп или желудочные колики. Поэтому к нам часто обращались пожилые и молодые женщины, реже мужчины с просьбой оказать ту или иную медицинскую помощь. Когда удавалось определить симптомы несложного заболевания, мы прибегали к содержимому походных аптечек. Чаще всего выручали желудочные таблетки — в Гвинее очень распространены желудочно-кишечные заболевания. В подавляющем большинстве случаев пациенты чуть ли не на глазах выздоравливали, отчего возникало подозрение, что гвинейцы просят «медикаман» (лекарство) на всякий случай, про запас. Иначе как объяснить, что пациент со скорбным, даже мученическим лицом, жалуясь на «страшную» головную боль,

не успев проглотить таблетку аспирина, чуть ли не пускался в пляс, уверяя, что теперь совершенно здоров.

Приходилось сталкиваться и с серьезными заболеваниями. Тогда мы вынуждены были отказывать в помощи, чтобы не усугубить состояние больного. При этом чувствовалось: гвинейцы не очень верят, что мы не можем вылечить от той или иной болезни. Впрочем, в одной из наших групп был геолог, который с большой охотой брался исцелять чуть ли не все болезни только потому, что его дедушка был доктором. Он перевязывал загноившиеся раны, старался лечить экзему, ушибы и прочие недуги, причем делал это так аккуратно, применяя антисептические средства, преимущественно марганцовку, что приобрел во всей округе славу знаменитого лекаря.

С медицинским обслуживанием в деревнях, особенно удаленных от административных центров, дело обстоит еще плохо. Медицинских кадров не хватает. В городах же имеются больницы, где работают как гвинейские, так и иностранные специалисты. Для детворы в городах введены в практику профилактические прививки от различных заболеваний. Приходилось наблюдать, как, выстроившись в аккуратную очередь, малыши, обнажив руку, спокойно подходят к сестре или врачу и получают необходимую инъекцию.

Из всех способов лечения гвинейцы считают наиболее радикальными уколы и в отличие от многих наших соотечественников ни капли их не боятся. Кстати сказать, и техника подкожных или внутривенных инъекций доведена здесь до совершенства. Нашим специалистам также приходилось прибегать к услугам гвинейских врачей, фельдшеров и сестер. Все они делают уколы, как правило, безболезненно. Место, куда будет вводиться лекарство, слегка растирают, затем наотмашь хлопают по нему ладошкой. Происходит секундное его онемение. В этот самый момент и производится укол.

Несмотря на профилактику заболеваний и, если можно так выразиться, «любовь» к уколам, у гвинейцев еще бытуют и застарелые предрассудки на лечение некоторых болезней. Эти предрассудки приводят порой к трагическим последствиям. Одной из болезней, которую, по мнению местных жителей, могут лечить только знахари, является инфекционная желтуха. При этом считается, что если заболевшему желтухой сделать укол, то он непременно умрет.

Случилось однажды так, что несколько гвинейских рабочих, с которыми мы постоянно контактировали, заболели желтухой. Как положено в таких случаях,

сообщили об этом руководству экспедиции. Прибывший врач ввел всем взрослым и детям, входившим в контакт с пострадавшими, гамма-глобулин. Тем не менее заболел сын нашего геолога, а также болгарский агроном, не успевший вовремя получить лекарство. Оба, к счастью, поправились. А вот среди гвинейского персонала один из самых лучших профессиональных буровых мастеров, наш хороший товарищ Бубакар, когда заболел, то, следуя традиции, не обратился к врачу, а поехал в Лесную Гвинею к знаменитому знахарю. Неизвестно, как его там лечили. Только обратно Бубакара привезли на машине чуть живого. Никакие уколы спасти его не смогли. Другой наш товарищ — гвинейский механик по имени Папа, который также предпочел старинный способ лечения, выжил, хотя и проболел после знахарского «лечения» более полугода.

К нашему удивлению, оказалось, что у ослепительно белозубых гвинейцев, особенно у курящих, тоже болят зубы. Зубных врачей в Гвинее наперечет. В основном это были болгарские специалисты. Сложность их работы заключалась в том, что все инструменты и необходимые химические препараты они привозили с собой из Болгарии. Поэтому обезболивающих средств и специальных высококачественных цементов не хватало. Приходилось прибегать к местным материалам, которые, несмотря на великолепное мастерство болгарских врачей, служили недолго. Из-за дефицита новокаина дантисты вынуждены были лечить без обезболивания даже запущенные зубы. Пришлось прочувствовать на себе эту «средневековую пытку», а также видеть гвинейцев, которые корчились в кресле или же, не вынеся боли, выскакивали из кабинета.

У гвинейцев, с которыми нам приходилось общаться, не принято чистить зубы обычной для нас щеткой с пастой или зубным порошком. Они предпочитают щетке разжеванные палочки лофиры — одного из растений саванны, мягкая древесина которого выделяет белый вяжущий сок. Палочки эти одноразового пользования. Мы часто наблюдали, как рабочие или местные жители, встретив в саванне лофиру, обламывали веточки и тут же, независимо от времени суток, начинали чистить зубы. Эти своеобразные зубные щетки целыми пачками продаются и на базаре.

Раз или два раза в месяц мы посещали и основную базу, где жили наши семьи. Как правило, такие базы организовывались в городах Киндиа, Маму, Далаба, Пита и др. Мы привозили сюда геологические образцы, пробы на различные виды анализов для отправки в лаборатории, находящиеся в столице. В то же время на

базе мы пополняли продовольственные запасы и отдыхали от тяжелой маршрутной жизни.

В городах, где приходилось жить подолгу, от нескольких месяцев до нескольких лет, мы нередко встречались с губернаторами и их ближайшим окружением, чаще всего на приемах, устраиваемых местными властями по случаю государственных или же мусульманских праздников. На приемы приглашались все иностранные специалисты, работающие в районе: кубинцы, китайцы, румыны, венгры, поляки, болгары и многие другие. Сценарии таких приемов всегда одинаковы.

После церемонии взаимных приветствий начиналось общее застолье. Подавались национальные гвинейские кушанья — рис, мясные подливы, фрукты и овощи, прохладительные напитки. Лицам неафриканского происхождения иногда предлагалось пиво. Во время застолья произносились речи и тосты. Первым речь держал губернатор. Он поздравлял всех с праздником, благодарил гостей за участие в торжествах, говорил об успехах и насущных проблемах республики, отмечал вклад в развитие экономики или образования всех государств, представители которых присутствовали за столом. Потом выступали другие официальные лица и некоторые гости.

После речей и застолья начинались танцы. На сцене изощрялись музыканты. Всем полагалось танцевать. По обычаю, молодые девушки приглашают гостей на танец. Среди нас были такие, кто не умел танцевать, но храбро пытался под звуки национальных гвинейских инструментов подражать движениям окружающих. Местных красавиц это забавляло, и они неоднократно приглашали своих партнеров.

Танцы — это ритмичные движения под джазовую музыку, которая была настолько оглушающей, что не позволяла обменяться даже парой слов. Гвинейские девушки танцуют чрезвычайно легко и грациозно, отлично соблюдая ритм.

Как уже упоминалось, в Гвинее работает по различным контрактам много иностранных специалистов. В городах, где мы жили, чаще всего приходилось общаться с польскими и болгарскими специалистами.

Кроме зубных врачей среди болгарских специалистов в Гвинее были хирурги, терапевты, а также пчеловоды и агрономы. Они передавали свой богатый опыт молодым гвинейским коллегам. Особенно много трудились агрономы — даже свободное время проводили на огородах, выращивая на малоплодородных африканских землях великолепные плоды томатов, огурцов,

различные корнеплоды, знаменитый болгарский сладкий перец, лук, укроп и прочую зелень.

Среди агрономов в Гвинее было много китайцев. Они занимались здесь в основном повышением урожайности рисовых полей и добивались благодаря исключительному трудолюбию великолепных результатов.

Среди поляков были преподаватели физики седьмых-восьмых классов средней школы. Они, хорошо зная французский язык, заключали контракты на несколько лет, иногда на летние каникулы возвращались на родину, но чаще оставались в Гвинее безвыездно до конца договора. Кроме поляков в некоторых городах преподавали физику, математику, труд и другие дисциплины советские учителя. Нам приходилось иногда бывать на их уроках, видеть любознательные глазенки гвинейских ребятишек.

В настоящее время в Гвинее существует всеобщее бесплатное образование. Среднее образование осуществляется в три цикла и продолжается двенадцать-тринадцать лет. Первый включает шестилетнюю начальную школу, где учащиеся осваивают азы родного и французского языка, арифметики, истории и географии страны, естествознания, труда и физкультуры.

Дети, успешно окончившие первый этап обучения, в возрасте от тринадцати до шестнадцати лет могут продолжить образование в трехлетней неполной средней школе (седьмые — девятые классы). В это время у них специализированное обучение в зависимости от выбранного профиля — строительство, сельское хозяйство, механика и др. Основная масса учащихся изучает животноводство или земледелие, хотя в планы их подготовки входят и общеобразовательные дисциплины — математика, физика, химия, биология, геология, история и география. Завершает среднее образование третий цикл (три-четыре года), когда в основном продолжается специализация наряду с более углубленным изучением перечисленных выше дисциплин.

Успешная сдача экзаменов после завершения среднего образования гарантирует учащемуся звание бакалавра, после чего он может продолжить обучение либо в вузе, либо в профессионально-техническом учебном заведении.

Многие гвинейские бакалавры затем продолжали обучение за рубежом, в том числе и в Советском Союзе. И сейчас мы можем с большим удовлетворением сказать, что кроме вполне профессиональных геологов, с которыми пришлось работать рука об руку, подготовлено несколько кандидатов геолого-минералогических наук из числа гвинейских специалистов.

Студенты-геологи Политехнического института проходят ежегодную производственную практику в различных геологических организациях страны, в том числе и в партиях, где работали мы. Приходилось часто проводить с ними геологические маршруты, помогать усваивать азы полевой геологии. Они ходили с нами в маршруты, разделившись на группы по пять-шесть человек. Это, конечно, мешало исследованиям и увеличивало время работы. Однако, понимая важность и необходимость для Гвинеи подготовки своих специалистов, мы старались за тот короткий срок, что был выделен на полевые занятия, научить молодых людей основным методам и приемам геологической работы.

Многие из студентов, которые проходили в партиях геологическую практику, после окончания института пополнили ряды немногочисленных пока в Гвинее представителей нашей специальности. Из их числа систематически доукомплектовывались геологосъемочные, поисково-разведочные и тематические партии. Многие выпускники попадали и на административную работу.

Сейчас Гвинейской Республике нужны собственные национальные кадры. Поэтому интернациональная помощь, оказываемая социалистическими государствами, с благодарностью принимается всем гвинейским народом.

В столице Гвинеи — Конакри

Еще до приезда в Гвинею приходилось видеть цветные открытки с видами Конакри, снятыми с самолета или же вертолета. Город представлялся очень красивым, весь в сочной зелени, с белокаменными зданиями, четкими, ровными линиями улиц и проспектов. Непосредственное знакомство с городом дополнило эти впечатления. Конакри действительно оказался очень зеленым.

Вдоль его улиц и особенно на набережных высятся стройные пальмы, высокие, с могучей кроной манговые деревья, реже — величественные сейбы. Кроме них много и других южных вечнозеленых деревьев. Улицы также оказались прямолинейными. Они ориентированы в основном вдоль и поперек к берегам залива, однако есть такие, что веером расходятся от одного центра — площади.

Конакри — один из самых влажных районов Западной Африки. Из 4300 мм годовых осадков 4000 мм выпадает в течение шести месяцев. Температура воздуха не опускается здесь, по данным многолетних наблюдений, ниже 17°.

Расположение города на полуострове Калум и острове Тимбо определило его структуру. Он зажат Атлантическим побережьем, лишь на востоке беспорядочно разрастаясь в разные стороны. Его можно условно разделить на несколько частей.

Вдоль дороги, ведущей из аэропорта в центр, низенькие домики лепятся один к другому. Преобладают одноэтажные строения из бетона и латеритного кирпича, часто скрытые от глаз буйной зеленью кустарников и деревьев. Ближе к океану дома имеют более респектабельный вид, а вдоль побережья расположены одно- и двухэтажные, обычно огороженные виллы с деревянными колоннами и прочими украшениями.

В них часто размещаются официальные представительства различных государств. В самой западной части этого участка города высится многоэтажное современное здание Политехнического института — крупнейшего высшего учебного заведения страны. Оно построено с помощью Советского Союза и приняло

первых студентов в 1964 г. В институте готовят преимущественно технические кадры, необходимые для обеспечения развития экономики страны. В нем имеются электротехнический, общетехнический, инженерно-строительный, химический, горно-геологический, механический факультеты, а также естественных наук, медицинский, фармакологический, административный и общественных наук, на которых обучается свыше 4 тыс. человек. К зданию института примыкает несколько многоэтажных домов. Среди них находится общежитие преподавателей, где живут и советские специалисты. Этот район называется «Донка».

Неподалеку от «Донки» на берегу океана выделяется высокое стройное здание центральной гостиницы «Камайен». Здесь живут в основном иностранные специалисты. В этой же части города раскинулся ботанический сад, занимающий большую территорию. На его окраине есть и несколько вольеров с животными. Этот сад даже для неспециалистов представляет интерес. Здесь растут прежде неизвестные нам многочисленные виды экзотических растений. В ботаническом саду мы впервые увидели и хлебное дерево. На тенистых аллеях сада спокойно и прохладно.

В восточной части описываемого участка Конакри, на берегу океана, находится территория советского посольства.

В районе «Донки» размещается и самая крупная в стране больница, где наряду с гвинейскими работают и советские врачи. С 1961 г. больница оснащена советским оборудованием. В ней имеются хирургическое, терапевтическое, гинекологическое, детское, отоларингологическое и глазное отделения. Здесь же созданы зубоврачебный, рентгенодиагностический и физиотерапевтический кабинеты, лаборатория и служба переливания крови. Амбулаторный прием в больнице ведут также специалисты по нервным и кожно-венерическим болезням. В Конакри имеются, кроме того, несколько лечебных диспансеров, где работают один-два врача, два — четыре фельдшера и четыре — шесть санитаров.

Другая часть Конакри представляет собой узкий перешеек, где сходятся три шоссейные дороги. Жилых домов в этой части немного. Здесь преобладают различные предприятия и деловые конторы. Тут же размещены два кинотеатра и Музей национальных искусств, где представлены различные поделки народных умельцев, в том числе великолепные ритуальные маски. К каждой такой маске имеется табличка, где указано, на каких именно ритуалах или праздниках она надевается.

На острове Тимбо расположено большинство официальных зданий города — министерства, ведомства, банки и компании государственного и смешанного секторов. Здесь же много разноэтажных государственных и частных жилых домов, частных лавочек, государственные магазины и рынки.

Неподалеку от дворца президента находится морской порт. Глубина его внешнего рейда — 10,8 м, что позволяет принимать суда вместимостью до 20 тыс. т. В порту имеются причалы для погрузки различных грузов, в том числе бокситов, глинозема и железной руды.

В этой части города чувствуется определенная гармония в расположении магистралей и зданий, народу мало, на тротуарах довольно чисто. От дворца ведет широкий проспект, который переходит в основную шоссейную дорогу до аэропорта, далее ведущую в глубь страны к административному центру Верхней Гвинеи — второму по величине городу страны Канкану.

Вдоль побережья Атлантического океана в разных частях столицы имеется несколько пляжей. На острове, неподалеку от дворца, единственный из них, что огорожен высоким забором и где за вход взимается скромная плата.

На пляже много кокосовых пальм, широкие развесистые листья которых укрывают от палящего солнца. Здесь чисто, имеется обслуживающий персонал, в небольшом павильончике можно утолить жажду прохладительными напитками.

Остальные пляжи находятся уже на материке. Это Арабский пляж, Миньер и ряд других. Их считают «дикими» — доступ сюда свободный. Зато чистоту на этих пляжах наводит разве что сам океан во время приливов и отливов. Здесь постоянно гоняют мяч гвинейские ребятишки всех возрастов. Пляжи песчаные, но на некоторых участках побережья под водой скрываются островки каменистых образований — останцов выветренных и превращенных в железистые корки горных пород. Босая нога чувствует себя на неровной, с острыми выступами поверхности этих останцов очень неуютно. Раскаленный песок и сам по себе неприятен для непривычной к высокой температуре босой ноги. К тому же в нем предательски скрываются мелкие обломки игл морских ежей, которые глубоко проникают в кожу и извлекаются с большим трудом.

В воде океана много мелких студенистых медуз, похожих на те, что встречаются и у нас на Черномор-

ском побережье. Здесь же попадаются, к счастью достаточно редко, представители более опасного вида медуз — физалий, которые своими длинными, более метра, оранжевыми щупальцами могут нанести весьма чувствительные ожоги. Их следы долго не заживают, напоминая о неприятном «знакомстве». Тем не менее мы каждый раз, когда приезжали в Конакри, старались попасть на пляж и в течение одного-двух часов спокойно покачаться на волнах или поплавать. После этого усталость месячных маршрутов и изнурительной многочасовой дороги незаметно улетучивалась.

Искупаться в океане можно далеко не всегда, а только сообразуясь с расписанием приливов и отливов. При полном отливе вода уходит далеко от берега, обнажая илистое дно и каменистые выступы. В это время гвинейцы собирают мелкую океанскую живность — крабов, креветок, различные ракушки. Добыча складывается в корзины, ведра или прямо в полы широких одеяний ловцов. Кроме этого промысла в океане ведется и рыбная ловля. Ловят рыбу на небольших рыболовных судах, принадлежащих государству или артели. Бывают и одиночные рыбаки, выходящие в море на узких длинных лодках, напоминающих индейские пироги. Улов их не превышает обычно нескольких килограммов. Нередко пойманная рыба продается тут же на берегу или на специальном рыбном рынке, где постоянно стоит специфический запах разложившейся плоти.

Потребности населения в рыбе не удовлетворяются полностью. В 1976 г. выловлено всего 10 тыс. т, затем улов удалось довести до 20 тыс. при потребности минимум 60 тыс. т. В 1982 г. он составил уже 39 тыс. т. В Гвинее имеется около 150 рыболовецких бригад и около 10 тыс. рыбаков-кустарей.

На краю вдающейся в залив дамбы, где ремонтируются мелкие суденышки, довелось наблюдать и разновидность спортивного рыболовства. Здесь собираются обычно восемь — десять человек с весьма нехитрыми приспособлениями для лова. Это типичные наши «закидушки» — закрепленная на вертикальной или круто наклоненной палочке леска с крупным тяжелым грузиком на конце и двумя-тремя крючками с наживой. На такую снасть клюют разные рыбки, обычно в 200—300 г, но некоторым рыбакам, как и везде, приваливает иногда «рыбацкое счастье»: они вытаскивают «капитанов» до 1,5 кг весом. Другой способ ловли, здесь же на дамбе, более трудоемкий — с помощью накидной сетки с затягивающейся снизу веревкой. Энергичным движением руки рыбак забрасывает круглую сеть на несколько

метров от себя и через несколько секунд затягивает веревку, после чего сеть выбирает обратно. Добыча при таком способе ловли оказалась совсем незначительной: за час-полтора рыбак, за которым наблюдали, выловил всего семь-восемь рыбок.

Рыба составляет существенную часть рациона жителей Конакри. При отсутствии мяса рыбные блюда считаются деликатесом и вместе с рисом подаются к столу. Рыбу заготавливают и впрок — вялят на солнце или же солят; ее также продают на базаре.

Кстати, о базарах. Они являются одной из характерных особенностей Конакри, как, впрочем, и всех других городов Гвинеи. Среди рынков различаются специализированные — рыбные или фруктовые — и смешанные, где наряду с продуктами продаются предметы домашнего обихода, утварь, различные ткани и одежда, изделия местных умельцев.

Специализированный фруктовый рынок расположен на внешней окраине официальной части города, прямо у центральной магистрали. Он занимает небольшую площадь, огороженную решеткой. Здесь имеется несколько открытых павильонов, где разложены все разновидности фруктового богатства страны — апельсины, бананы, ананасы, арбузы, разные сорта манго, авокадо, папайя и др.

Неподалеку от фруктового рынка, чуть ближе к центру официального Конакри, находится, как мы его назвали, Большой рынок, где кроме фруктов продавались овощи, а на втором этаже — различные ткани и бижутерия. Кроме уже названных фруктов здесь продаются более привычные нашему глазу лук, картофель, огурцы, морковь и другие корнеплоды — маниок, батат и т. д. Цены на овощи, особенно на картофель, очень высокие. Сами гвинейцы практически не употребляют эти продукты и выращивают их для немногочисленных иностранцев.

Самый крупный рынок Конакри расположен в материковой части столицы. Эта часть города называется «Мадина». Так же называется и рынок. Он раскинулся на широкой площади и представляет собой длинные ряды крытых лотков, где разложены всевозможные товары. Преобладают самых разных оттенков и узоров ткани ливанского, японского, французского производства; много бижутерии, обуви, различных поделок из дерева и кости, среди которых маски и фигурки животных. Вблизи рынков часто располагаются мастерские по изготовлению всевозможных ювелирных изделий. В этом искусстве гвинейские мастера — настоящие виртуозы. Без какой-либо техники, самыми примитив-

ными инструментами они изготавливают тончайшие детали колец, брошей, кулонов и других украшений.

Большой популярностью у приезжих пользуются лавки художников. Кроме обычных масок из дерева в них можно встретить настоящие произведения искусства из слоновой кости и кабаньих клыков. Правда, ни разу не удалось увидеть, чтобы кто-нибудь покупал эти баснословной стоимости изделия.

На базарах встречались также стилизованные рисунки, сделанные красками на натянутых на деревянные рамки кусках черной ткани или на бумаге и изображающие различные стороны гвинейского быта, танцы, сценки охоты. Они называются «пото-пото» и представляют самостоятельный жанр изобразительного искусства.

Жители Конакри очень любят зрелища, особенно кино. В столице несколько кинотеатров, где демонстрировались в основном фильмы французского и американского производства, чаще всего так называемые боевики и «фильмы ужасов». Наряду с ними все больше появляется фильмов и из социалистических стран.

В Конакри имеется большой стадион, построенный в 1964 г. при содействии Советского Союза. Здесь часто выступают зарубежные команды. В то время, когда мы были там, на этом стадионе играл московский «Спартак». Футбол — самая популярная у гвинейцев игра. Две клубные команды — «Хафия» и «Калум-Стар» в тот период были одними из сильнейших на Африканском континенте. В декабре 1977 г. «Хафия» в третий раз и навечно выиграла Кубок африканских чемпионов. Национальная сборная Гвинеи не раз занимала ведущие места в общеафриканских первенствах по футболу.

«Болеют» гвинейцы неистово. В течение всего матча не смолкает шум на трибунах. В то же время нельзя отказать гвинейскому болельщику в объективности и доброжелательности к иностранным командам. Наш «Спартак» принимали очень тепло, часто аплодисментами сопровождали какой-либо удачный пасс, но зато, когда гвинейские футболисты забивали гол, казалось, что трибуны стадиона сейчас рухнут от мощного крика болельщиков.

В столице открыто несколько отделений «Либрапор» — организации по импорту книг, канцелярских и бумажных товаров, школьных принадлежностей, которые можно приобрести здесь на местные деньги — сили — по вполне доступной цене. Здесь же продаются очень красочные наборы открыток с изображением

наиболее живописных уголков страны, быта и ремесла ее населения.

Как и положено столице, Конакри — крупнейший культурный, деловой, промышленный и административный центр. Здесь находятся различные промышленные предприятия — текстильная, мебельная и сигаретная фабрики, мыловаренный и кирпичный заводы, ремонтные мастерские, а также предприятия по производству бетонных конструкций, кровельных материалов, кафельной плитки, изделий из пластмасс, кухонной утвари, фруктовых вод, соков и др. Здесь же имеется кондитерская фабрика и комплекс по обработке и хранению мясных продуктов, состоящий из коптильного завода, бойни и холодильника. Этот комплекс может перерабатывать до 170 голов скота за рабочую смену, но из-за нехватки сырья часто простаивает. Фабрика же выпекает в сутки 14 т хлеба и 5 т печенья.

В целом же столица представляет собой сравнительно небольшой, уютный приморский южный город, где основная жизнь большинства населения проходит на улице. Здесь на таганках готовится пища, воздух насыщен ароматом различных блюд. Тут же под ногами у взрослых снуют почти голенькие ребятишки. Мужчины собираются под навесами и ведут степенные беседы в ожидании вечерней трапезы, курят сигареты, приветствуют проходящих знакомых.

Население Конакри составляет более 650 тыс. человек. Оно представлено почти всеми народностями, живущими в Гвинее, но в этой, приморской части преобладают сусу — прирожденные земледельцы.

Жители столицы предпочитают ходить пешком — пройти несколько километров для гвинейца не составляет никакого труда, несмотря на высокую температуру (до 40° в тени) и влажность воздуха. Нам в этом случае приходилось значительно труднее. Привыкнув к сухому, хотя и жаркому климату Фута-Джаллона, здесь, в приморской части Гвинеи, мы чувствовали себя намного хуже. Те же специалисты, которые жили в Конакри постоянно, со временем вполне акклиматизировались. Быстрее всех приспосабливались к необычному климату ребятишки.

По Конакри не только ходят пешком. В столице имеется и общественный транспорт — большие красного цвета автобусы. Однако их довольно мало, ездят они нерегулярно и всегда переполнены. Для поездки на длинные расстояния жители предпочитают пользоваться услугами частных такси, которые за вполне умеренную плату могут доставить вас в любую часть города. Среди такси много автомашин марки «Москвич». Вече-

рами у кинотеатров можно увидеть машины немецких, итальянских, шведских, американских и особенно японских марок. Здесь же много мопедов, но ни разу не довелось видеть такие привычные у нас мотоциклы. На них ездит только личная охрана президента или же почетный эскорт, сопровождающий высоких гостей.

Полицейских в городе немного. Регулировщиков уличного движения и того меньше, но работают они с большим увлечением. Некоторое время на одном из самых оживленных перекрестков Конакри управлял движением регулировщик-виртуоз. Через этот перекресток проходили основные грузы, доставлявшиеся в Конакри, в том числе и бокситовая руда, транспортируемая в порт на автомашинах (тогда еще не было закончено строительство железной дороги от рудника Дебеле). На регулировщика можно было любоваться часами. Грациозный, гибкий, в темно-синей форме, он не знал ни секунды покоя. Все его тело находилось в постоянном движении, особенно руки — они говорили, информировали. И главное, чувствовалось, что все это приносит самому регулировщику истинное наслаждение. Насколько нам известно, во время работы этого регулировщика на вверенном ему перекрестке не произошло ни одной аварии, которые вообще-то здесь, как в любом перегруженном автотранспортом городе, нередки.

Одно из самых живописных мест Конакри — Приморский бульвар. Вдоль него вытянулись могучие вечнозеленые деревья. Отсюда хорошо видны острова Лос, за которыми простирается неоглядная даль океана. Изредка на горизонте появляется уменьшенный расстоянием кораблик и тут же скрывается в дымке. Перед заходом солнца океан искрится всеми цветами радуги. Чем ближе к горизонту, тем более оранжевый оттенок приобретает солнечный диск. Он медленно погружается в постепенно темнеющие волны, затем последние его отблески дают слабый, неуверенный свет, но вскоре и тот исчезает. Наступает абсолютная чернота в том месте, где еще недавно виднелся громадный оранжевый шар.

Особенно красивы закаты во время дождливого сезона. Разнообразной формы и плотности тучи и облака, нередко просвечиваемые заходящим солнцем, приобретают самые фантастические очертания, которые меняются чуть ли не каждую минуту. Все это сопровождается сказочной игрой красок, что в сочетании с непривычным для нас шумом океана создает впечатление грандиозной в своей масштабности цветомузыки.

Красив Конакри поздним вечером, особенно на набережных. Спокойный, убаюкивающий плеск волн — здесь никогда не бывает сильных волнений; иссиня-черное, какое-то особенно глубокое небо, усыпанное выпуклыми звездами; относительная прохлада. Это самая приятная пора для прогулок и отдыха после напряженного знойного дня. Народу на улицах мало. Сверху льется несильный свет желтых фонарей. Трещат цикады. Город погружается в сон.

Загадочные пель-фульбе — какие они?

Фула (или фульбе, или пель) — основное население Фута-Джаллона. Среди них мы прожили длительное время, и поэтому о них-то главным образом и пойдет речь ниже.

По справочным данным, фульбский этнос представлен 12 млн. человек, расселенных по различным странам Западной Африки. В Гвинее живет 1,9 млн. фульбе.

Наши личные контакты с представителями фула (так они предпочитают называть себя сами) начались со знакомства с руководством геологической службы Гвинеи и с нашими гвинейскими коллегами. Многие из них учились в Советском Союзе и неплохо владели русским языком.

Что же представляют собой эти люди? Внешне в подавляющем большинстве они худощавы, стройны, с узкими лицами, тонкими губами, прямым и тонким носом, короткими черными курчавыми волосами и светло-коричневым цветом кожи. Впрочем, цвет кожи фула весьма разнообразен — от темно-коричневого до светло-желтого. Среди них, как, впрочем, и среди других этнических групп, приходилось встречать альбиносов. Они бывают двух типов. Одни из них белесые, с пепельными курчавыми волосами, но со всеми прочими антропологическими признаками африканского происхождения. Все открытые части тела — руки, спина и особенно лицо покрыты обильными крупными веснушками. Другой тип — жгуче рыжие африканцы со смуглой кожей.

Стройность фула создает впечатление, что почти все они высокого роста. Однако это не так, хотя среди них есть настоящие «гулливеры» — до двух метров и выше. Основная же часть мужского населения ростом 160—175 см. Женщины немногим уступают в этом отношении мужчинам. В большинстве своем они очень изящны и по-настоящему красивы. Грациозная, величественная и в то же время очень естественная осанка женщин вырабатывается с самого детства и связана, очевидно, с обычаем переносить различные грузы на голове. Неоднократно приходилось встречать женщин, с необычайной легкостью несших на голове громадный,

двухведерный таз с апельсинами. При этом за спиной у них в повязанном вокруг талии куске материи мерно покачивался ребенок. Зато руки почти всегда свободны.

Нас с самого начала поражала способность фула переносить большие тяжести на голове и их удивительная выносливость. Однажды во время маршрута на берегу реки повстречалась молодая женщина, набиравшая воду в большой таз. Когда мы познакомились, то оказалось, что она живет в деревне, мимо которой пролегал и наш маршрут. Деревенька располагалась на вершине горы, и до нее было не менее километра. Кстати, мы всегда удивлялись, почему многие селения фула располагаются на водоразделах или других возвышенных частях рельефа. Во время дождливого сезона эти деревни снабжаются водой из родников, расположенных рядом, но во время засухи воду приходится доставлять из рек и носить ее издалека. Наше любопытство так и осталось неудовлетворенным: нам лишь отвечали, что это обычай предков. Можно лишь предполагать, что возвышенные, более открытые места в далеком прошлом позволяли заблаговременно обнаружить неожиданную опасность. Меньше здесь и москитов.

Между тем новая знакомая, присев, водрузила таз на голову и, слегка покачивая бедрами, бодро двинулась по тропе в гору. Мы последовали за ней. Очень скоро у нас появилась одышка, хотя наш груз состоял из полевой сумки да геологического молотка. Женщина, как ни в чем не бывало, продолжала подниматься со своей тяжелой ношей, не выплеснув из таза ни капли воды. Мужское самолюбие не позволяло отстать от нее, что потребовало мобилизации всех физических сил. Когда же наконец выбрались наверх, то легкие готовы были разорваться. А девушка, попрощавшись, тем же упругим шагом направилась к своей хижине. Мы заночевали в деревне. Утром, едва проснувшись, вновь увидели свою знакомую. На этот раз у нее на голове покоилась громадная вязанка хвороста, который она уже успела насобирать в саванне.

Как-то довелось видеть мужчину фула, который трусцой бежал по проселочной дороге. На его голове возвышался мешок с рисом весом не менее 60 кг. А однажды на шоссе попался навстречу велосипедист с двухсотлитровой бочкой на голове. Бочку он придерживал одной рукой, другая держала руль. Думаем, что двухсотлитровая тара была все же пустой.

Под груз, который переносится на голове, обычно подкладывается свернутая венчиком тряпица, полотен-

це или же просто связка травы, чтобы как-то смягчить давление на голову.

Фула — отличные ходоки. Им ничего не стоит пройти несколько десятков километров в соседнюю деревню, на базар или же на праздник. Интересно наблюдать семью фула, идущую на базар. Впереди выступает мужчина, не обремененный никакой поклажей, в крайнем случае несущий в руках две-три связанные за ноги курицы. Следом с тазами, нагруженными разной снедью и фруктами, и обязательным ребенком за спиной шествуют две или три его жены.

Женщина в деревне выполняет всю работу по дому, воспитывает детей, заготавливает дрова и воду, стирает белье, варит пищу. Не раз приходилось видеть, как несколько женщин хлопочут по хозяйству, в то время как мужчины, устроившись неподалеку в тени хижины или дерева, покуривают трубки и ведут беседу.

Тяжелый деревенский труд — одна из причин освященного мусульманством многоженства. Этот обычай особенно процветает в деревне. В городах же, где женщине еще трудно найти оплачиваемую работу, редко какой мужчина позволит себе роскошь иметь двух жен. Он единственный кормилец в семье и на свою зарплату должен кормить, одевать и обувать себя, жен и детей, что не всякому по силам и возможностям.

Городские женщины, которым не приходится утомлять себя тяжелой физической работой, как в деревне, заметно отличаются внешностью. Они значительно дороднее телом. Городская жизнь заставляет внимательнее следить за собой — модно одеваться, пользоваться косметикой и бижутерией.

Традиционная национальная одежда женщин — пани — длинный, до пят, кусок цветной материи, который она обматывает вокруг талии и концы которого завязывает простым узлом. Таких пани может быть несколько, одетых одно на другое. Чем их больше, тем состоятельнее женщина. Пани бывают самых необычайных расцветок, но обязательно ярких. Нередко они пестрят надписями или же украшены портретами государственных деятелей, изображениями, например, бьющего по мячу футболиста или мчащегося на всех парах паровоза.

Женщины фула очень чистоплотны, любят купаться и особенно стирать. Однако при дефиците мыла они пользуются древним способом стирки: намоченное белье со всего маху шлепается о большой гладкий камень. Эта процедура повторяется неоднократно, после чего белье тщательно выжимается и, расстеленное на траве, тут же сушится на солнце.

Одежда мужчин — бубу. Это также длинная, до пола, рубаха без застежек, которая надевается через голову. Праздничное бубу обязательно белого цвета. В деревнях мужчины часто ходят с обнаженным торсом, одетые только в широченные шаровары. В городе кроме бубу представители сильного пола носят и европейские одежды.

Кроме обязанностей, о которых сказано выше, каждая из жен имеет и определенные права. Об этом рассказали наши гвинейские коллеги. Независимо от возраста и очередности замужества жена имеет право требовать от мужа одинакового внимания к себе и своим детям. Каждая из жен имеет собственное жилье. Это либо часть хижины, либо даже отдельная хижина. Материальные блага должны распределяться поровну между всеми женами. В противном случае обиженная сторона может подать на мужа жалобу в специальный комитет, который призовет «нарушителя» к порядку или даже накажет. Мы, конечно, не знаем, насколько точно соблюдается такой порядок и как часто женщины пользуются этими своими правами, но уже сам факт их существования говорит об определенной эмансипации прежде (до 1958 г.) бесправных представительниц прекрасного пола.

Как-то раз, находясь в многодневном маршруте, пришлось заночевать в одной из деревушек. Староста деревни любезно предоставил хижину для ночлега, а затем пригласил на ужин. Перед ужином представил нас своему многочисленному семейству. У него было пять жен. По виду им было от пятидесяти до восемнадцати лет. Самому старосте можно было дать пятьдесят-пятьдесят пять. Он был некрасив, к тому же от рождения хром, однако очень подвижен и разговорчив. Его «резиденция» стояла в середине крупной деревни — дворов на семьдесят. Из них ему принадлежало пять, по количеству жен. Все пять хижин располагались по кругу и были обнесены общей загородкой. Жены во время ужина находились во дворе и не принимали участия в застолье. Когда же они хлопотали по хозяйству, то не чувствовалось даже малейшей неприязни между ними. Заметно было лишь, что они во всем слушались старшую, очевидно первую, жену. Одеты женщины были скромно, но одинаково и достаточно опрятно. По отношениям в семье можно было понять, что муж строго и справедливо соблюдает интересы всех своих подруг.

Интересен у фула порядок вступления в брак. Оказалось, что жениться мужчине не так-то просто. Приведем рассказ одного из шоферов. Поинтересовав-

шись, почему Алсени (так звали шофера) не женат, хотя уже в солидном возрасте, мы услышали следующее.

Прежде чем стать женихом, мужчина должен нанести визит в дом родителей понравившейся ему девушки; если родителей у нее нет, то их заменяет старший брат. Претендент на руку и сердце должен явиться не с пустыми руками, а с чемоданом (именно с чемоданом) подарков для отца, матери и старшего брата невесты. Если подарки понравились и сто́ят, по мнению родственников, достаточно дорого, те дают согласие на помолвку, тут же оговаривая сумму выкупа. Эта сумма определяется знатностью и положением в обществе семей как девушки, так и жениха. Бывает, что сумма выкупа, который не возбраняется вносить постепенно, выплачивается только через несколько лет. В этом случае подвернувшийся более состоятельный жених, который сможет быстрее внести необходимую сумму, и становится мужем, а уже внесенные к этому времени деньги первому претенденту не возвращаются. Однако такие случаи довольно редки, и обычно невеста терпеливо ждет, когда ее суженый сможет набрать необходимую сумму. Если учесть сравнительно невысокие заработки тех же шоферов по отношению к стоимости жизни, становится понятным, почему мужчины, достигшие уже вполне зрелого возраста, все еще холосты.

Рождение девочки — счастливое событие. Каждая дочь — это потенциальный материальный вклад в бюджет гвинейской семьи. Один из наших гвинейских коллег, старший брат и единственный попечитель своих пятерых родных сестер (родители у него умерли), любил помечтать о своем безбедном будущем, когда выдаст всех их замуж.

Интересен обычай фула предоставлять права и обязанности мужа брату или умершего, или же надолго уехавшего и не имеющего возможности регулярно навещать родных. Родившиеся от этого «брака по обязанности» дети пользуются теми же правами, что и все прочие отпрыски семейства.

У фула очень звучные, но непривычные для нашего уха фамилии, причем их набор весьма ограничен. Мы, конечно, не проводили никаких статистических оценок, но только в кругу наших знакомых половина носила фамилию Диалло, еще треть — Ба и Балде. Однако имена их значительно более разнообразны.

Как и все мусульмане, фула строго соблюдают карем — месяц поста. (В других мусульманских странах он называется рамадан.) В это время от восхода до заката солнца мусульманин не должен ни есть, ни пить,

ни даже курить. Последнее требование, вероятно, наиболее трудно удается соблюдать, поскольку многие гвинейцы — завзятые курильщики.

В этот период мы испытывали известные затруднения в работе. Во время маршрута на изнуряющей жаре особенно трудно приходилось без питья. Однако рабочие, несмотря на сильную жажду, не могли позволить себе даже глотка воды. Поэтому ко второй половине дня они совершенно теряли силы, и рюкзак с образцами представлялся им непосильной ношей. На первых порах мы настойчиво предлагали помощь, буквально отнимая у них тяжелый геологический груз.

Одному из нас пришлось быть участником следующей сцены. Уставший рабочий едва плелся сзади, задерживая движение и ставя под угрозу выполнение маршрутного задания. Поэтому пришлось отобрать у него рюкзак с образцами и лоток для промывки шлиховых проб. В его глазах мелькнули одновременно удивление, благодарность и страх. Путь пролегал в зарослях высокой, в полтора-два человеческих роста, слоновой травы. Не прошли и полукилометра, как Ури (так звали рабочего) бросился сзади на рюкзак и с невероятной мольбой в глазах стал вырывать его. Мы вскоре поняли в чем дело.

Через минуту, не более, мы встретили группу африканцев. Несмотря на очень сильную усталость, рабочий издали заметил колебание травы и понял, что к нам приближаются его соплеменники.

Окончание карема — самый крупный мусульманский праздник в Гвинее. В это время в столицу со всех концов страны стекаются толпы мусульман. Они собираются на площади, неподалеку от президентского дворца, где перед ними выступает президент страны.

Прочие мусульманские праздники проходят менее торжественно и отмечаются, как, очевидно, и во всем мире, более обильной, чем в будни, трапезой.

Основная пища фула, как и всех гвинейцев,— рис. Его употребляют с разнообразными приправами, например с острым, наперченным арахисовым соусом, с мясом, курицей. Когда рабочим не удавалось хотя бы раз в день поесть риса, они шли невеселые, понурые. Вызвать их на разговор в такое время практически невозможно. Даже когда предлагаешь им разделить свой завтрак, состоящий из банки кабачковой икры или сайры с куском хлеба, их физиономии проясняются ненадолго. Однако стоит им съесть миску риса, как настроение мигом меняется. Они начинают улыбаться и весело болтать. Приходилось удивляться иногда количеству риса, которое может съесть гвинеец.

Однажды довелось работать в районе с многочисленными рисовыми плантациями. Случилось так, что подряд в трех деревнях рабочим предлагали перекусить. Из одной деревни в другую мы попадали с интервалом не более чем в два часа. И в каждой из них подносили по тазику риса с различной приправой. В каждом таком тазике находилось внушительное количество вкусного и ароматного риса. И вот надо было видеть с каким удовольствием съедали одно и тоже блюдо двое рабочих с гостеприимным хозяином трижды в течение шести часов. Зато веселились после каждой трапезы всласть. Их было не унять, смех и шутки сыпались как из рога изобилия.

Иногда не отказывались от угощения и мы. Для этой цели всегда были наготове ложка и небольшая мисочка. Когда тазик с угощением ставили на циновку и хозяин предлагал почетному гостю первому его отведать, мы ограничивались двумя-тремя ложками риса да ложкой приправы или куском мяса. После этого хозяин выливал всю приправу в тазик с рисом, руками, предварительно ополоснув их в миске с водой, перемешивал рис и приправу, после чего к трапезе приступали все присутствующие. Зачерпнув горсточку еды, они отправляли ее в рот, иногда запивая водой.

После застолья вновь ополаскивали руки в воде, и, если не надо было следовать дальше, начиналась продолжительная беседа. К этому времени в хижине собиралось все взрослое население деревни, а иногда и дети. Рабочие служили переводчиками с языка фульбе на французский и наоборот. Приходилось рассказывать о жизни в нашей стране, о городах и селах, сельском хозяйстве и промышленности. Рассказывали и о геологии, о наших задачах в Гвинее, даже о некоторых вопросах астрономии в связи с полетами спутников, объясняли эффект лунного затмения. Мы не могли знать, насколько точны в переводах были наши преисполненные достоинства рабочие, но энергичные восклицания и целая гамма эмоций на лицах слушающих свидетельствовали о том, что им все интересно. Интерес к рассказу сопровождался звуком «ых», произносимым глухо, на вдохе, ну а максимум эмоций выражался громким, с удивленной интонацией «ий-о-о-о!?».

В свою очередь мы также расспрашивали гвинейцев, интересовались, что они знают о нашей стране. Оказалось, что очень мало. Однако в самых отдаленных поселках почти всем знакомы по крайней мере два имени — Ленин и Гагарин и еще слово «спутник». Скудость сведений об СССР тем более удивительна, что во многих деревнях мы видели у жителей портатив-

ные радиоприемники, в том числе французского, реже японского производства.

На временных базах партии, оборудованных автономными электростанциями, мы показывали гвинейцам советские фильмы. Среди собиравшихся на кинопоказ находились не только фула, но и представители других народностей, не знакомые ни с французским, ни с языком фула. В этих случаях приходилось прибегать к тройному переводу, обращаясь за помощью к учителям или же медицинским работникам, которые, как правило, знают несколько местных наречий.

Реакция на фильмы у гвинейцев нередко иная, чем у нас. С откровенным безразличием относятся они к малопонятным для них фильмам с производственной тематикой, особенно с длинными диалогами, когда на экране мало действия. Зато очень живо, даже восторженно принимали такие ленты, как «Кавказская пленница», «Соло для слона с оркестром». С удовольствием смотрели они фильмы на военно-патриотические темы. До просмотра таких картин для фула, как и для всего гвинейского народа, представления о войне сводились к кратковременному вооруженному столкновению во время португальской военной агрессии 1970 г. Даже такая «короткая война» глубоко запала в душу и сердце гвинейцев, очень мирных и доброжелательных.

Фула, как и подавляющее большинство гвинейцев, очень любят здороваться. Хорошо и долго поздороваться — это оказать уважение собеседнику.

В дословном переводе ритуал приветствия сводится к следующим вежливым обращениям: «Как живешь? Как живут твои близкие? Как твои дела здесь? Как твои дела там? Как поживают твои родители? Как живут твои дети? Как идут твои дела? И т. д. Тот, к кому обращены эти слова приветствия, отвечает на каждое из них звуком, более всего похожим на наше «угу», а на языке фула это означает, что «все в порядке, все хорошо». Исчерпав весь запас вежливых вопросов, приветствующий замолкает. Тогда с тем же самым набором вежливых оборотов начинает выступать его знакомый, а быть может, и просто случайный встречный. Нередко, торопясь к выходу в маршрут, мы тем не менее не могли препятствовать частым остановкам машины, чтобы дать возможность шоферу приветствовать встречных гвинейцев. Но чего не сделаешь ради нескольких теплых слов ближнему своему.

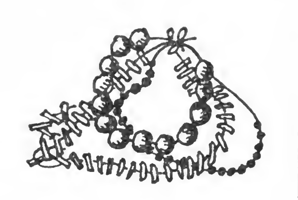
К слову сказать, мы останавливались не только на пути к выходу в маршруты, но и по дороге домой. Эти остановки хотя и были длительнее, но, с нашей точки зрения, для них имелись более веские причины. Как

только солнце начинало клониться к горизонту и саванна окутывалась серыми сумерками, где бы в этот момент мы ни находились, шофер глушил мотор и вместе с другими гвинейцами отходил на обочину дороги. Там, скинув обувь и встав лицом к востоку, они начинали молиться. На фоне заходящего солнца этот священный ритуал, совершаемый группой наших гвинейских товарищей, в абсолютной тиши предвечерней саванны производил впечатление чего-то фантастического, нереального.

Фула — отличные ораторы. Даже рабочие, не имеющие никакого специального образования, по прибытии в какую-либо деревню иногда произносили речь на пятнадцать — двадцать минут. Они рассказывали о задачах геологической службы, о работе советских специалистов в Гвинее и заканчивали обязательным напоминанием, что президент страны обращался к народу с пожеланием оказывать всемерную помощь при проведении изысканий.

Не один раз приходилось присутствовать на различных праздниках и слушать выступления официальных лиц. Речь их темпераментна и эмоциональна. Чувствуется, что оратор с первых же слов входит в тесный контакт с аудиторией и чувствует ее настроение. Эмоциональный накал выступления идет по возрастающей до определенного момента, после чего следует какая-либо шутка и все разражаются хохотом. После такой разрядки все повторяется: сравнительно медленное и спокойное начало, постепенно достигнутый апогей, вновь сменяющийся общим весельем.

С кем бы из представителей фула ни приходилось встречаться, всюду этим встречам сопутствовали доброжелательность и взаимопонимание. Подобное отношение было очень трогательно и помогало в работе. Мы, как могли, отвечали на это радушие — жестами, улыбками, дружеским отношением к нашим коллегам, которым мы передавали свои знания и опыт.

Города и села

За время работы в Гвинее удалось побывать во многих городах, в нескольких десятках административных центров различного ранга, в сотнях деревень. В одних мы жили лишь несколько дней, в других — недели или месяцы, в третьих — несколько лет. Естественно, что, чем дольше мы находились в каком-либо населенном пункте, тем лучше его узнавали.

После Конакри самыми крупными городами Гвинеи являются Канкан (100 тыс. жителей), Киндиа (80 тыс.), Лабе (70 тыс.) и Нзерекоре (55 тыс.). Мы посещали также Телимеле, Маму, Пита, Гавал, Дабола, Мали, Сигири, Боке, Дингирае, Куруса, Фарана, Туге и др. Несмотря на то что они расположены в разных местах, среди различных ландшафтов, у них много общего, характерного для всех городов Гвинеи. Пожалуй, только Канкан заметно отличается от остальных и многоэтажными зданиями в центральной части похож на столицу.

Канкан — второй по величине и значению город, административный центр Верхней Гвинеи. Он расположен на реке Мило — правом притоке Нигера. Здесь же имеются речной порт и аэропорт. Из города расходятся многочисленные автомагистрали, связывающие его с другими районами Гвинеи, а также с пограничными государствами — Берегом Слоновой Кости, Мали и Либерией.

Местоположение Канкана определило его роль как крупного торгового центра, возникшего еще до появления европейцев, почти триста лет назад. Этот город был посредником в торговле между районами Атлантического побережья, где располагались европейские фактории, Лесной Гвинеей и сахаро-суданскими областями Африки.

В Канкане в 1968 г. был открыт Педагогический институт с тремя факультетами — агрономическим, естественных и общественных наук. Здесь работают и советские преподаватели, помогая готовить национальные гвинейские кадры. В институте обучается более 1500 студентов.

В этом же городе имеются научный центр и опытная станция по изучению проблем рисоводства. В 1966 г. итальянской фирмой был построен консервный

завод, перерабатывающий при далеко не полных загрузках до 500 т апельсинов, манго и ананасов. Расположенные вокруг Канкана многочисленные крестьянские хозяйства в большом количестве выращивают эти фрукты, которые продают на местных рынках, хотя при известной заинтересованности могли бы поставлять их на завод. Имеется в городе и кирпичный завод, построенный в 1973 г. с помощью КНР.

Основное население Канкана — малинке. Живут здесь также фульбе, дьалонке и представители других народностей Гвинеи. Население занимается преимущественно сельским хозяйством. Религия — мусульманство; но здесь же расположена и одна из трех католических епархий Гвинеи, насчитывающая 15 тыс. верующих.

Город Киндиа, расположенный в западной части Фута-Джаллона, ненамного уступает Канкану по численности населения. Здесь живут преимущественно сусу и фульбе. Со столицей город соединен асфальтовым шоссе длиной 130 км. Через город проходит железная дорога Конакри — Канкан.

Дома в городе в основном одноэтажные. Однако в центре имеются двух-, трех- и даже четырехэтажные здания. Здесь находится один из самых крупных рынков Гвинеи. Имеется тут и одна из лучших мастерских страны по изготовлению масок, статуэток и прочих изделий из красного и эбенового дерева. Мастерская — это большое деревянное одноэтажное здание, где и трудится мастер с многочисленными учениками. Земляной пол уставлен готовыми изделиями и их заготовками.

Весь город утопает в зелени. Здесь растут масличные, кокосовые и слоновые пальмы, обильно плодоносят апельсиновые и манговые деревья. В окрестностях плантации бананов и ананасов. Окружающая местность чрезвычайно живописна. К городу вплотную подступают высокие горы со ступенчатыми, как будто искусственными, склонами. Ступенчатый эффект возникает из-за горизонтально залегающих рыхлых и твердых пород. Их геологический возраст — 400—500 млн. лет. Именно здесь расположен перспективный бокситоносный район Фута-Джаллона, включающий и местность Дебеле. В этом районе на реке Саму расположен один из самых живописных и крупных в Западной Африке водопадов, где в 1954 г. была сооружена гидроэлектростанция Гранд-Шют (Большой водопад) мощностью 10 тыс. кВт. Станция обеспечивает электричеством Конакри, Киндиа и близлежащие поселки.

В окрестностях Киндиа расположен еще один зна-

менитый водопад — Вуаль-де-ла-Марье. Он по высоте и мощности заметно уступает Гранд-Шюту, но более экзотичен. Падающие сверху тонкие струйки разбиваются о выступы нижележащих пород, дробятся на мельчайшие брызги, образующие тонкую, ажурную водяную вуаль, играющую на солнце всеми цветами радуги.

Окрестности Киндиа кишат змеями. У водопадов, на базе в Домаканье и почти в каждом маршруте мы натыкались на них, отнюдь не испытывая радости от этих встреч. Видели мы различных африканских змей в Институте прикладной биологии и научных исследований, также расположенном на окраине города. Здесь изучаются вопросы зоологии, микробиологии, тропической медицины, паразитологии, производятся эпидемиологические исследования, вырабатываются оспенная и другие вакцины, змеиные сыворотки. В ведении института находится Центр по разведению обезьян, на которых ставят научные опыты. В 1977 г. институт пополнился построенной с помощью Советского Союза микробиологическо-вирусологической лабораторией.

Неподалеку от Киндиа, в поселке Фулайя, расположен Национальный институт сельского хозяйства с агрономическим, животноводческим и лесоводческим факультетами, где одновременно обучается более 200 человек.

Вокруг Киндиа растут ценные сорта деревьев, которые вывозятся на лесопильно-фанерный завод в Нзерекоре (Лесная Гвинея). Однако плохие дороги и далекие расстояния сильно затрудняют доставку сырья для лесообрабатывающей промышленности.

Киндиа относится к быстро растущим городам страны. В настоящее время это крупный торгово-промышленный и культурный центр Гвинейской Республики.

В Средней Гвинее крупнейшим населенным пунктом является город Лабе, расположенный в высокогорной части Фута-Джаллона, на высоте около 1000 м над уровнем моря. Здесь более 70 тыс. жителей, преимущественно фульбе. В районе Лабе, как и в окрестностях соседних городов Пита и Далаба, отмечается максимальная плотность населения — до 70 человек на 1 кв. км при средней плотности для всей страны 16 человек на 1 кв. км.

Вблизи Лабе начинается река Гамбия, одна из самых крупных рек Западной Африки, которая пересекает кроме Гвинеи территорию соседнего Сенегала и впадает в Атлантический океан в пределах Республики Гамбии.

Лабе — крупный узел автодорожных коммуникаций. Через него проходит магистральное шоссе из Конакри. Отсюда же лежит путь в Верхнюю, Лесную и Северную Гвинею и в пограничные государства, что и определяет большое экономическое значение города. В нем находятся госпиталь, много административных учреждений и школ, где преподают и советские учителя. На окраине расположены опытные поля китайских рисоводов и животноводческая ферма. Здесь же имеется крупный рынок и один из лучших магазинов объединения «Либрапор».

Неподалеку от Лабе советские геологи разведали месторождение кровельных сланцев — плоских широких плит, используемых для покрытия многих строений.

Более трех лет мы прожили в городе Пита, расположенном в 40 км юго-западнее Лабе, на том же магистральном шоссе из столицы. Пита — областной центр, заметно уступающий по размеру и численности населения всем вышеназванным городам. Промышленных предприятий здесь нет. Неподалеку от города в поселке Кинкон на реке Кокуло действует гидроэлектростанция мощностью 2,4 тыс. кВт, снабжающая электричеством кроме городов Пита и Лабе еще и Далабу и Маму. Однако электроэнергии вырабатывается недостаточно, отчего в сухой сезон в связи с большим сокращением воды в Кокуло свет в жилые дома не подается.

Пита — очень красивый городок. Все административные здания белого и желтого цвета, одноэтажные, реже двухэтажные расположены вдоль пересекающей город шоссейной дороги Конакри — Лабе. На окраине города, прямо на обрывистом берегу Кокуло, разместилась вилла-сили — приемная губернатора. Она оформлена в виде нескольких декоративных хижин. Эта декоративность достигается ступенчатым обрезанием соломенного покрытия зданий. Внутри каждого здания несколько комнат, где размещаются обычно прибывающие делегации. Вечером территория виллы-сили освещается янтарно-желтым светом, что на фоне абсолютно черной африканской ночи выглядит настоящим фейерверком. Впечатление дополняют и разноцветные маленькие фонарики, развешенные на проводах между строениями.

Обычно малолюдный город Пита по праздникам преображается. Праздники устраиваются по разным поводам. Это национальные и мусульманские торжественные даты, съезды партии, приезд членов правительства. В эти дни город расцвечивается национальными флагами, жители всех прилегающих деревень заполоняют немногочисленные улицы. Все празднично одеты. Особенно нарядны женщины. На них пестрые

одеяния. В эти дни многолюдно у самого крупного здания города, где происходят торжественные заседания или собрания. Торжества продолжаются до самого вечера и сопровождаются многолюдными шествиями, танцами и песнями.

В Пита имеется один-единственный кинотеатр — вытянутое одноэтажное здание с плохой акустикой. Тем не менее по вечерам здесь также много народу.

Большинство зданий в центре Пита построено из кирпича, который изготавливается тут же на окраине города в примитивных земляных печах. Кроме кирпичных есть несколько роскошных вилл из плотно пригнанных друг к другу сцементированных обломков горных пород. Эти здания сохранились еще со времен французского владычества. На окраинах города преобладают соломенные или глиняные хижины, типичные для всей деревенской застройки. Окрестности Пита очень красивы. Река Кокуло и ее притоки прорезали глубокие крутые каньоны. Их каменистые склоны — любимое место обитания многочисленных стай бабуинов.

Окружающие город деревни по сравнению с деревнями других районов Гвинеи значительно крупнее и гуще заселены. Население занято в основном выращиванием фруктов и овощей, которые в изобилии поставляются на городской рынок.

К югу от Пита, все на той же автомагистрали, в уютной котловине среди гор раскинулся город Далаба. По типу застроек эти города похожи, но если Пита вытянут почти вдоль дороги на сравнительно плоском месте, то в Далаба шоссе извивается змейкой меж гор. Это тоже областной центр. Поэтому здесь расположены резиденции губернатора, других официальных лиц, имеются почта, телефон и телеграф. В крупном госпитале Далаба работают гвинейские и болгарские врачи. Далаба знаменит еще и тем, что здесь жила Мариам Макеба, известная африканская певица. Ее редкой красоты хижина является национальной достопримечательностью.

В городе находится один из самых крупных рынков Средней Гвинеи. На окраинах Далаба часто можно видеть стада крупного рогатого скота. Кругом раскинулись многочисленные, но небольшие сосновые рощицы, где в сезон дождей в изобилии растут маслята. Такие же рощицы встречаются почти на всем протяжении дороги между городами Далаба и Пита. Отсюда начинается один из истоков Бафинга — крупного притока Сенегала.

Далее к югу по шоссе — город Маму. Этот обла-

стной центр несколько крупнее городов Пита и Далаба, но заметно уступает Лабе. Город расположен на развилке дорог, расходящихся на юго-восток и северо-восток. Отсюда можно попасть в города Фарана, Масента и соседние государства — Берег Слоновой Кости, Либерию и Сьерра-Леоне. Улицы Маму извилисты и холмисты, так как город раскинулся на пересеченной оврагами гористой местности. Здесь живут в основном фульбе, которые в этих богатых пастбищами местах занимаются скотоводством, выращивают овощные культуры, главным образом томаты, а также кукурузу. На рынке города всегда много ананасов, манго, апельсинов, грейпфрутов, авокадо, папайи и других плодов.

Как и в Канкане, здесь имеется консервный завод, построенный при содействии Советского Союза. На нем работали советские эксперты. Заводу не хватает сырья для изготовления томатной пасты и фруктовых соков из манго, апельсинов, грейпфрутов. В городе находится также завод сельскохозяйственного инвентаря.

Несколько месяцев в Маму располагались базы двух геологических партий, укомплектованных московскими и ленинградскими геологами. Нам пришлось жить неподалеку от мусульманской мечети. Домик был небольшим, но уютным, весь в зелени. Однако соседство с мечетью оказалось не очень удобным. Каждое утро муэдзин в пять часов, как только всходило солнце, будил всех зычным призывом: «Алла, акбар». Такие громкие воззвания к мусульманскому богу не вызывали у нас теплых чувств, поскольку днем предстояли очередные нелегкие маршруты, в которых, лишившись самых сладких минут утреннего сна, приходилось еще тяжелее.

В Куруса, одном из самых крупных городов Верхней Гвинеи, мы были только проездом, во время экскурсии по стране с целью выбора новых районов для геологической съемки. Город стоит на реке Нигер. Он связан со столицей железной дорогой и имеет небольшой аэропорт. В районе Курусы установлен абсолютный минимум температуры для Гвинеи (+3,4°).

Город Сигири, также из числа крупных населенных пунктов Верхней Гвинеи, расположен на берегу несудоходной части Нигера. Он известен как центр золотоносного района страны. Здесь сконцентрировано до 75% запасов этого драгоценного металла. Около 90% из них представлено россыпным мелким и пылевидным золотом. Наиболее легкодоступные месторождения уже отработаны. Оставшиеся в недрах запасы оцениваются в 60 т при среднем содержании металла 4,9 г на 1 т; прогнозные запасы района превышают 100 т.

В городах Гвинеи живет сравнительно малая часть населения, хотя за последнее время городское население постоянно увеличивается. Однако следует признать, что приток сельского населения в города пока опережает спрос на рабочую силу, отчего здесь возникает прослойка городской бедноты. Ее представители существуют только за счет работающих родственников. По справочным данным, городское население Гвинеи в 1958 г. составляло 7,5%, в 1965 г.— 8,5, в 1970 г.— около 11, а в последние годы достигло уже более 15%.

В деревни и поселки мы заходили почти в каждом маршруте, а вот жить там приходилось редко и очень недолго. Обычно проводили ночь, от силы две. Однако в наиболее труднодоступных районах, чтобы сэкономить время на тяжелые и далекие переезды, иногда приходилось снимать в деревеньках несколько каз или домиков. В них мы жили и работали от нескольких недель до двух месяцев.

Гвинейские поселения чрезвычайно похожи и отличаются только размерами да характером окружающей местности. Общим для всех поселков является круглая хижина — каза. Она обычно делается из глины в смеси с высушенной травой, вроде казахского самана, реже — из жердей. Крыши каз конусообразной формы и покрыты слоновой травой, иногда крупными листьями деревьев. Некоторые хижины имеют наружную галерею высотой от пола до края соломенной кровли не более полутора метров. Галерея подпирается несколькими столбиками или имеет полную круговую опору из того же глинисто-травянистого материала. Основная же часть хижины покоится прямо на земле и оконтуривает жилое помещение, которое в зависимости от размера, возможностей и желания хозяев может состоять из нескольких частей — «комнат». В небогатых деревеньках строения состоят из одного круглого помещения, где проводят ночь все члены семейства. Они спят прямо на земляном полу, подстелив циновку или тряпицу. В состоятельных поселениях можно увидеть подобие наших нар, а иногда и кровати.

Основной показатель состоятельности хозяев и предмет их гордости — посуда. У одних это один-два чугунка, тазик и две-три алюминиевые кружки. У других можно увидеть стопку эмалированных тазов, вложенных один в другой, разнообразные кастрюли, чугунки и даже тарелки.

У разных народностей казы несколько отличны по размерам. Самые крупные — у сусу, поменьше, но чуть повыше — у фула. Хижины располагаются в 20—50 м друг от друга. Их крыша довольно пологая, ее конек

Населенные пункты с числом жителей (в тыс.)

- более 100
- от 30 до 100
- от 10 до 30
- менее 10

КОНАКРИ столица государства

- Границы государств
- Железные дороги
- Магистральные автомобильные дороги
- Прочие дороги
- Порты морские
- Аэропорты
- Водопады и пороги
- Болота
- •1036 Отметки высот над уровнем моря

Полезные ископаемые (добыча)

- железные руды
- алюминиевые руды
- золото
- алмазы
- Тепловые электростанции
- Гидроэлектростанции

Один из уголков
города Канкана

Дворик в Конакри

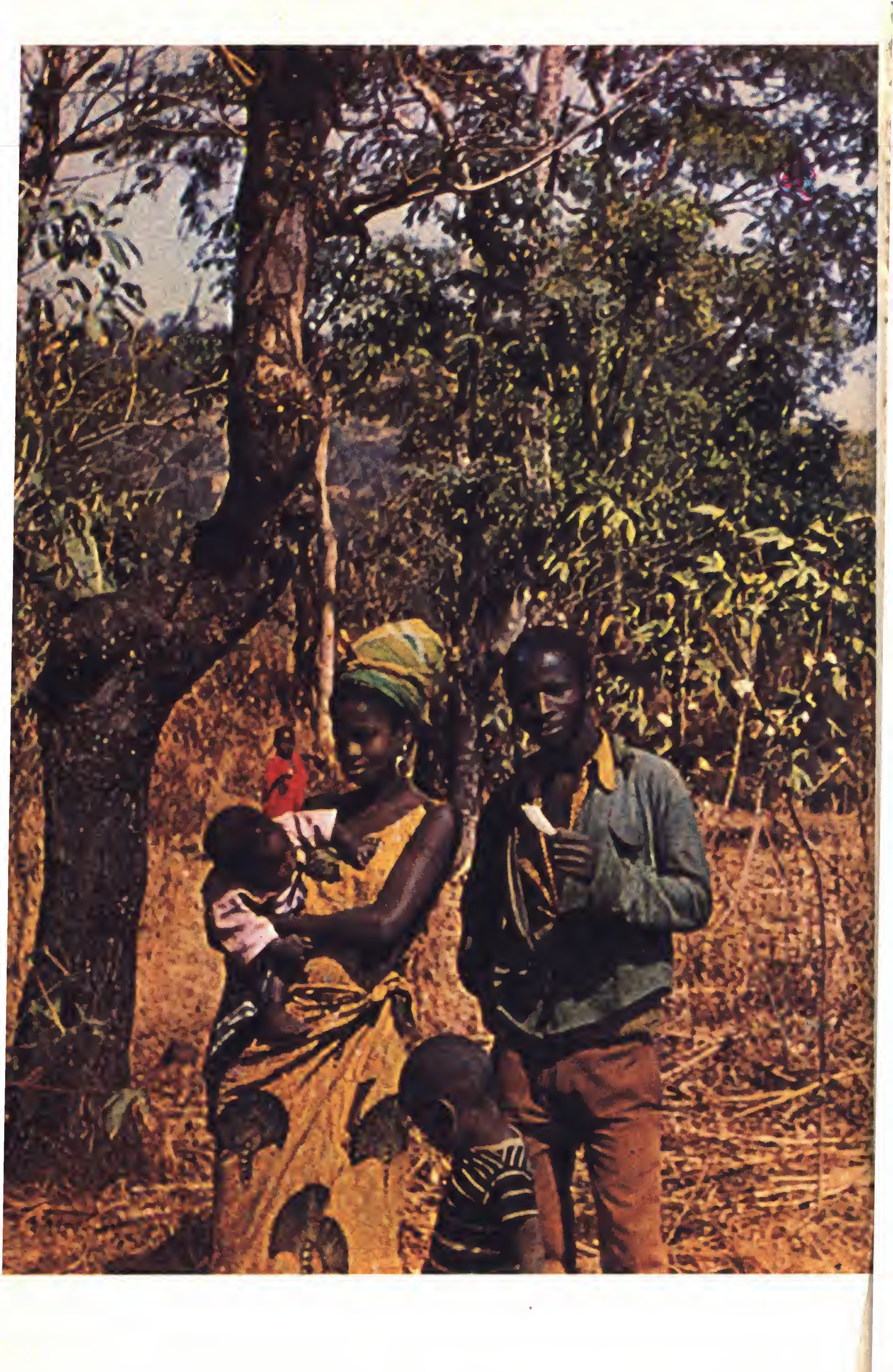
Панорама Фута-
Джаллона

На некоторых
дорогах сохра-
нился знак
«Осторожно —
слоны!»

◁ Саванна в начале
сухого сезона

◁ Гвинея

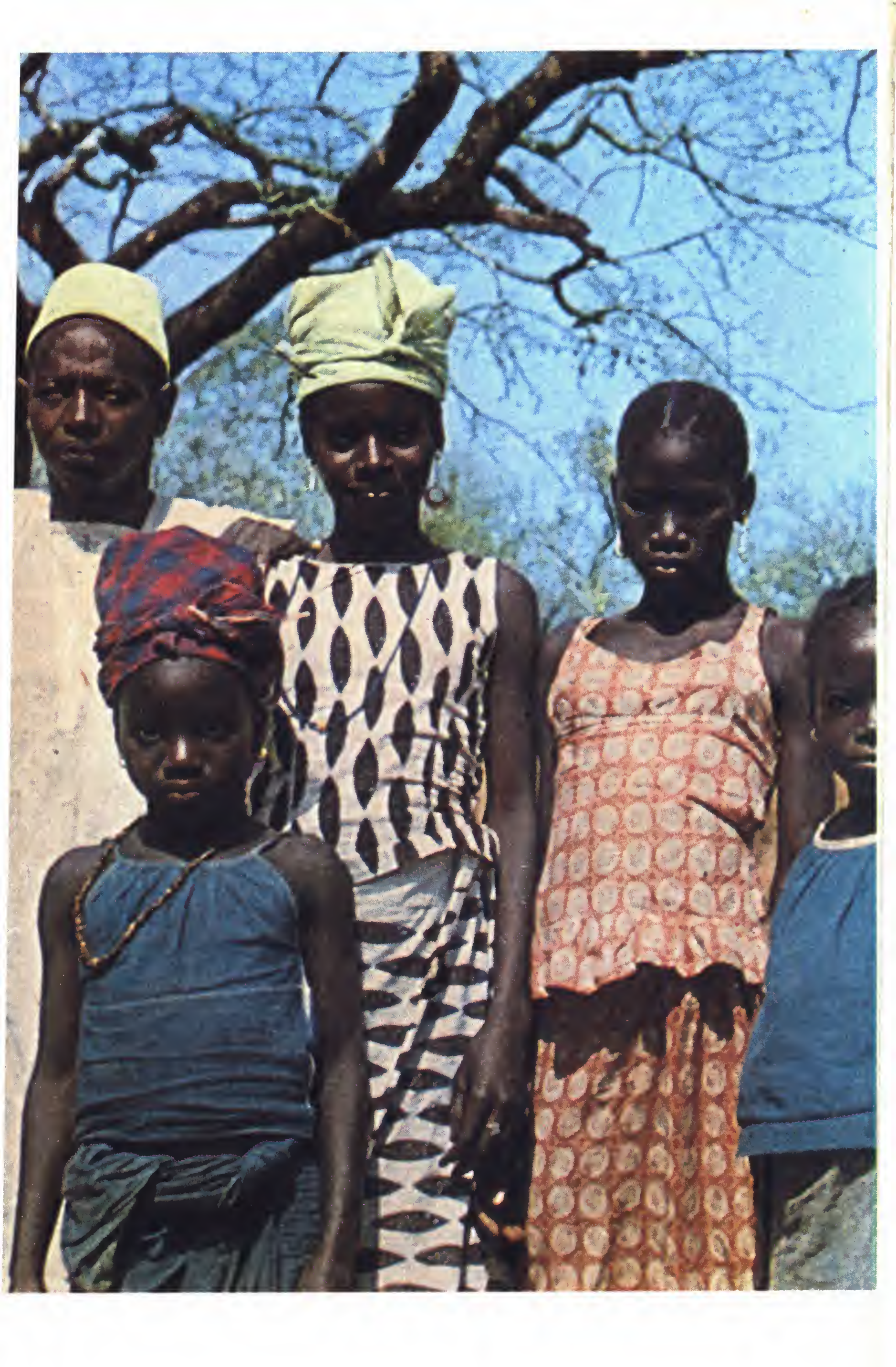
Межгорная котловина в районе поселка Буливел

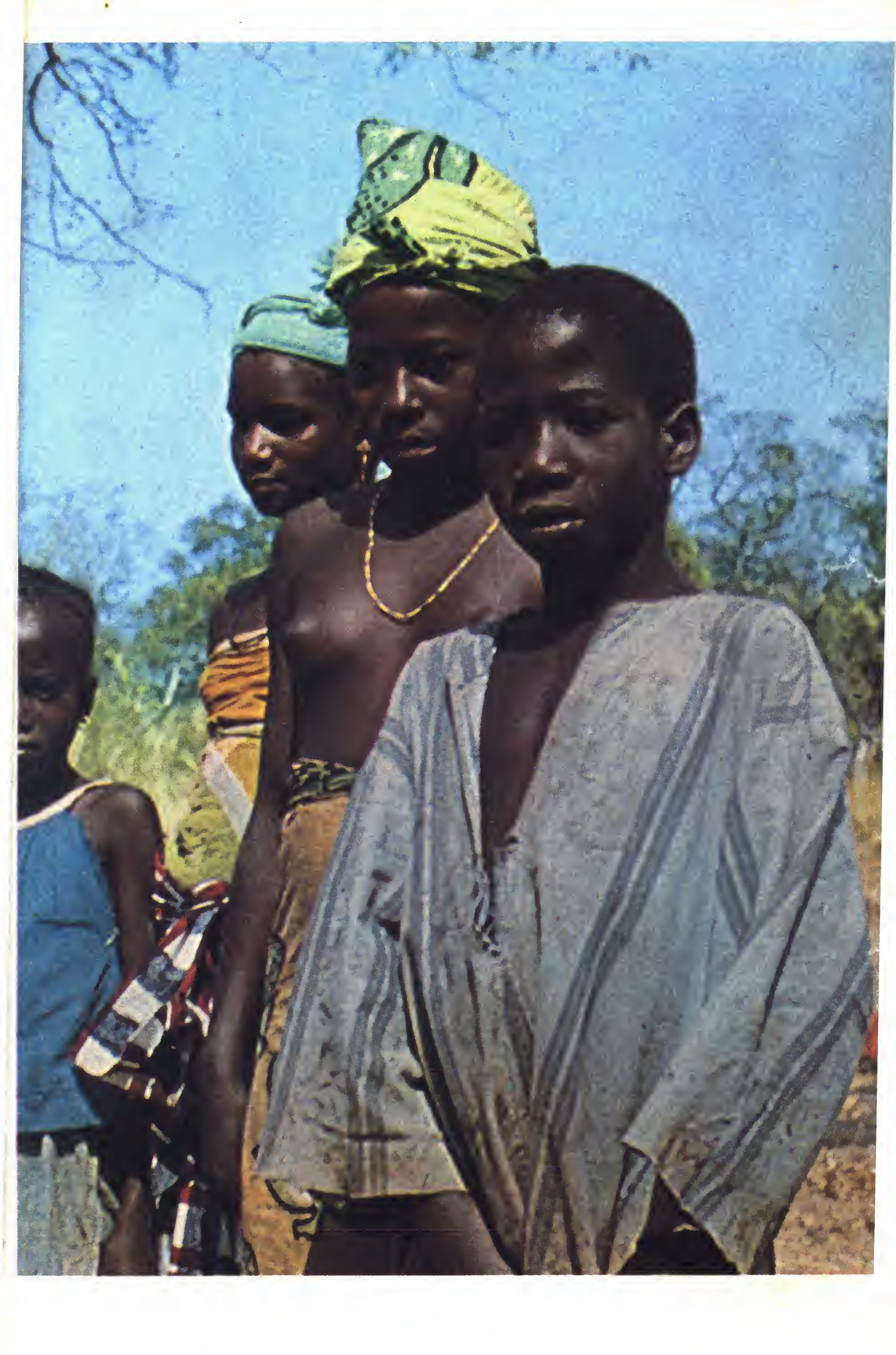
В таких постройках сберегают зерно от грызунов

Окраина города Лабе — центра Средней Гвинеи

Семьи гвинейцев обычно многодетны

◁ Семья фульбе

Песчаники «Пита», возраст которых составляет «всего» 350 млн. лет

Вилла в окрестностях Далабы, где размещалась база одной из групп советских геологов

На базаре

◁ Молодые гвинейцы

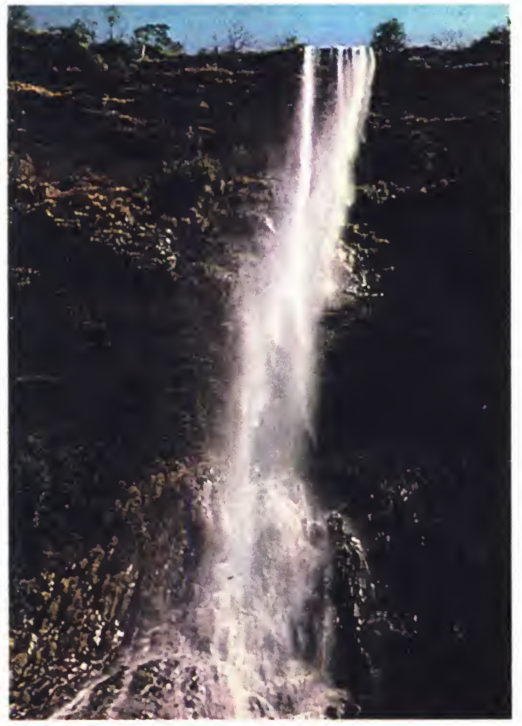

Здание гаража в окрестиостях Далабы, где хранились и ремонтировались иаши автомобили и буровые стаики

Маигровые заросли

«Зимияя» саваииа иа Фута-Джаллоие

Водопад Кинкон иа реке Кокуло

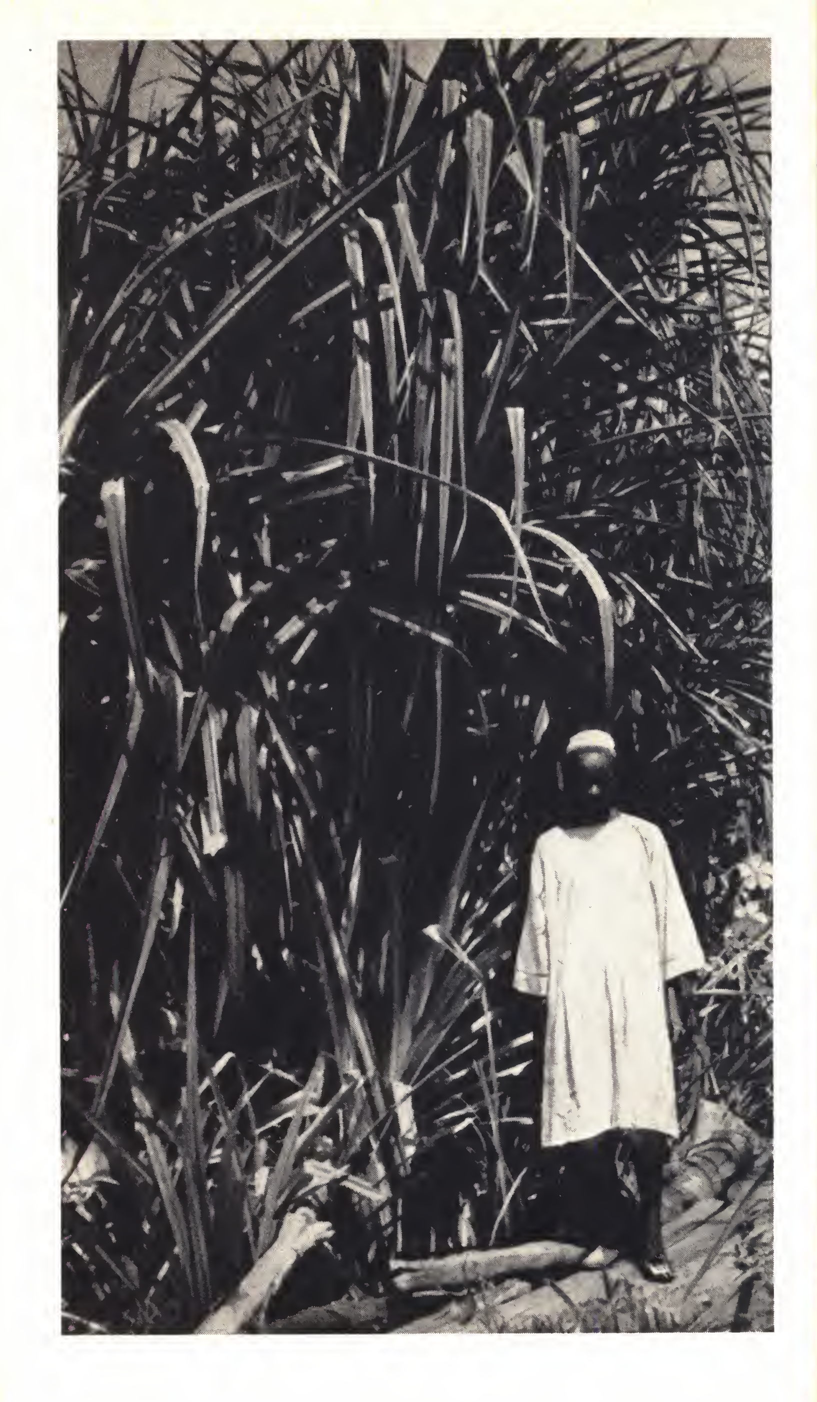
Плес на реке Фатала

Эрозия песчанников на реке Тене

Долеритовый перекат на реке Фатала

Водопад Дитин

В зарослях слоновой травы ▷

образует тупой угол. Хижины малинке, как правило, маленькие. Они располагаются кучно, часто группами, обнесенными одной оградой. Многие строения соединены проходами. Крыши отличаются большей крутизной, кверху заострены. Неодинаковая структура построек связана, по-видимому, с характером дождей в разных районах. Там, где живут малинке, дожди часто ливневого характера, и выположенные крыши хижин не могут предохранить от мощных дождевых потоков.

Размеры деревень совершенно различны — от самых маленьких в два-три строеньица с десятью — двадцатью жителями до занимающих площади в несколько квадратных километров крупных поселков, где живет более 1000 человек. Некоторые деревни обнесены частоколом, который служит одновременно загородкой для скота и преградой для нежелательных гостей из саванны. Иногда в изгородях не имеется даже ворот, и, чтобы попасть в деревню, надо перелезать через ограду. Для этого в одном или нескольких местах к частоколу с обеих сторон прислонены одна-две разновысокие рогатины, выполняющие роль лестницы. Любопытно, что аналогичные многоступенчатые «лестницы» из рогатин, скрепленных лианами, расположены и на тропах, в тех местах, где приходится преодолевать крутые склоны или отвесные обрывы высотой до 20 м. На таких опасных участках гвинейцы чувствуют себя совершенно уверенно, даже женщины с грудными детишками за спиной и грузом на голове.

Среди жилых построек деревень расположены небольшие приусадебные огороды, где в зависимости от высоты местности и количества влаги выращивают различные овощи и фрукты. Из овощей обычны батат, маниок, таро, арахис, реже — картофель и томаты, а из фруктов — апельсины, манго и иногда папайя. Более крупные поля для тех же овощных культур располагаются за пределами поселков и иногда охраняются. В низких обводненных ландшафтах возделывается рис — культура, требующая большого и тщательного ухода.

Кроме традиционных, достаточно однообразных гвинейских блюд существенной добавкой к рациону являются дикорастущие плоды, которые женщины собирают в саванне. Так, из муки, полученной из растертых плодов акаций и некоторых других растений, выпекают лепешки, варят похлебки. Питьем служит обычно сырая вода. Сладостей гвинейцы практически не употребляют. Только в городах можно было увидеть подслащенные прохладительные напитки, мороженое и сладковатые лепешки. Деревенские же жители вполне обходятся без этого, хотя вкус сладкого им нравится.

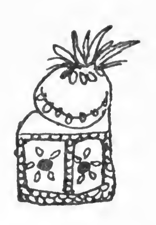
Не видели мы, чтобы в пищу употреблялись кислые специи, вроде уксуса. Когда их угощали различными маринадами, они выразительно морщились или откровенно плевались. Зато горькие продукты, особенно перец, в большом почете. Наперченные приправы, от которых нам было не продохнуть — так жгло горло, а затем и желудок, местные жители употребляют совершенно спокойно и в большом количестве. Возможно, что сильно наперченная пища служит определенным антисептическим средством, убивающим многие микробы, попадающие в организм с водой или фруктами.

Питаться гвинейцы предпочитают в вечерние часы, когда спадает дневная жара. В городах и селениях пищу готовят на таганках, используя любую посуду, а иногда и прямо на костре. В городах, где есть электричество, нередко используются и электроплитки. Примусы, керосинки и керогазы встречаются очень редко, что объясняется отсутствием к ним запасных частей и трудностями в снабжении керосином.

В большинстве деревень имеется искусственное освещение, в отдаленных поселках оно редко. Только костры, на которых готовится пища, скупо освещают соседние хижины. Местные жители, хорошо знающие расположение своих жилищ, ориентируются в темноте, как и мы в собственных квартирах. Когда беседа возле костра затягивалась и затем приходилось в абсолютной темноте отправляться спать в приготовленную нам хижину, хозяева брали нас за руки и, как слепых, отводили к месту ночлега. А такие беседы в окружении африканской ночи оставили неизгладимое впечатление. Иногда приятно было даже помолчать, глядя на последние огоньки затухающего костра. Окружающая саванна заполнялась треском цикад. Оттуда же доносились иногда крики ночных диких зверей или птиц.

Во время вечерней трапезы в казах зажигаются свечи, керосиновые лампы или электрические фонарики. Ими же пользуются при движении по тропам, когда стемнеет. Часто приходилось встречать уже в сумерках группы людей, шагающих по тропе. У идущего впереди лампа или фонарик, едва освещающие узкую дорожку. Впрочем, гвинейцы ходят по родным тропам даже в полной темноте.

Сейчас в Гвинее проводятся в жизнь многолетние планы развития энергетики, где на первом месте стоит использование богатейших водных ресурсов Фута-Джаллона. Однако для строительства гидростанций в труднодоступных горных районах нужны немалые капиталовложения, которых молодой республике пока еще не хватает.

Дождливый сезон

В конце апреля на Фута-Джаллоне начинаются первые дожди, которые поначалу носят типично ливневый характер. Они заставали нас врасплох в последних перед камеральным периодом маршрутах, успевали промочить до нитки, но и приносили желанную прохладу. Первые дожди всегда неожиданны. Бывало, что на небе ни облачка и вовсю палило солнце, как вдруг со всех сторон внезапно сбегаются тучи, и с неба низвергается настоящий ливень. Такие дожди редки и быстро прекращаются, но постепенно набирают силу, становятся чаще и продолжительнее. Май — переломный месяц, когда знойная жара все чаще сменяется дождем и прохладой. В этом месяце здесь бывает даже град. Он продолжается не более 15 минут. Градины достигают размера крупных горошин, за короткий срок успевая намести небольшие сугробы. Град постепенно переходит в ливень, который тут же размывает необычные для этих мест белые наметы.

С первыми дождями вылетают из своих норок термиты и кружатся в воздухе в коротком любовном танце. Начинают готовиться к великому переселению наверх, подальше от опасных теперь водотоков, полчища муравьев. Из земли выползают какие-то красноватые, очень противные на вид черви, образующие живые копошащиеся кучи. Они исчезают так же неожиданно, как и появились. Вокруг как бы зарождается новая жизнь. После первых дождей показывается свежая зелень, а спустя месяц в саванне наблюдается настоящее буйство растительности. Наливается соком и быстро тянется кверху слоновая трава. Пожелтевшие кустарники становятся ярко-зелеными. Вместе со свежими листьями на деревьях вырастают и новые, еще зеленоватые колючки. С гор в обмелевшие или пересохшие реки сбегают мутные потоки. После первых дождей почва быстро высыхает: очень уж иссохлась, растрескалась и «соскучилась» она по воде за время сухого сезона и теперь жадно впитывает в себя ее и никак не может первое время вдоволь насытиться ею.

После дождей ходить по камням в горах небезопасно: то и дело нога скользит на мокрой поверхности. Приходится быть очень внимательным, чтобы не сор-

ваться и не скатиться вниз. В это же время на Фута-Джаллоне иссушающая жара сменяется заметной прохладой, особенно в вечернее и ночное время. Гвинейцы начинают даже мерзнуть, ну а мы по ночам с наслаждением натягиваем на себя одеяла или же залезаем в спальные мешки.

Приятный переходный период очень быстро заканчивается. Освежающая прохладная влажность превращается в постоянную раздражающую сырость, которая проникает всюду — в дома, одежду, постельное белье, спальные мешки.

Характер дождей к этому времени коренным образом изменяется: ливни сменяются постоянной моросью. Иногда из-за туч выглядывает даже приветливое солнце. Оно появляется ненадолго, самое большее на два-три часа, а потом небо вновь заволакивают тяжелые, свинцовые тучи. Каждую солнечную «улыбку» ждем с нетерпением, чтобы вынести на воздух и немного просушить пропитанные сыростью и плесенью личные вещи и спальные мешки. Это помогает, но ненадолго. Без этих же процедур все хлопчатобумажные, шерстяные и прочие ткани в течение только одного дождливого сезона приходят в негодность. На почве и дорогах непросыхающие лужи. Многие грунтовые дороги становятся непроезжими.

В Конакри уже не купаются: в прибрежной воде слишком много неприятной мути, принесенной реками и временными потоками с суши. Для многих из нас это время отпусков или камеральных работ в Советском Союзе. Для некоторых — долгие месяцы ожидания коллег и непривычного полубезделья.

Сезон дождей в Гвинее для нас — это здесь же, на месте, обработка геологических материалов, собранных в течение сезона. Основная цель таких работ — поделиться опытом с гвинейскими коллегами, чтобы они смогли лучше познать все этапы исследований при геологической съемке. В последние годы нашего пребывания в это время мы вместе с ними составляли отчеты и готовили картографические материалы.

Во время дождливого сезона все работали на основных базах с восьми часов утра до трех часов дня без перерыва на обед.

В столицу ездили по различным делам. Там мы получали продукты, результаты аналитических определений горных пород, очередные распоряжения руководства, новые киноленты. Такие поездки туда и обратно занимали не более пяти, в крайнем случае семи дней.

Во время таких поездок на дорогах бросается в глаза еще одна особенность сезона дождей. Случалось

так, что внезапно перед носом автомашины вырастала настоящая стена дождя. Никакие стеклоочистители и фары не могли пробить ни метра видимости в водопаде струй, которые низвергались на землю в эти минуты. В такие моменты приходилось съезжать на обочину и, ежась от влажного озноба (брезентовые крыши «газиков» не выдерживали мощного напора дождевых потоков, пропускали сначала каплю за каплей, а потом и целые струйки влаги), пережидать напор стихии. После такого особенно сильного ливня, свойственного началу или концу сезона дождей, обязательно выглядывает солнышко, которое как бы компенсирует холодную водяную купель. В эти короткие минуты от нас и особенно от брезентовых перекрытий автомашин валил густой пар.

К сожалению, на дорогах Гвинеи, опасных и в засуху, в сезон дождей резко увеличивается число аварий. Любящие быструю езду местные шоферы на скользкой дороге становятся жертвами сами и способствуют гибели десятков своих соотечественников. В этот период мы, будучи сами за рулем, старались ездить предельно осторожно.

Как-то во время сезона дождей в городе Пита нас стали одолевать грызуны. Нашествие их происходило сразу с двух направлений — сверху и снизу. Животные забирались в шкафы с одеждой, с геологическим оборудованием и даже на деревянные полки, заставленные банками консервов, и устраивали там свои «родильные дома». Мы их обнаруживали далеко не сразу. Напротив, редко заглядывая в отдаленные сусеки, чтобы пополнить запасы необходимых продуктов или достать что-нибудь теплое из одежды, бывали чрезвычайно удивлены и раздосадованы, когда видели проеденные насквозь шерстяные вещи, а по соседству семейку либо мышей, либо белок, свившую свое гнездо среди одежды.

В сезоны дождей происходит образование оврагов, особенно интенсивное в местах со слабой растительностью. Два процесса — снос почвенного покрова и оврагообразование, с одной стороны, растворение пресными водами и вынос щелочей, щелочных земель и кремнезема — с другой, приводят к интенсивному и постоянному обеднению почв. Особенно болезненно для земледелия и животноводства ощущается вынос не только физических комочков самой почвы, но и растворенных калия и кальция — одних из самых жизненно необходимых элементов. Недостаток кальция отражается на размерах рогатого скота (кальций — основной элемент костных тканей) и его молочности. Малое количество калия, как

и кальция, обусловливает слабую урожайность гвинейских почв.

В особенно дождливые годы резкое увеличение водных масс в руслах рек и временных водотоков приводит иногда к тому, что реки выходят из берегов, подтапливают прилегающие участки суши, сносят мосты. К счастью, резкие перепады рельефа в этих местах препятствуют длительным серьезным наводнениям. Реки быстро возвращаются в свои русла, и только обломки кустов, деревьев да разрушенные мосты напоминают о разбушевавшейся стихии.

Однако тяжелое время сезона дождей наконец-то проходит. Дожди идут все реже и реже. Чаще выглядывает солнце. Начинается подготовка к новому полевому сезону. В Конакри руководство экспедиции осматривает жилые помещения для прибывающих сотрудников. Мы также готовимся к встрече товарищей, ждем посылок от родных и близких, некоторые — жен и детей.

Как только начинает немного подсыхать и грунтовые дороги становятся проезжими, стараемся использовать каждый погожий день для рекогносцировки будущих площадей. Заранее планируем маршруты, с тем чтобы, не теряя времени, сразу же по приезде коллег начать очередной сезон. Что-то он нам принесет? Будет ли такой же удачный, как предыдущий? Время покажет.

Реки, паромы и мосты

Гвинея — страна тысячи рек. В большинстве своем они короткие, но многоводные и относятся преимущественно к бассейну Атлантического океана. Лишь некоторые из них впадают во внутренние водоемы или теряются в трещиноватых породах горных массивов Фута-Джаллона.

Одна из самых крупных рек Африканского континента — Нигер берет начало на Северо-Гвинейской возвышенности вблизи границы со Сьерра-Леоне, южнее города Кисидугу. Здесь она называется Джолиба. Вместе с притоками Тинкисо, Мафу, Ниандиан и Мило Нигер образует самый крупный речной бассейн страны, занимающий всю ее восточную часть. Отсюда могучая река Африканского континента прокладывает себе на расстоянии 4160 км тернистый путь к Атлантическому океану. В верхнем течении она порожиста и несудоходна. Лишь от Курусы вниз по течению могут двигаться мелкие суда во время дождливого сезона. По одной из многих версий, название Нигер произошло от берберского «нигеррен», что означает «река».

Большинство рек начинается на Фута-Джаллоне, отчего гвинейцы называют его «отцом рек». Здесь, вблизи Лабе, в центре плато, находятся истоки Гамбии. На юго-восточных отрогах плоскогорья, вблизи Маму, зарождается Бафинг, один из истоков Сенегала. Самые же крупные реки, стекающие с Фута-Джаллона,— это Когон, Фатала, Конкуре и Форекарья с многочисленными притоками. С южных склонов плато к океану устремляются десятки более коротких и менее водных рек.

Все гвинейские реки питание получают в основном за счет дождей. Поэтому уровень рек непостоянен, особенно на участках крутосклонного рельефа. Кроме наиболее заметных сезонных возможны колебания уровня и в течение суток, особенно после сильного ливня. В разгар сухого сезона уровень некоторых рек может падать на 2 м и более. Многие из них вовсе пересыхают или же представляют собой серию разделенных безводными участками луж.

Все гвинейские реки осуществляют громадную эрозионную работу, особенно в дождливый сезон. В это

время в океан сносятся многие тысячи тонн взвешенных и растворенных веществ, которые из года в год пополняют солевой баланс океана и количество взвешенных частиц, поступающих в осадок, или же участвуют в современном осадконакоплении на путях переноса обломочного, глинистого и растворенного в воде материала.

Кроме рек поверхностного стока здесь имеются и так называемые трещинные потоки, которые приурочены к выходам сильно трещиноватых кварцевых песчаников и прослеживаются на десятки и сотни метров, реже — на несколько километров. За пределами развития трещиноватых пород они либо изливаются на поверхность, либо пополняют баланс грунтовых вод и в составе подземного стока часто поступают в океан.

Большинство гвинейских рек, особенно на Фута-Джаллоне, имеет достаточно сложный профиль и не менее сложные контуры в плане. Это определяется геологическим строением района, сложенного породами разного возраста и прочности, а также характером рельефа и новейшей тектоники[1]. Самые верховья рек порожисты, очень извилисты и изобилуют невысокими водопадами. Средние участки рек, более многоводные, также заметно меандрируют. Водопады здесь встречаются реже, но достигают большой высоты. Низовья отличаются наиболее спокойным течением, наличием значительных по протяженности прямолинейных участков и отсутствием водопадов.

Потенциальные запасы гидроэнергии в Гвинейской Республике, как уже говорилось, чрезвычайно велики. По самым скромным подсчетам, только энергетические ресурсы восьми самых крупных рек составляют десятки миллиардов киловатт-часов. Освоение этих громадных запасов энергии только начинается.

В реках, особенно в средних и нижних участках течения, много рыбы. Однако мы не встречали здесь кого-либо на берегу с удочкой, зато во время маршрутов видели на реках сооружения из прутьев типа наших мереж. Среди нас также были любители рыбной ловли, которые нередко испытывали свое рыбацкое счастье. Но то ли местная рыба не привыкла к европейским снастям, то ли здесь существуют свои секреты подкормки и насадки, только рыбные блюда в нашем меню были большой редкостью.

[1] Тектоника — общее название различных глубинных процессов, приводящих к образованию структур земной коры, к смещению ее участков, формированию складчатых форм и разрывных нарушений разного порядка.

Низовья всех рек, впадающих в океан, интересны тем, что в них, как и на море, наблюдаются заметные глазу приливы и отливы. Они ощущаются, в зависимости от крутизны русла, на расстоянии до нескольких десятков километров от устья.

В гвинейских реках водятся крокодилы и бегемоты. Однако эти животные стали очень редкими из-за длительного и беспощадного их уничтожения. Несмотря на существующее сейчас запрещение на отлов этих животных, браконьеры, как и везде, еще не перевелись.

По берегам рек и озер нередко можно встретить питонов, а также ядовитых змей, которые охотятся на лягушек и головастиков. Особенно много змей в болотистых поймах крупных рек. По их берегам обитают большие стаи мартышек, кабаны и другие животные.

Вдоль рек, особенно крупных, круглый год сохраняются травы, кустарники и вечнозеленые деревья. У мелких, заметно пересыхающих водотоков во время сухого сезона растительность редеет, жухнет, а местами полностью выгорает под безжалостным солнцем.

Речные отложения — аллювий и тонкозернистые осадки пойм — широко используются при геологической съемке для поисков различных полезных ископаемых: из этих отложений берут так называемые шлиховые и металлометрические пробы. По составу шлихов можно догадываться о присутствии и приблизительном местоположении рудопроявлений или месторождений различных металлов. Повышенное содержание некоторых химических элементов в пойменных осадках также свидетельствует о возможном присутствии в автономных ландшафтах рудных концентраций. Сами реки нередко формируют месторождения так называемого россыпного типа, в том числе золота и алмазов. Золотоносные россыпи встречаются в Гвинее в современном аллювии и в отложениях террасовых комплексов — древних русл тех же рек.

Всюду, где имеются водные преграды, которые не преодолеть вброд, возникают проблемы связи с другими районами страны. Поэтому, как и в других богатых реками странах, в Гвинее имеется и непрерывно строится много самых различных мостов и паромов.

Нам редко приходилось ездить по Гвинее на поездах. Железная дорога Конакри — Канкан пересекает многочисленные реки, через которые наведены железнодорожные мосты. В зависимости от ширины водной преграды они представляют собой различной величины постройки — от небольших, в несколько десятков метров, несложных по конструкции мостков до громадных сложных сооружений в несколько сот метров.

Как и железная дорога, автомобильные и грунтовые магистрали пересекают тысячи различных по величине рек и речушек. На одних можно обойтись без всяких технических средств и без труда переправиться вброд, на других наведены различные переправы.

Крупные водные преграды, которые расположены на второстепенных дорогах, где движение автомашин довольно редкое, оснащены паромами. Однако паромные переправы иногда сооружаются и на самом бойком месте, но в этом случае они работают практически без остановки, как это, например, мы видели у переправы через Нигер, в районе города Сигири. Пользоваться паромами приходилось неоднократно: на реках Каба по дороге Маму — Фарана, Нигере, Мило, Конкуре, Какрима, Кумба и Бантала, особенно часто на трех последних, поскольку в этих местах производилась геологическая съемка. Каждая из таких переправ имеет кроме парома два деревянных причала, по одному с каждого берега. На пароме установлен движок. С его помощью без особого труда за несколько минут достигаешь противоположного берега. Однако из-за хронической нехватки горючего движки часто простаивали, и тогда приходилось перетягивать паром вручную. Это в целом не очень тяжелое физическое занятие для мужчин усложнялось тем, что стальной трос, за который приходилось тянуть, был сильно измочален и весь ощетинивался острыми обрывками колючей проволоки. После каждой такой процедуры руки были в глубоких царапинах и долго болели. Гвинейцы сначала искренне удивлялись, когда мы принимались помогать перетягивать паром на противоположный берег. Они даже пытались противиться этому. Мы же в свою очередь не могли оставаться безучастными, когда худощавые гвинейцы изо всех сил тянули паром, который еле-еле передвигался по реке. В конце концов паромщики поняли, что мы не можем быть просто пассажирами, и привыкли к нашей помощи, принимая ее как вполне естественную мужскую солидарность в тяжелой работе.

Все паромы расположены у какого-нибудь поселения. Один из его жителей исполняет роль паромщика. Это вовсе не значит, что он круглые сутки дежурит на переправе. Напротив, в связи с тем что автомобильное движение на таких дорогах довольно редкое, паромщик занимается своими делами в деревне. Если автомашина подъезжает к берегу, то он бросает свое занятие и спешит к реке, а через пятнадцать — двадцать минут, возвратив паром на прежнее место, приступает к прерванному занятию. Хуже обстоит дело, когда подъ-

езжаешь к переправе с противоположной от причаленного парома стороны. В этих случаях приходится подавать сигналы клаксоном или же просто кричать. Часто выручали ребятишки, которые почти всегда копошились у реки. Они бежали за паромщиком, и мы могли двигаться дальше, хотя в этом случае каждая переправа отнимала до часу времени.

Особые трудности возникали, когда приходилось возвращаться из маршрута ночью, в темноте. На берегу уже никого не было, а паромщик крепко спал дома. Тем не менее спустя какое-то время он появлялся, разбуженный гудками, и без лишних слов принимался за работу. В том случае, когда приходилось пользоваться паромной переправой регулярно, мы заранее договаривались о сроках возвращения, и, за редким исключением, нас там ждали.

В Гвинее за паромную переправу не взимают платы. Поэтому, чувствуя определенное неудобство перед паромщиком за внеурочную работу, мы иногда, к его большому удовольствию, дарили ему баночку сгущенного молока, варенья или консервов.

Однажды, возвращаясь поздно вечером, около двенадцати часов, мы провели у паромной переправы через реку Какрима более трех часов, так что вернулись домой только под утро. Случилось следующее. Договорившись с паромщиком о времени возвращения, мы ни капли не сомневались, что, как и прежде, он не подведет. Однако на переправе его не оказалось, да и паром был на противоположной стороне реки. Изрядно измотавшись в маршруте, нервничали. Деревня, со стороны которой находился паром, отстояла от берега метров на триста да еще располагалась за небольшим бугорком. Поэтому гудки автомашины, приглушаемые расстоянием и шумом реки, в спящей деревне не были слышны.

Река в этом месте достигает в ширину метров пятьдесят — шестьдесят. К тому же мы неоднократно видели неподалеку от переправы семью бегемотов. И все же усталость и голод, а также уверенность, что животные предпочитают ночью спать, разрешили наши сомнения. Двое из нас переплыли реку и стали перетягивать паром на наш берег. Вдвоем это было делом нелегким. Пришлось плыть на помощь еще двоим. Паром был тяжелым, а река достаточно быстрой. Несмотря на это, удалось все же причалить его, на что ушло минут сорок. Обратный путь был значительно веселее — за канат взялось более двух десятков рук.

Как потом оказалось, у паромщика в соседней деревне умер родственник и он вынужден был покинуть

переправу. Однако, помня о договоренности, он оставил за себя одного паренька, который, как и свойственно детям, крепко уснул и не слышал наших позывных.

Мосты, конечно, менее впечатляют, чем паромы, и, когда приходится проезжать по ним десятки раз, их попросту не замечаешь.

Иногда через реки строятся временные переправы из плотно пригнанных обломков горных пород. Они достаточно надежны, прочны, удобны, но служат только до ближайшего дождливого сезона, до первого приличного паводка.

Самые крупные мосты, через которые приходилось проезжать, построены через реку Томине у города Гавал в Нижней Гвинее и через реку Коленте в районе одноименного поселка на Фута-Джаллоне. Эти мосты представляют собой крупные инженерные сооружения длиной соответственно более 100 и 50 м и поддерживаются несколькими опорами.

В последние два года нашего пребывания в Гвинее началось строительство большого моста через реку Кумба, где до этого была только паромная переправа. Нам так и не удалось проехать по этому сооружению, так как оно строилось небыстрыми темпами, что объяснялось скорее всего нехваткой цемента, сырья для производства которого до работ советских геологов в Гвинее не было. До последнего времени цемент ввозился из соседних стран.

Во время маршрутов приходилось пользоваться многочисленными мостиками, которые возводит местное население над узкими, но глубокими речками. Самые простые из них — одно бревно, реже два ствола крупных деревьев, перекинутых с одного берега на другой. Переправа по такому надежному сооружению не составляет никакого труда, исключая разве лиц, страдающих высотобоязнью,— эти стволы располагаются иногда на высоких террасах, до пяти и более метров выше стремнины. Среди гвинейцев таких людей мы не встречали. Они идут по этим мосткам, как по асфальту.

Хуже обстоит дело, когда берега соединены тоненькой узкой досочкой. К этому типу переправы прибегали только на низких берегах. Тем не менее перейти их без колебаний в прямом и переносном смысле нам не всегда удавалось.

Трудно с непривычки преодолевать быстрые реки и по тонким, связанным лианами жердям. Они прогибаются под ногами, вибрируют. На них скользят ноги и чувствуешь себя весьма неустойчиво. Еще один вид переправ — две длинные жерди, соединяющие оба бере-

га и укрепленные одна над другой на расстоянии 1,5 м. Одна из них служит непосредственно для переправы, а высокая — для опоры.

Наконец, самым экзотическим мостиком нам показались сооружения из лиан. Их возводят через бурные, порожистые речки на высоте полтора-два метра от максимального уровня воды. Этот мост напоминает длинный гамак. Он имеет более густо сплетенный «пол» и боковые ограничения. Чтобы перейти по такому сооружению, требуется определенный навык. У нас его не было. Весь мост раскачивается не только при ходьбе, но и от ветра. После первых попыток мы предпочитали преодолевать такие преграды вброд. Местные жители не только безо всякого напряжения переходили по лиановым мостикам, но и ухитрялись проводить по ним домашних животных. Когда глядишь на такие переправы, то невольно приходит сравнение с цирковым искусством канатоходцев.

Все описанные сооружения еще раз подчеркивают резкую контрастность гвинейского бытия. С одной стороны, это старые традиционные переправы из деревьев и лиан, которые применялись и несколько веков назад. И с другой стороны, крупные современные инженерные постройки, сооруженные по последнему слову техники.

Пекло сухого сезона

Сухой сезон в Гвинее начинается в октябре. Дожди становятся все реже и реже, и с ноября наступает великая сушь. В это время на Фута-Джаллоне с неба иногда нет-нет, да и брызнет короткий освежающий ливень, но это уже последние всплески уходящего сезона дождей. Все реки и даже самые маленькие притоки наполнены водой и шумом. В саванне всюду густые зеленые заросли. Слоновая трава вымахивает в высоту до четырех метров. Ее стебли налились зеленым соком, набухли, стали тугими и упругими. Многие тропы, где движение менее интенсивно, частично зарастают. На старых заброшенных дорогах колея полностью скрывается в сочной зелени. Это самое трудное время для работы: проходимость резко ухудшается, все колючки достигают максимальных размеров. Они цепляются за одежду, царапают лицо и руки. И особенно раздражает способность длинных колючих веток в самый последний момент срывать с головы шапочку, защищающую от солнца, и отбрасывать ее далеко назад.

В это время резко сокращается степень обнаженности геологических объектов, труднее становится переправа вброд через раздувшиеся реки. Зато наступает самая благоприятная пора отбора шлиховых проб, так как всюду, в каждом овраге и распадке, полно воды. Это же и самое отрадное время для скота: свежей зеленой травы сколько угодно, и тщедушные коровенки стараются восполнить вынужденные месяцы поста, которые приходятся на конец каждого предыдущего сухого сезона. Мы ходим в маршруты только в высоких сапогах: в траве скрывается много предательских камней, о которые можно больно поранить ноги, да и ползучие гады не видны в этой густой зелени.

Между тем сухой сезон начинает все больше входить в свои права. Неумолимое солнце не хуже любого насоса выкачивает влагу из земли и водотоков — в саванне становится все суше и суше. Дождей нет совсем. Мелкие притоки и речушки начинают пересыхать. Трава приобретает желтоватый оттенок. В феврале реки, даже самые крупные, заметно мелеют. Вблизи высоко расположенных деревень иссякают родники. За

водой приходится ходить далеко вниз, иногда более одного километра. Трава к этому времени становится совсем желтой и жухнет. Шлиховые пробы переносим в рюкзаках и промываем в сохранившихся лужах или же более крупных реках.

Начинаются регулярные пожоги слоновой травы и прочей растительности. Геологические объекты открываются глазу, освобождаясь от скрывавшей их зелени. Проходимость заметно улучшается, но чувствуем себя в маршрутах все хуже и хуже. Воды не хватает. Ту, что берем с собой, выпиваем часам к двенадцати. Жара усиливается. К тому же появляется муха цеце, а там, где ее нет,— в долинах крупных рек — одолевают какие-то особенно назойливые мелкие мушки, которые лезут в нос, в глаза, всюду. Писать невозможно: живые серые тучи буквально одолевают. У каждой лужи стараемся вскипятить чай. Жажда на несколько минут отступает, но вскоре опять думаешь о глотке воды.

Иногда на пути маршрута встречаются совершенно сухие участки, где нет ни одного сохранившегося водотока. Такие участки даются особенно тяжело. Раскаленная почва и камни пышут жаром. Беспощадное солнце жалит лучами сверху. Состояние отвратительное. Во рту сухо. В глазах круги, ноги становятся ватными. Думаешь только о том, где бы напиться. Достаешь карту. Ошибки нет. Там, где была река, сухое русло. Жара все сильнее. Чувствуешь, что надо выходить к какому-нибудь жилью: там есть люди, там найдется глоток воды. В эти минуты не обращаешь внимания ни на емкость, в которой подносят воду, ни на ее, мягко выражаясь, антисанитарный вид,— прилипаешь к воде, в чем бы она ни была, и пьешь, пьешь. Гвинейские рабочие значительно выносливее каждого из нас. Они могут чуть ли не сутки обходиться без воды. Однако от чая, да еще с сахаром, никогда не отказываются.

Мы иногда пьем воду прямо из речки, а когда ее нет, слизываем влагу, проникающую наружу из пористых песчаников. Это, безусловно, не утоляет жажду, но немного унимает жар во рту.

Особенно приятно встретить в разгар сухого сезона хотя бы маленький водопадик, которые на Фута-Джаллоне в сезон дождей имеются повсюду и достигают в высоту несколько десятков метров, образуя живописные каскады. Когда же воды мало, на месте мощных, низвергающихся вниз потоков воды иногда сохраняется небольшая струйка, но и она в это время сулит желанный отдых и прохладу. Со временем в этом случае считаться не приходится. Оно окупается бодро-

стью, восстановлением сил и работоспособности после холодного десятиминутного душа. После такого тонизирующего отдыха можно интенсивно работать часа два-три. Затем опять подкрадываются усталость и апатия, и вновь очень хочется пить.

В первый же сухой сезон, когда организм не сумел еще втянуться в жесткий режим работы на безводных участках, у одного из нас случился солнечный удар. Было около двух часов дня. Во фляге не осталось ни капли воды. Она была выпита в самой трудной части маршрута, отнявшей много сил,— пришлось преодолеть несколько затяжных подъемов. Оставался сущий пустяк — пересечь широкое высохшее болото в долине реки Коры, заросшее «слоновкой», изрытое кабаньими тропами, и выйти на дорогу.

Спуск в долину был крут, местами обрывист. Однако редкие деревья и кустарники, обвитые лианами, помогали — служили в качестве страховочных веревок. К счастью, здесь почти не было обычных колючек. До реки оставалось не более трех километров. Внизу, в мари, солнце палило еще сильнее. Нагретая земля обдавала жаром снизу.

Не прошли кабаньей тропой и километра, как вдруг закружилась голова, в глазах поплыли красные круги и из носа пошла кровь. Рабочий перепугался, захлопотал, что-то говорил, но смысл сказанного не доходил до сознания. Подташнивало. Хотелось опуститься на землю, найти спасительную тень и уснуть. Но вокруг не было ни единого деревца, одно злое, беспощадное солнце. Инстинкт самосохранения привел к реке. Как туда добрались и смогли спуститься к воде с обрывистого трехметрового берега, выпало из памяти. Запомнилось лишь животное чувство, заставившее зайти в воду, припасть к ней и пить, пить. Сознание постепенно прояснялось. Потом, раздевшись, еще минут двадцать приходил в себя в прохладной воде тенистой Коры. Этот маршрут запомнился надолго. Впоследствии не раз приходилось работать в обезвоженных районах и испытывать сильную жажду. Однако подобные случаи ни с кем больше не повторялись.

Самое суровое время в маршрутах — март — апрель. Реки, за исключением достаточно крупных, почти полностью пересыхают. К счастью, в это время повсюду поспевают апельсины. Они, особенно зеленоватые, хорошо утоляют жажду. Поэтому в густозаселенных районах мы постоянно прибегаем к этому «напитку». Почти в каждой деревеньке местные жители подносят тазик очищенных от кожуры фруктов. Кожура снимается очень острым ножиком, аккуратно, чтобы не

повредить внутреннюю подкожную белую оболочку апельсина. После этого с одного конца очищенного фрукта срезается маковка и он готов к употреблению — его выжимают прямо в рот, выплевывая косточки. Мякоть гвинейских апельсинов значительно жестче известных у нас марокканских или алжирских и обычно не съедается. Зато кисло-сладкий сок в жаркий день особенно приятен.

Однажды в апреле мы оказались в городе Сигири, расположенном в северо-восточной части Гвинеи в долине Нигера, неподалеку от границы с Республикой Мали. Здесь, внизу, особенно жарко и душно. Даже вода в реке не приносит желанной прохлады: ее температура лишь немного меньше 30°. Однако в воде все же полегче, особенно на течении.

Температура воздуха в Сигири в это время в тени более 40°. Не чувствуется ни малейшего ветерка. Жара почти не уменьшается и ночью. Сон в такой духотище, да еще под пологом, беспокойный, тяжелый и какой-то липкий. Спустя два дня ходим все как сонные мухи. Кажется, что в этих местах не только работать, но и жить невозможно. Чувствуешь себя так, будто находишься на раскаленной сковородке. Местные же жители переносят такую жару совершенно нормально, ведь недаром это их родина, а они коренные африканцы. Здесь проживают малинке — высокие стройные красивые люди, отличающиеся особенно темным цветом кожи и атлетическим телосложением.

В Сигири мы попали во время экскурсии по Гвинее, когда намечали возможные площади будущих геологических съемок. Однако после нескольких рекогносцировочных маршрутов, которые вымотали не хуже любой многодневки на Фута-Джаллоне, все пришли к выводу, что с этим районом следует повременить. Слишком далеко он расположен от уже освоенных территорий, где имелись удобные оборудованные базы. К тому же выходы коренных пород на значительных площадях покрыты железистым плащом кирасы[1], что потребует значительных объемов бурения, а стало быть, много бензина и солярки. В этом решении не последнюю роль сыграло и немилосердное солнце, от которого некуда было скрыться.

Очень жарко в сухое время года и в районе Боке, в северо-западных отрогах плоскогорья. В этой местно-

[1] Кираса — плотное, каменистое, иногда шлаковидное поверхностное образование, состоящее из обломков латерита, железистых минералов, конкреций и разнообразных горных пород, сцементированных алюможелезистой или кремнисто-железистой массой. Кираса возникает в процессе разрушения и частичного перемещения и переработки латеритов и других пород в условиях жаркого влажного климата.

сти вела геологическую съемку группа наших московских товарищей. Их база находилась в самом городе Боке. Здесь, на высоте 200—300 м над уровнем моря, стоит почти такая же духота, что и в Сигири. Однако преимуществом этого района было обилие стекающих с Фута-Джаллона рек, в том числе и довольно крупных, так что проблема питьевой воды в маршрутах не стояла так остро.

Три месяца напряженной работы пролетают быстро. Проходят и эти самые трудные — февраль — апрель. Наступает май, а с ним приходят и регулярные дожди. Дни сухого сезона сочтены.

Саванна в огне

Климатические условия Фута-Джаллона, существующие здесь по крайней мере несколько миллионов лет, содействовали формированию лишь маломощных и бедных почв, лишенных многих жизненно необходимых элементов.

Чтобы повысить урожайность почв, население Гвинеи испокон веков прибегает к подсечно-огневому земледелию. Оно заключается в том, что в ежегодные пожоги вовлекаются все новые и новые территории. При этом происходит определенное временное обогащение почв, но получаемый эффект ни в коей мере не может быть сопоставим с ущербом, который эти пожоги приносят. Только за последнее время многие сотни гектаров саванн и лесов лишились древесной растительности, что усилило и без того энергичную эрозию почвенного покрова, уменьшило водность рек и способствует опустыниванию ландшафтов.

Пожоги начинаются в конце сухого сезона, когда безжалостное солнце уже высушило землю, полностью испарило мелкие реки и сильно понизило уровень воды в крупных водотоках. Травы и кустарники к этому времени становятся такими сухими, что достаточно спички, чтобы разгорелся пожар, а если при этом еще дует ветер, то пожар охватывает большие пространства и пожирает все вокруг. Во время пожогов страдают не только деревья и кустарники. Гибнут многие животные, особенно змеи и даже птицы. Отложенные на землю или подвешенные на ветках деревьев птичьи гнезда сгорают вместе с будущим потомством. Уничтожается много естественных кормов для обитателей саванн. Серьезно нарушается экологическое равновесие. Оскудение и смыв почв в местах многолетних пожогов заставляют население искать новые площади для посевов. Эти площади через несколько лет также становятся практически бесплодными.

Гвинейское правительство специальным декретом запретило применение подсечно-огневого земледелия. Однако несмотря на принимаемые меры искоренить это пока не удается. Территории, выделенные под заповедники и лучше охраняемые, в меньшей степени подвергаются опустыниванию.

Саванна загорается по разным причинам. Чаще всего это происходит по прихоти человека, но и под его присмотром. Реже от небрежно брошенной спички или сигареты сухая трава сначала начинает дымиться, а в ветреную погоду разгорается в настоящий пожар. Это очень опасно не только для самой саванны и ее обитателей, но и для человека: неожиданный огонь подбирается к населенным пунктам, где также достаточно нескольких искр, чтобы соломенные хижины в несколько минут превратились в груду пепла. К сожалению, такие случаи нередки. Особенно трагично закончилось происшествие в поселке Ямберинг, очевидцами которого нам пришлось быть. В этом поселке размещалась одна из временных подбаз партии. Дело было к концу сухого сезона. Пожар начался на окраине поселка, неизвестно, по какой причине: возможно, от сигареты, а возможно, и от искры костра, на котором готовили пищу, не особенно заботясь о безопасности. В мгновение ока пламя охватило несколько соседних хижин. Сначала оттуда валил густой черный дым, а затем вдруг высоко в небо взметнулись один за другим несколько столбов ярко-красного пламени. Сгорело практически все имущество потерпевших, восстановить которое при высоких ценах в стране совсем непросто. Всю ночь на пепелищах голосили женщины.

Нам доводилось наблюдать пожоги в саванне с различных позиций — со стороны и изнутри, находясь непосредственно в зоне огня.

Необычно выглядит горящая саванна ночью. К этому времени часто стихает ветер и огонь становится управляемым — специальные наблюдатели-гвинейцы в это время внимательно следят за огнем. Огненные вспышки вспарывают окружающую черноту ночи, рассыпаются на тысячи искр. В эти минуты нет желания разговаривать, просто смотрим на далекий огонь и молчим. В такие моменты затихают и цикады.

Обычно пал пускают в сторону ветра. С противоположной стороны находятся дежурные, которые внимательно наблюдают за пожаром и не позволяют пламени перекинуться на соседние территории.

Нередко саванну поджигали и днем, по ветру, если он дул в сторону естественных водных преград. Природные барьеры — реки и крупные ручьи с мощным заслоном древесной вечнозеленой растительности препятствовали дальнейшему распространению пожара. В этих случаях дежурных было значительно меньше.

Приходилось видеть также пожары на небольших возвышенностях, заросших слоновой травой и редкой древесно-кустарниковой растительностью. При этом

создается круговая полоса огня, которая самостоятельно движется снизу вверх до тех пор, пока не выгорит вся растительность. Именно в такой пожог и попала одна наша маршрутная пара. Они увлеклись работой и не сразу заметили опасность. Сильно запахло дымом, а затем не заставил себя долго ждать и огонь. В этот день было ветрено, и пламя быстро перескакивало с одного покрытого сухой растительностью участка на другой. Попытка найти брешь в сплошной стене огня не увенчалась успехом. Кругом все горело. Оставался единственный выход: самая вершина холма была почти лысой, там росло только несколько небольших деревьев, среди корней которых на поверхность выходили коренные горные породы. Почти два часа на вершине холма продолжался настоящий бой наших товарищей с огнем. Окруженные обжигающим жаром, они отбивались от подступавшего пламени брезентовыми геологическими куртками, геологическими молотками пытались вырыть хотя бы небольшие канавки, которые смогли бы остановить огонь. В конце концов, не имея больше «пищи», пожар стал затухать, буквально облизывая языками пламени камни, на которых стояли обессиленные геологи. Когда они пришли в лагерь, трудно было узнать, кто же из них настоящий африканец — так прокоптились оба во время неожиданной схватки. Ну и, конечно, эмоций у пострадавших было предостаточно!

Подобные ощущения пришлось как-то испытать и одному из нас. Случилось это также во время сухого сезона. Трава стояла пожухлая, почти лишенная боковых побегов. Однако ветви были еще упругие, а сломанные стебли чувствительно кололись. По ходу маршрута предстояло пересечь широкое поле, разделяющее два притока одной из рек. Расстояние между ними составляло около трех километров. Было не очень жарко, так как в спину дул сильный ветер. Он же вдувал в щели одежды массу мелких обрывков травы и пыль, отчего все тело нестерпимо чесалось.

Едва удалось вместе с двумя гвинейскими рабочими пройти около полутора километров, как почуяли запах дыма, а вскоре и характерный треск за спиной. Сомнений быть не могло — горела трава, и огонь со скоростью ветра рвался за нами. Раздумывать было некогда. Не успев точно сориентироваться по карте в выборе направления на ближайший водоток, мы бросились бежать. В высокой траве быстро растеряли друг друга. Теперь каждому приходилось уповать только на себя и свою выносливость. А бежать было трудно: упругие стебли больно хлестали по лицу, ноги цеплялись за

сломанные растения. Однако следовавший буквально по пятам трескучий огонь действовал лучше всякого допинга. К счастью, вовремя достигли реки. С трудом отдышавшись и разыскав друг друга, наспех сполоснули закопченные физиономии и двинулись дальше.

Описанные случаи, конечно, исключения. Поэтому они так ярко и врезались в память. Обычно же по ходу маршрута мы регулярно заходили во все расположенные вблизи деревни, где подробно расспрашивали об особенностях предстоящего пути.

Да, к сожалению, саванны еще горят. И с каждым таким пожогом уменьшаются площади нетронутых ландшафтов, сокращается число их обитателей. Опыт показывает, что одними запретами трудно бороться против вековых обычаев. Необходима кропотливая разъяснительная работа среди населения, ну и, конечно, постоянный рост национальных агрономических кадров, которые смогли бы поставить земледелие на научную основу.

По обычаям предков

В Гвинее, особенно в сельской местности, очень развит культ предков. До сего времени строго соблюдаются обычаи, корни которых уходят в далекую древность. Многие из этих обычаев связаны с мусульманством, исповедуемым подавляющим большинством населения страны. О некоторых обычаях мы и хотим рассказать.

В самый разгар сухого сезона часто приходилось встречать на дорогах группы подростков, одетых в одинаковые серые или синие бубу, четырехугольные шапочки, прикрывающие бритые головы, с длинными тонкими палочками в руках. Так в Гвинее одевают мальчиков, проходящих мусульманский обряд обрезания. На время, обусловленное обычаем, эти дети лишены общения с семьей и только по истечении положенного срока и после выполнения ряда ритуальных обрядов под присмотром специального наставника могут вернуться в родную деревню. Обряд инициаций может продолжаться несколько месяцев. По утверждению французского исследователя Пьера-Доминика Гэсо, у тома и герзе церемонии, связанные с инициациями, тянулись девять месяцев. В это время посвящаемые находились в «священном лесу», своего рода заповедном месте, где и совершались все обряды.

В. Иорданский в послесловии к книге П. Гэсо «Священный лес» пишет следующее: «Сложнейший ритуал инициаций имеет двоякий смысл. С одной стороны, наставники посвящают молодежь в традиции народа, знакомят ее с преданиями, с нормами морали. С другой — церемонии, сопровождающие пребывание посвящаемого в «священном лесу» и его возвращение в деревню, несут огромную символическую нагрузку. Попадая в лагерь для посвящаемых, юноша символически переносится в эпоху сотворения мира и культуры. Его окружают мифические силы, как бы действовавшие в тот момент. Символически повторяется акт рождения человека, а по завершению своего пребывания в «священном лесу» юноша получает новое имя — свидетельство его внутреннего перерождения. Он в глазах общества становится уже совсем другим человеком, круг его социальных прав значительно расширяется».

Время, когда наступает момент инициаций, для каждой гвинейской семьи, где готовится к посвящению юноша,— большой праздник. В деревнях в это время не перестают бить тамтамы, слышны ритуальные песни.

Кстати, о тамтамах! За время пребывания в Гвинейской Республике не раз приходилось слышать их гулкие то взволнованно-радостные, то печально-тревожные, то официально-торжественные звуки. Однако нам так и не удалось разгадать эту таинственную «африканскую азбуку Морзе». Зато их язык, очевидно, прост и понятен всем гвинейцам. Во всяком случае, приходилось быть свидетелями, как гвинейские инженеры, вслушиваясь в возникающие где-то вдалеке звуки, передавали их содержание, которое потом полностью подтверждалось. Очевидно, язык тамтамов впитывается с молоком матери или же передается, как все накопленное народом, от отца к сыну.

На наши вопросы гвинейцы отвечали, что искусство переводить звуки тамтамов в определенную информацию идет из глубокой древности. Казалось бы, в наш технический век, который, конечно, задел и Гвинейскую Республику, такой архаичный вид передачи новостей должен кануть в вечность. Ведь большинство административных центров разного ранга, да и многие деревни, имеют телефонную и телеграфную связь, по которой всю информацию можно передать быстрее и понятнее. Однако традиции остаются живучими, и до сих пор в саванне то тут, то там возникают звуки, которые слышали еще многие столетия назад пращуры современного гвинейского населения.

Тамтам — это барабан своеобразной формы в виде крупной, около одного метра в диаметре, выпуклой с одной стороны линзы, плоская часть которой обтянута выделанной шкурой.

Слышать тамтамы приходилось неоднократно, а вот видеть, как воспроизводятся звуки, не удалось ни разу. По-видимому, этот ритуал должен происходить без постороннего глаза, во всяком случае без присутствия иностранцев.

Особенно часто мы слышали звуки тамтамов, находясь в маршруте. При этом наблюдалась такая закономерность. До тех пор, пока не встречаешь на тропе кого-либо или же не заходишь в какую-нибудь деревушку, саванна оглашается только привычными звуками — шумом кустов и деревьев на ветру, трескотней и жужжанием многочисленных насекомых, какофонией лягушек в болотах, резкими пронзительными криками птиц да обезьян. Когда же подобные встречи случались, а особенно после визита в деревню, нас уже на

всем пути зачастую сопровождали гулкие, тугие, широко разносящиеся по окрестностям звуки. Как рассказывали рабочие, эти удары сообщали всем жителям саванны, что в «бруссе» посторонние люди.

На первых порах мы не обращали на это внимания, так как отвлекались массой новых необычных впечатлений да и процессом самой работы, которая отнимала много сил и внимания. Поэтому очень удивлялись, когда по прибытии в лежащую на пути маршрута деревню чувствовали, что о нас здесь знают и ждут. Нередко на кострах уже варилась пища, чтобы угостить рабочих. Кроме тамтамов — они имеются не во всех деревнях — информация в саванне передавалась и пешим «телеграфом». Двигаясь от поселка к поселку, мы должны были тщательно осматривать и описывать в специальных дневниках все геологические объекты, встречающиеся на нашем пути, в то время как встречные или попутные группы людей преодолевали те же расстояния значительно быстрее. И сенсационная новость — «в саванне совьетик» — быстро распространялась по всем окрестным деревням. Однако тамтамы передают эту новость еще быстрее, и даже когда никаких людей в маршруте не встречаешь.

Однажды пришлось проводить многодневный маршрут в наиболее удаленной и сравнительно малонаселенной северо-западной части страны. С трудом уже в сумерках добравшись на машине до небольшой деревушки, мы поужинали и устроились на ночлег прямо на свежем воздухе. Разложив раскладушки со спальными мешками и натянув пологи под веткой большого тенистого дерева, быстро заснули. Во сне казалось, что где-то негромко и редко раздавались звуки барабана. Каково же было удивление, когда наутро увидели вокруг себя целую толпу гвинейцев, которые с любопытством взирали на нас. С трудом, прямо в мешке, натянув на себя одежду и стараясь не обращать внимания на окружавших, мы тем не менее чувствовали себя под пологами как в клетке зоопарка, куда многочисленные зрители собрались на нас поглазеть. Откуда появилось за ночь столько народу в этой столь малонаселенной местности, осталось загадкой.

Звучание тамтамов — обязательный атрибут всех праздников. Как-то в одном из округов Средней Гвинеи состоялся большой праздник по поводу приезда министра. Несколько дней до намеченного срока в одно и то же время суток звучали тамтамы, предупреждая народ о готовящемся событии. В день праздника звуки были уже иного характера. К этому времени в административный центр округа, где мы в то время жили, со всех

сторон начали стекаться жители окрестных деревень, одетые в праздничные наряды,— мужчины в длинных белых бубу, а женщины в ярких и пестрых пани. Когда официальная часть праздника закончилась, начались выступления акробатов, торжественные шествия и, наконец, танцы. Неперестающие звучать тамтамы все время меняли свой «язык», переходя от редких торжественных тонов к быстрым веселым ноткам. Однако, как мы ни старались увидеть, кто и каким образом издает эти звуки, нам это не удавалось, поскольку центральную площадь, где развевался на флагштоке трехцветный флаг страны и под которым находился барабан, тесным кольцом окружили гвинейцы. Особую активность мы проявлять не стали, не желая показать себя слишком нескромными.

Вспоминается еще один, уже трагический, случай, связанный со звучанием тамтамов. Мы жили тогда на окраине города Пита, неподалеку от небольшого озерца, в котором, несмотря на присутствие змей, часто купались. Был обычный рабочий день. Вместе с гвинейскими коллегами, разместившись в камеральном помещении, мы обрабатывали результаты полевых наблюдений. Совершенно неожиданно — никаких праздников в ближайшее время не предвиделось — раздались какие-то очень тревожные звуки тамтама. Он звучал за озером, неподалеку, и поэтому был слышен очень отчетливо. Лица гвинейских инженеров вытянулись, глаза приняли испуганное выражение, кожа посерела — такова обычная реакция африканцев на неприятные события или известия. На вопрос, чем вызвана такая тревога, нам ответили, что кто-то погиб на озере. Именно об этом сообщает тамтам. В это трудно было поверить. Озеро было мелким, даже на его середине вода доходила только до груди человека среднего роста. Инженеры настаивали на своем. Они наскоро собрались, торопливо попрощались и оставили нас одних. Мы решили также последовать к озеру.

Вскоре выяснилось, что язык тамтама на этот раз, к великому сожалению, не обманул тонкий слух наших коллег. Действительно оказалось, что в озере, у самого берега, утонул юноша лет семнадцати. Он стирал белье и каким-то образом упал в воду. Можно лишь предполагать, что пострадавший внезапно потерял сознание, а упав в воду, захлебнулся. Однако у гвинейцев на сей счет имелась своя версия: «Это все проделки черта, который живет в озере!» Мы пытались возразить, ссылаясь на то, что неоднократно купались на этом месте и никто нас не тронул. С хитрой улыбкой нам ответили: «Еще бы, черт-то белый, он белых не трогает

и досаждает только черным!» И мы вспомнили, что в наших поверьях дьявол всегда черный.

А тамтамы звучат и по сей день, продолжая нести своему народу то радостные, то печальные вести.

Пришлось в Гвинее наблюдать и обряд мусульманского захоронения. Руководитель гвинейской геологической партии, в которой мы работали в то время, пригласил нас принять участие в похоронах Бубакара, умершего от инфекционной желтухи (об этом уже говорилось ранее). При этом он дал понять, что наше присутствие на обряде было бы крайне желательно не только для персонала группы, но и для всех жителей города, где состоятся похороны.

В назначенное время прибыли к дому умершего. Там в большой комнате уже собирались рабочие, шоферы, буровики, техники и инженеры, человек тридцать. Лица их были пепельно-серого цвета, глаза наполнены неподдельной тоской и ужасом перед таинством случившегося — ведь Бубакару было едва за тридцать. Где-то в глубине дома истошно голосили женщины.

После традиционных речей, в которых воздавалось должное умершему, все прошли в сад, где на циновке завернутое в белую простыню лежало тело. Когда все приблизились, откинули кусок материи, закрывавшей лицо. В скорбном молчании в течение нескольких минут все прощались с Бубакаром. Затем в мечети сообразно с обычаями был совершен мусульманский обряд, после чего началось погребение. На нем присутствовали почти все мужчины города. Среди них выделялись несколько седобородых старцев с величественной осанкой в ослепительно белых бубу. Судя по тому, с каким почтением к ним обращались присутствующие, можно было предположить, что это священнослужители.

Закрытое простыней тело положили рядом с вырытой ямой. Все дружно уселись на траву. После нескольких минут молчания вдруг быстро заговорил один из старцев, видимо читая какую-то молитву. Время от времени он воздевал руки к небу, а окружающая толпа дружно повторяла за ним некоторые слова, похожие на заклинания. Затем все неожиданно вскочили на ноги и кинулись к могиле. Несколько проворных рук схватили тело и опустили его в могилу. Сверху с поразительной быстротой накидали большие охапки сена, на него уложили несколько длинных жердей. Другие почти одновременно стали засыпать могилу песком. Не прошло и минуты, как все было кончено. Постояв еще некоторое время молча, все медленно стали расходиться. К нам подходили знакомые и незнакомые люди,

жали руки и благодарили за участие в церемонии.

Мы уже упоминали о том, что деревни фула располагаются обычно на водоразделах, нередко довольно далеко от постоянных водотоков. По словам гвинейцев, так же располагали свои жилища и их предки. Правдивость этих сведений подтверждали и находки стоянок древних людей в различных частях плоскогорья Фута-Джаллон. Мы и наши советские коллеги встретили более двадцати таких стоянок. Они действительно находились либо на приподнятых кирассированных бовальных пространствах, либо на широких террасах верховьев речных долин. Следы стоянок древних людей отмечены многочисленными находками разнообразных каменных орудий — скребков, ножей, топоров, наконечников копий и стрел. Чаще всего находили скребки. Они различной формы и размеров, с выемками для ладоней и пальцев. Удивляет долготерпение древних людей — сколько же нужно было затратить времени на то, чтобы изготовить и подогнать по руке несколько скребков?! А ведь они сделаны из самых прочных камней, имеющихся на Фута-Джаллоне. Придать этим породам необходимую форму, не имея особенно твердых абразивных материалов,— дело чрезвычайно трудное. И тем не менее такие предметы изготавливались в большом количестве и приобретали под руками древних умельцев ту форму, которая была необходима для выполнения той или иной операции.

По заключению сотрудника Института археологии АН СССР Л. И. Борисковского, орудия, собранные на древних стоянках Фута-Джаллона, относятся к разным эпохам каменного века. По абсолютной шкале времени возраст найденных орудий составляет 40—60 тыс. лет для самых древних из них и около 10 тыс. лет для самых молодых.

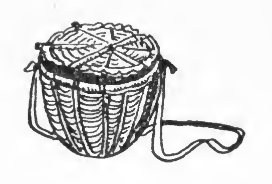
Судя по распространению найденных каменных орудий каждой группы, стоянки древних людей занимали площадь около 100 кв. м.

В археологическом отношении Западная Африка еще плохо изучена. В конечном счете археологи сумеют объяснить своеобразную приуроченность древних стоянок к приподнятым участкам рельефа. Мы же можем высказать лишь свои предположения.

Лишенные растительности, плоские возвышенные пространства хорошо просматриваются. Здесь легче вовремя заметить любую опасность. На этих просторах нет угрозы пожаров. Опасные хищные животные предпочитают держаться ландшафтов с густой, скрывающей их растительностью. Верховья рек обычно богаты родниковыми водами, да и вода в реке здесь

значительно чище и пригоднее для питья, чем в нижнем течении.

В настоящее время систематические археологические наблюдения в Гвинее не проводятся. Слишком много еще более насущных задач. Однако наступит и такой день, когда каждое место, где сохранились следы былых цивилизаций африканских аборигенов, будет тщательно изучено, нанесено на карту и станет достоянием национальной истории гвинейского народа.

Лесная Гвинея

Представление о Гвинее будет неполным, если не рассказать, хотя бы коротко, о лесной ее части. Она отличается от всех прочих районов республики прежде всего тем, что кроме обычных саванных ландшафтов здесь значительные площади были еще совсем недавно заняты крупными массивами галерейных лесов, которые в настоящее время в значительной степени уже вырублены.

Лесная Гвинея расположена на юго-востоке страны, занимая часть Северо-Гвинейской возвышенности, которая охватывает северную часть Либерии, восточные провинции Сьерра-Леоне и пограничные с Гвинеей районы Берега Слоновой Кости. В отличие от ступенчатых гор Фута-Джаллона возвышенность состоит из отдельных массивов и хребтов с высокими отметками рельефа — в массиве Даро с вершиной 1345 м и в массиве Нимба с самой высокой в Гвинее одноименной возвышенностью высотой до 1752 м. Климат на атлантическом склоне Северо-Гвинейской возвышенности экваториальный. Осадки здесь обильные (в Масенте — 2700 мм в год), но их в 1,5 раза меньше, чем в Приморской Гвинее, и они равномерно распределяются в течение всего года с двумя максимумами — в сентябре (оптимальный) и июне — июле. Сухой сезон продолжается здесь всего три, а то и два месяца (декабрь, январь, иногда февраль). Самый сухой месяц — январь, когда выпадает всего 9—10 мм осадков.

Северные районы Лесной Гвинеи отличаются более сухим климатом из-за харматтана — ветра, дующего из Сахары и несущего зной и массу пыльной взвеси, что иссушает растительность и нередко приводит к лесным пожарам. На горных склонах влияние харматтана несколько смягчается частыми туманами. Самые низкие средние годовые температуры здесь достигают лишь 17,6°, средняя температура января 21,3°.

Кратковременность сухого сезона, прерываемого время от времени дождями, способствовала развитию в этих районах влажных тропических лесов (гилеи), что привело к появлению и сохранению здесь сравнительно мощного почвенного горизонта. Биологическая продуктивность влажного тропического леса составляет

2 тыс. ц с 1 га — это общее количество биомассы, в то время как для сухой саванны эта цифра достигает всего 268 ц с 1 га, для высокотравной — 666, а, например, для луговых степей Русской равнины — 237 ц с 1 га.

К сожалению, первичные тропические леса в Гвинее сейчас почти все уже вырублены или уничтожены пожарами. От них сохранились только небольшие островки в труднодоступных горных районах или в заповедниках.

Лесная Гвинея благодаря исключительно мягкому климату является наиболее удобным районом для развития сельского хозяйства. Поэтому, занимая $^1/_5$ территории страны, она располагает 90% сельскохозяйственного потенциала страны. Однако сокращение лесных ресурсов и увеличение посевных площадей уже сейчас начинают истощать почвы и подвергать их опасности эрозионного смыва, особенно на склонах возвышенностей. Площади залежных земель продолжают уменьшаться, поля поочередно засеваются рисом и фоньо.

В Лесной Гвинее живут многие племена и народности. Это киси (или гии, асси) — 280 тыс. человек, переселившиеся сюда в XVI в. из юго-восточных районов Фута-Джаллона, герзе (кпелле) — около 200 тыс. человек, мано (маа, мамиа) — 30 тыс., коно (ваи) — 50 тыс. человек, проживающие на самом юге. В центре этого района Гвинеи живут лома, или тома, близкие к ним банди — всего 140 тыс. человек — и другие народности.

Тома считаются одними из самых древних обитателей Лесной Гвинеи. В прошлом у них имелась своя письменность, сохранившаяся до наших дней. Основное занятие всех жителей — сельское хозяйство. В долинах, на плато, горных склонах и холмах они возделывают поля, применяя традиционную неглубокую вспашку, которая щадит корневую систему и оберегает почвы от эрозии. Основная культура — суходольный рис. На истощенных почвах преобладает фоньо.

В районах, где живут киси, леса почти полностью уничтожены. Сохранились лишь небольшие массивы «священных лесов» вокруг деревень. Поля обычно сконцентрированы на определенных участках и обнесены оградой, чтобы обеспечить лучшую защиту от грызунов и птиц. После уборки риса, с окончанием дождей, киси возделывают маниок или арахис. Почвы обрабатываются железной мотыгой с короткой ручкой. Распашка тягловой силой применяется в северных районах, в междуречье Мафу и Ниандиан у города Кисидугу.

Тома и герзе — менее искусные земледельцы. Они

обычно возделывают на склонах возвышенностей, где предварительно вырубается весь лес, суходольный рис, сильно истощающий почвы. После снятия одного-двух урожаев осваивают новые, более плодородные участки. Тома из северных горных районов уничтожили лес практически полностью. Кроме риса они выращивают немного кукурузы около хижин, а на полях вокруг деревень — овощи и клубнеплоды. Из плодов масличной пальмы тома получают масло, а из сока делают вино.

В личном хозяйстве всех жителей Лесной Гвинеи очень мало крупного рогатого скота, что связано с разбросанностью и незащищенностью полей, которые неизбежно привлекают животных, пасущихся без надзора.

В деревнях киси редко более 150 жителей, составляющих несколько больших семей. Они живут в круглых хижинах, которые строятся вокруг небольшой центральной площади, где погребены их предки. Такой же обычай распространен у тома и герзе. За хижиной имеется огороженный циновками уголок, здесь после работы в поле крестьяне принимают теплый душ. По свидетельству Ж. Сюре-Каналя, это повсеместный обычай народностей Лесной Гвинеи, чего у жителей Фута-Джаллона мы не наблюдали.

Вокруг хижин растут папайи, бананы, апельсины, а также помидоры, табак и перец.

Деревни герзе, мано и коно, живущих на юго-востоке, располагаются на террасах рек, вблизи источников, как и у фульбе, и никогда не спускаются в низины. Форма хижин такая же, как у тома, но кроме них имеются и квадратные строения с четырехскатной крышей. Все женатые мужчины рода и глава семьи живут в отдельных хижинах. Рядом располагаются две большие казы. В одной из них размещаются все женщины семьи, а в другой — холостые мужчины. Огородов вокруг жилищ обычно нет.

Окруженная высокими горами и покрытая тропическими лесами, эта труднодоступная часть Гвинеи долгое время являлась первобытным уголком страны, где большинство жителей были анимистами.

У жителей Лесной Гвинеи вообще очень долгое время сохранялись местные традиционные верования и культы. Общим для всех является культ предков. Так, у герзе и коно существует, например, мнение, что в каждом человеке, посвященном в таинства веры, живет душа предка, которая может приносить окружающим всевозможные бедствия и напасти, если вовремя не совершить необходимый обряд. До сих пор сохрани-

Африканские просторы

Уступ на Фута-Джаллоне

На пароме через реку Банталу

Гвинея богата яркими цветами

В разгар сухого сезона у поселка Баландугу

Геологу в Гвинее надо быть скалолазом

HOTEL CAMAYENNE

На берегу океана

Гостиница «Камайен» в Конакри

Мост через реку Бафинг

Ритуальный тамтам

Пешеходный мост из лиан в окрестностях города Питы

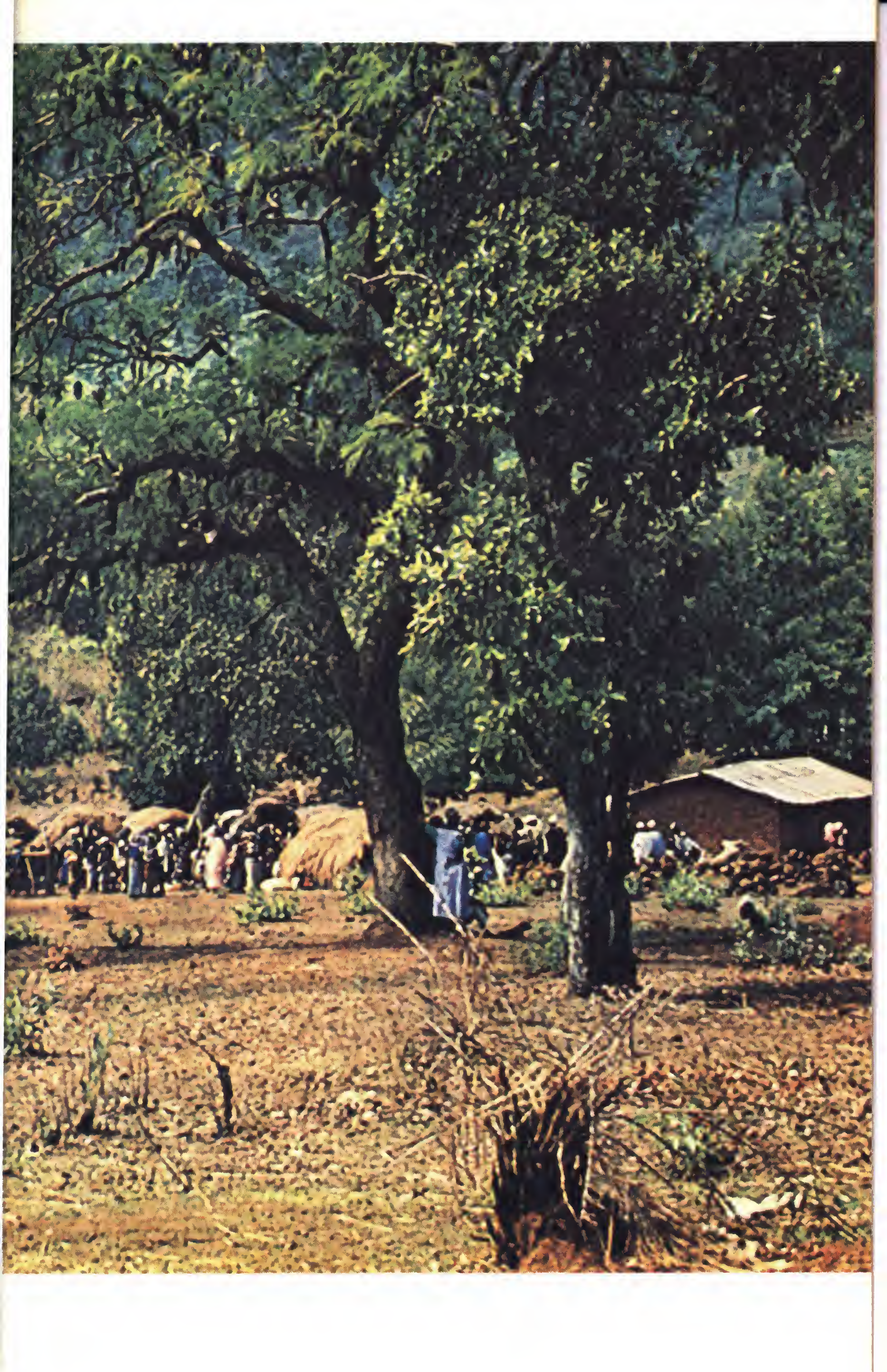
Один из выжженных для земледелия участков саванны

Марабу

Бородавочник

В деревне на празднике ▷

В змеином питомнике

Масличная пальма с плодами

На плато Фута-Джаллон

На окраине вторичного тропического леса

Грифы — санитары африканской природы ▷

По пути на базар

Гвинейская модница

Полулистопадный тропический лес

Стволы многих тропических деревьев покрыты острыми шипами

Цветущие деревья ▷

лись, особенно в труднодоступных горных районах, деревни со старым укладом жизни. Однако большинство жителей переходит в исламскую веру.

Лесная Гвинея играет заметную роль в экономике страны. Здесь долгое время товарной культурой были плоды кофейного дерева. В 1958 г. они занимали первое место в гвинейском экспорте. Стоимость этой культуры вместе с бананами составляла 60% стоимости экспорта. Но к середине шестидесятых годов в районах, производящих кофе, кофейные деревья оказались пораженными опасным грибковым заболеванием — трахеомикозом. В результате пострадали как продуктивные, так и молодые насаждения. Ликвидировать последствия этого бедствия так и не удалось. В начале восьмидесятых годов кофе наряду с ананасами составляли только 3% гвинейского экспорта.

Потенциальный запас гидроэнергии районов Гвинейской возвышенности достаточно высок. Реки атлантического склона — Макона, Диане, Уле и другие отличаются полноводным и регулярным стоком, гарантирующим успешную эксплуатацию будущих гидротехнических сооружений. Однако в связи с удаленностью от освоенных районов строительство гидростанций в Лесной Гвинее остается пока делом будущего.

Со столицей страны Лесная Гвинея связана воздушным сообщением и автомобильной трассой. Из Конакри в Кисидугу и Нзерекоре совершалось по два воздушных рейса в неделю, в Масенту — один, и то только в сухое время года. Асфальтированное шоссе Конакри — Маму — Дабола — Фарана — Кисидугу — Гекеду — Нзерекоре во многих местах разрушено, но испытывает на себе основную нагрузку перевозок из центра в Лесную Гвинею и обратно. Для развития местной экономики принято решение о строительстве трансгвинейской железной дороги из Конакри в Нимбу протяженностью 1200 км с провозной способностью 50 млн. т в год.

Подсобными транспортными магистралями являются реки. По ним сплавляется круглый год лес ценных пород в сторону границы с Либерией и далее транзитом в ее морские порты.

Городами областного значения в Лесной Гвинее являются Кисидугу, Гекеду, Масента и Нзерекоре, находящиеся на автомагистрали, связывающей эту самую удаленную часть страны со столицей, а также город Бейла, расположенный на востоке и связанный автомобильной дорогой с Канканом.

В первых трех городах живут в основном киси. Здесь работает лесопильный завод, национализирован-

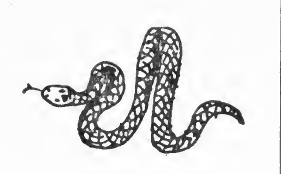
ный в 1973 г. Отсюда доставляют лес для деревообрабатывающего комбината в Нзерекоре.

В Масенте еще в 1967 г. при содействии КНР построена чаеферментационная фабрика, но из-за нехватки сырья она работала только на 1/3 мощности, производя около 50 т чая в год. В Бейле проживает сравнительно малочисленная народность коньянка. В этом городе при содействии Советского Союза создана животноводческая ферма «Фамойла», где ведется селекционная работа по улучшению местных пород скота, находящегося в частном пользовании. Район Бейлы — крупный поставщик сырья для табачно-сигаретных фабрик.

Самый крупный город Лесной Гвинеи — Нзерекоре, насчитывающий 55 тыс. жителей. Здесь живут представители всех народностей этого края, но преобладают киси и герзе. В Нзерекоре размещается одно из трех в Гвинее католических епископств.

Нзерекоре — крупный промышленный и культурный центр Лесной Гвинеи. В 1965 г. здесь вступил в строй лесопильно-фанерный завод, построенный с помощью СССР. Завод заготавливает 12—13 тыс. куб. м древесины, из которой перерабатывается в пиломатериалы только 7,4 тыс. куб. м. В конце семидесятых годов принят к эксплуатации водопровод, также сооруженный с помощью специалистов из СССР. В городе имеется региональный Музей искусств, организована одна из спортивных лиг страны.

В настоящее время в этой наиболее удаленной части республики продолжают развиваться сельское хозяйство, лесная промышленность, а также расширяется разработка железорудных месторождений Нимба и Симанду. В 1981 г. создано два филиала корпорации США «Юнайтед Стейтс стил». С постройкой трансгвинейской железной дороги Лесная Гвинея будет играть одну из ведущих ролей в развивающейся экономике страны.

Змеиное царство

Где и когда бы ни приходилось рассказывать о работе в гвинейской саванне, обязательно нам задавали вопрос: «А змей там много?» Да, змей много, даже очень. Когда мы собирались в Гвинею, то их втайне опасались, но со временем вполне привыкли к неприятному соседству и научились почти автоматически принимать необходимые меры предосторожности.

Основная угроза в населенном змеями районе — собственная невнимательность. Змея может укусить человека только при чрезвычайных обстоятельствах, когда он по неосторожности наступит на нее или на змееныша.

По свидетельству советских ученых А. Г. Бабаева и Д. Язджумаева (1982), в мире ежегодно регистрируется около 55 тыс. случаев укусов людей ядовитыми змеями, летальный исход составляет при этом 10—25%. Авторы отмечают, что методы, часто применяемые укушенными во избежание тяжелых последствий, в основном малоэффективны, а иногда и усложняют течение болезни. Такими методами считаются наложение жгута выше места укуса, насечки и надрезы кожи, употребление спиртных напитков и даже удаление укушенного змеей пальца. Между тем в различных газетах и журналах время от времени появляются заметки, в том числе известных герпетологов, где описываются случаи, когда они спасались от ядовитых укусов только с помощью острого скальпеля, вырезая кусок мяса с пораженного участка.

Такие разночтения до сих пор свидетельствуют, что единых, научно обоснованных рекомендаций первой помощи при внезапных укусах (а они всегда внезапны), по-видимому, еще не существует. Основной рецепт большинства рекомендаций, в том числе и упомянутых выше авторов,— немедленная транспортировка больного в лечебное учреждение и введение противозмеиной сыворотки — может быть использован только в густонаселенной местности, где змеи обычно не водятся. Для большинства же людей, постоянно подвергающихся возможности укуса ядовитыми пресмыкающимися,— туристов и разного рода изыскателей такой рецепт

малоэффективен. В маршрутах же он и вовсе не применим.

В то же время нельзя сказать, что нас забрасывали в саванну на произвол судьбы, в надежде, что змеиных укусов мы благополучно избежим. Вовсе нет. С нами проводился подробный инструктаж, как накладывать шины, как кипятить шприцы, как и куда вводить противозмеиную сыворотку. Все это было действительно необходимо, особенно для членов наших семей, которые жили на постоянных базах в городах, где змей тоже хватало. Нам же, маршрутным геологам, все подобные инструктажи были бесполезны. Сыворотка сохраняет свои качества только при определенной, довольно низкой температуре и должна храниться в холодильнике, в тепле же она очень быстро разлагается.

Холодильников, естественно, в маршрутах не было. Никаких же рекомендаций для наших условий — что же делать в случае укуса? — мы от врачей не получали, хотя ежегодно перед выездом на полевые работы приходится сдавать правила по технике безопасности, которые по-прежнему предлагают укушенному змеей, не теряя времени, наложить шины и спешить в больницу.

После первых же маршрутов по саванне мы сами выработали два основных правила техники безопасности. Первое — оставлять все противозмеиные сыворотки в холодильниках на базах на случай, если кого-нибудь из присутствующих здесь укусит змея. Второе — соблюдать в маршрутах максимальную предосторожность.

Многие африканские змеи представляют особую опасность для исследователей, в том числе и геологов. Речь идет о представителях так называемых аспидных рептилий, которые большую часть жизни проводят на деревьях. Геологи же в силу профессиональной необходимости, со временем переходящей в привычку, предпочитают смотреть себе под ноги. При этом не исключена возможность, что, пробираясь по саванне во время маршрута, можно задеть ветку со спящей там мамбой (одна из самых ядовитых африканских змей с яркой зеленой или же серой окраской). Она может нанести укус, от которого уже не будет спасения. С этим постоянно приходилось считаться и принимать необходимые меры, отпугивающие пресмыкающихся,— громко разговаривать, постукивать молотком по стволам деревьев, камням, прежде чем на них усесться.

Очень опасны змеи и для коренных жителей Гвинеи. Однажды, подходя к какой-то деревне, услышали гром-

кие стенания и женский плач — оплакивали четырнадцатилетнего подростка, которого укусила зеленая мамба. Мальчик вместе с мужчинами заготавливал дрова и не заметил опасности. Укус пришелся в голову, и смерть наступила почти мгновенно.

В 1967 г. змея неожиданно укусила, также в голову, одного из членов гвинейской буровой бригады. Это произошло под крупным манговым деревом, где отдыхали несколько человек. Не приходя в сознание, пострадавший скончался.

В маршрутах змеи попадались довольно часто, но всегда старались как можно быстрее скрыться. При этом мы заметили, что когда идешь по саванне в кирзовых сапогах (в первые месяцы после сезона дождей, когда еще много высокой зеленой травы), то змей практически не встречаешь. В самые же засушливые месяцы (февраль — апрель), когда жухнет трава и мы переходим на легкие кеды или геологические ботинки, ползучие твари попадались буквально на каждом шагу. Очевидно, это связано с двумя причинами. Во-первых, в густой траве змеи менее заметны, и, во-вторых, более тяжелая поступь в сапогах вызывает колебания почвы, которые, вероятно, ощущаются змеями, и они заблаговременно уползают. Легкая походка в кедах не тревожит пресмыкающихся, и они продолжают спокойно нежиться на солнце.

Расскажем здесь лишь о некоторых наиболее запомнившихся встречах с этими обитателями гвинейской саванны.

В первых же маршрутах нам пришлось вплотную познакомиться с некоторыми представителями богатого змеиного царства. Однажды маршрут пролегал по пересеченной местности к югу от города Киндиа. Вместе с гвинейским рабочим спустились с водораздела в самые верховья сухого распадка, над ложем которого на высоте ниже среднего человеческого роста переплелись ветки кустарников и некрупных деревьев, густо обвитые лианами. Они образовали сплошную зеленую крышу. Двигаться пришлось внутри этой природной галереи вниз по распадку пригнувшись, чтобы не задевать головой колючих веток. Неожиданно рабочий, который шел сзади, что-то тревожно закричал. Мозг, особенно настороженный в первом маршруте, дал мгновенную команду: «Полный назад!» Тело с небывалой прытью подчинилось. Встревоженный рабочий объяснил, что заметил на одной из веток дерева, почти над самой головой «месье инженера», большую змею — «гран серпан». Трудно сейчас сказать, насколько достоверна была эта информация. Возможно, что такое было

на самом деле, а возможно, рабочему показалось. Не исключено также, что он захотел несколько попугать, чтобы привить геологу чувство постоянной опасности в саванне и необходимости соблюдать максимальную осторожность. Во всяком случае, предостережение было вполне своевременным. Впредь кидаться в заросли очертя голову мы воздерживались.

Нельзя не сказать о поразительной способности гвинейцев чувствовать присутствие змей, которых они панически боятся. Когда они видят ядовитое пресмыкающееся, их глаза округляются от страха, кожа приобретает пепельный оттенок. По словам наших рабочих, они слышат — именно слышат — змею по характерному тонкому свисту, который она будто бы издает. Никому из нас ничего подобного слышать не удавалось. Возможно, что те свистящие звуки, которые улавливали чуткие гвинейцы, некоторые виды змей издают хвостом.

Особенно опасная встреча одного из наших товарищей с серой мамбой произошла у водопада Дитин на Фута-Джаллоне. Широкая долина, где протекала река одноименного названия, ниже водопада была своеобразным заповедником с особым парниковым микроклиматом. Защищенная от ветров высокими массивами гор, долина хорошо прогревалась солнцем, и район водопада представлял собой что-то вроде природной бани: падающая с большой высоты вода, разбиваясь о камни, образовывала тучи брызг, которые поднимались в разогретый воздух и тут же испарялись, отчего водопад почти всегда находился в парной дымке. Сюда-то и лежал путь нашего коллеги. Местные жители обходили стороной этот участок, так как знали, что здесь обитает много змей. Знал это и рабочий, который шел тогда в маршруте. Он честно предупредил о грозящей опасности, твердо заявив, что на водопад не пойдет, поскольку вовсе не хочет оставить сиротами своих детишек. Однако такие доводы в геологическом деле не являются уважительными: маршрут должен быть доведен до конца. Поэтому геолог, махнув рукой, в одиночку двинулся к полосе падающей с обрыва воды, резонно решив, что высокие кирзовые сапоги гарантируют ему полную безопасность. Гвинейца же можно было легко понять: на его ногах красовались открытые со всех сторон шлепанцы.

До подножия водопада удалось добраться без приключений. Затем предстоял подъем, который был возможен только вдоль падающих струй, по наваленным сверху глыбам. Камни были влажные, ноги скользили. Осторожно перебираясь с глыбы на глыбу, все внима-

ние геолог затрачивал на то, чтобы сохранить устойчивость. И вдруг совершенно неожиданно, когда он прыгнул на камень, у его ног распрямилась крупная серая змея. Он даже успел запомнить ее чрезвычайно блестящую влажную шкуру, украшенную светлыми кольцами. Голова змеи недвусмысленно покачивалась на уровне бедра, не закрытого голенищем сапога. Инстинкт самосохранения сработал автоматически — мышцы ног напряглись и тут же оттолкнули от злополучного камня. Самое опасное в этом варианте было поломать ноги о неровные многочисленные разбросанные внизу глыбы. Однако обошлось. Ноги остались целы, хотя и покрылись многочисленными синяками, ссадинами и кровоподтеками.

Однажды к нам в город Пита прибыл новый руководитель контракта — «гран-шеф», как называют в Гвинее высокое начальство. После короткого знакомства за обедом и после обязательных вопросов по геологии беседа перешла на змей. Уж таким «почетом и уважением» пользуются они из-за своей исключительной ядовитости и замкнутого образа жизни. Особенно волновался сынишка шефа и требовал все новых и новых рассказов. Он унялся только после того, как мы пообещали показать ему змей воочию, на воле, и не где-нибудь за тридевять земель, а совсем рядом с нашей базой. Действительно, неподалеку от дома на вершине холма, откуда открывался живописнейший вид на раскинувшийся внизу город, в свое время французские геологи вели разведку бокситов. Здесь с того времени остались старые, заброшенные, но незасыпанные горные выработки — шурфы и канавы. Туда часто и забирались змеи, чтобы полакомиться упавшими в ямы лягушками или мышами. К этому месту мы и решили свести наших гостей. Утром двинулись в путь и минут через десять были уже на холме. Многие взялись за фотоаппараты. Вдруг в одном из заросших травой шурфов послышался шорох. Кто-то неосторожно сунул туда палку и быстро отпрянул — молнией, другого слова не подобрать: из ямы метнулась крупная, метра полтора-два, змея и тут же исчезла в соседних зарослях. Все даже не успели испугаться.

Не знаем, все ли змеи одинаково реагируют на шумы автомобильных или электрических двигателей, на запахи технических масел, бензина, разных железных предметов. Про большинство же змей, обитающих в районах городов или поселков Гвинеи, можем с полным основанием сказать, что это их не отпугивает. Не раз приходилось видеть змей у электростанции, где шум и вибрация почвы под ногами были неприятны и нам.

Однажды обнаружили крупную рогатую гадюку под лежащим на земле металлическим щитом. Стоило только его приподнять, как змея моментально улизнула, хотя обнаженные босые ноги гвинейского рабочего были у нее буквально «под носом».

Заползали змеи и в рабочие помещения, в дробилку или же камералку, а то и в склад, где хранились бензин и различные смазочные материалы.

Однажды на базе в поселке Домаканья маленькая рогатая гадюка заползла к единственной среди нас даме — переводчице — прямо под раскладушку. Услышав дикий вопль — дело было к вечеру, и многие находились дома,— все присутствующие бросились на женскую половину. Перепуганная женщина, стоя на раскладушке, выделывала немыслимые па, надрывая при этом голосовые связки, а маленькая змейка беспокойно вертела головкой в разные стороны. После этого случая пришлось замазать в доме многочисленные щели и дыры цементом, чтобы исключить нежелательные визиты пресмыкающихся.

Часто мы выезжали в поле вместе с гвинейскими бригадами шнекового бурения. Внутри шнеки полые. Не ясно, что привлекло к такой железке рогатую гадюку, но она при погрузке оказалась вместе с облюбованным ею шнеком в кузове ГАЗ-66. Во время движения змейка, вероятно от тряски, почувствовала известное неудобство и покинула свое убежище. Мы в этот момент ехали вслед за грузовиком на «джипе» и были чрезвычайно удивлены, что вся бригада вдруг дружно вскочила в кузове и начала неистовую пляску. Когда ГАЗ-66 остановился, выяснилась причина такого неожиданного «веселья», которое на этот раз могло закончиться и трагически, поскольку бедной гадюке некуда было деться. Буровой мастер, единственный, кто был в сапогах, поступил совершенно оправданно, размозжив змее голову.

Из всех советских специалистов, находящихся в Гвинее, на нашей памяти змея ужалила только одного. Пострадавший был укушен в душе общежития, где до него помылось несколько товарищей. Трудно сказать, чем не понравилась гадюке нога именно этого человека. Ему еще относительно повезло, поскольку происшествие произошло в рабочем поселке строителей бокситодобывающего комплекса, где имелись и холодильники, и противозмеиная сыворотка. В саванне такой укус мог кончиться летальным исходом. Здесь же потерпевшему через несколько минут ввели сыворотку и спустя некоторое время доставили в Конакри в советский госпиталь. Там пришлось лечиться около месяца, преж-

де чем он смог, опираясь на палку, наступать на больную ногу.

Приведенные выше размеры ядовитых змей оценивались нами, конечно, приблизительно, на глазок, хотя вряд ли сильно отличались от истины. Точно же замеренный экземпляр достигал 2 м 36 см и был далеко не самым крупным из виденных.

Степень ядовитости змей зависит лишь от их вида и времени укуса. Даже вылупившиеся из яйца змееныши, достигающие не более 15 см, ядовиты не менее взрослой змеи, хотя размер пасти, конечно, ограничивает их возможности. В Гвинее опасны для жизни абсолютно все виды змей, но наибольшую опасность представляют кобры и мамбы, особенно серая разновидность последних, имеющая характерный желтый оттенок хвостовой части тела.

Нередко удавалось наблюдать, как змеи охотятся. Их пищей служат птичьи яйца и сами птицы, лягушки, цикады и даже хамелеоны. Однажды на веранду одной из вилл в городе Пита, где жили советские геологи, заползла крупная рогатая гадюка и, не смущаясь присутствием людей, начала утолять голод многочисленными, привлеченными ярким светом цикадами. Она ретировалась только при свете фар подъехавшего «джипа».

Птичьи гнезда, вернее, их содержимое, пожалуй, самая доступная и лакомая добыча змей. Ловко забираясь на деревья, они заглатывают яйца или еще не оперившихся птенцов. При этом змеи не обращают ни малейшего внимания на летающих и пронзительно орущих рядом родителей.

Как-то для развлечения наших детишек мы обзавелись хамелеоном и устроили ему обширный проволочный вольер с кустом посредине. Сетка была железной и имела сантиметровые отверстия, в которые легко проникали насекомые — кузнечики, богомолы и даже мелкие цикады. Дети, да и взрослые, ловили насекомых и подбрасывали их в вольер. Надо было видеть, как хамелеон охотился на них. Где бы насекомое ни находилось — на полу вольера или на кусте, он вел себя одинаково равнодушно. По крайней мере так казалось со стороны. Завидев жертву, он направлял свои глаза-телескопы на нее и начинал неторопливое продвижение. Снабженные цепкими когтями, его лапы бесшумно перехватывали ветки или ступали по земле. При этом тело хамелеона медленно, как бы завораживая, покачивалось. Он всем своим видом показывал, что его никому не надо опасаться. И вдруг — взрыв! Не доходя 15—20 см до намеченной жертвы, хамелеон пулей

выбрасывал розовый язычок-червячок, и насекомое через долю секунды находилось у него во рту.

И вот этот симпатяга вдруг исчез. Оказалось, что тоненькая змейка проползла в сантиметровое отверстие сетки вольера и сожрала нашего любимца. Однако, не переварив пищу, она уже не смогла тем же путем выбраться наружу. Посередине туловища, ближе к шее, у нее было резкое утолщение, не позволившее сразу же покинуть место трапезы.

Змеи — отличные пловцы, но в воде не кусаются. Во всяком случае, ни у кого из нас не возникло желания проверить это утверждение на опыте. Если во время нечастых купаний в озерах или реках приходилось замечать вблизи приплюснутую головку, то мы старались не искушать судьбу и поскорее выбирались на берег.

Как уже отмечалось, местное население также очень боится этих ядовитых пресмыкающихся. Каждый гвинеец не упустит шанса убить змею, так как видит в ней чрезвычайную опасность не только непосредственно для себя, но и для всех соплеменников. Много этих животных гибнет во время ежегодных пожогов саванны. И все же в Гвинее им еще не грозит скорое вымирание, так как ландшафты здесь благоприятны для их обитания и размножения. Сохранению этих рептилий способствует и сравнительно малая плотность населения, а также появление все большего числа государственных заповедников, где особенно строго пресекаются попытки пожогов и уничтожения любых животных. К сожалению, разъяснительная работа среди населения носит в этом отношении зачаточный характер. При этом нельзя не отметить большую научную деятельность Института прикладной биологии и научных исследований, созданного в январе 1966 г. В институте находится Центр по разведению ядовитых змей.

Фаланги и скорпионы

Кроме змей определенную опасность для работающих в саванне людей представляют фаланги и скорпионы. С этими представителями паукообразных довелось встречаться еще в Советском Союзе во время экспедиций в Южный Казахстан и Среднюю Азию, поэтому их повадки и степень опасности были немного известны. О скорпионах имеется много легенд и просто россказней, сильно преувеличивающих их опасность. Одного из нас под городом Таш-Кумыром в Средней Азии ужалил скорпион. Однако, кроме испуга, навеянного больше слухами об ужасных последствиях, да короткой острой боли, перешедшей в длившееся несколько часов недомогание, никаких других симптомов не обнаружилось. Слов нет, и сам укол, и следующее за ним состояние весьма неприятны. Но это вовсе не значит, что следует трястись от страха при виде этих маленьких существ даже после того, как оно нанесло укол. Конечно, не исключены и более тяжелые случаи, но смертельных исходов ожидать нечего, тем более что предупреждение укусов и меры после них элементарно просты и не требуют никаких специальных знаний.

В Гвинее знакомство с этими животными состоялось вторично, без укусов, по крайней мере, для пишущих эти строки.

Особенно много фаланг встречалось в городе Боке и его окрестностях. Здесь всегда очень жарко: район расположен на высоте всего 200—250 м над уровнем моря. Во время поездок в этот город к нашим коллегам мы нередко принимали участие в товарищеских соревнованиях по волейболу. На площадках, где проходили игры, повсюду шныряли быстрые плоские пауки величиной с металлический рубль. Это и были фаланги.

Скорпионы встречаются на Фута-Джаллоне сравнительно редко, но они опаснее фаланг тем, что прячутся в укромных местах, в щелях домов, под камнями. Если не соблюдать осторожность, можно быть ужаленным этими существами, очень похожими по внешнему виду на раков. У них также две пары клешней, но их хвост заостряется к концу, где и расположен жалящий аппарат — слегка изогнутый острый «коготь», переходя-

щий в крайний сегмент хвоста с ядовитой железой. Скорпион при движении всегда держит свой ядовитый хвост изогнутым кверху и все время подрагивает им над собственной головой. Такая поза наиболее удобна, чтобы нанести удар будущей жертве при неожиданной встрече.

Однажды в городе Пита среди бела дня, когда мы сидели за столом на нашей базе, скорпион ужалил бурового мастера. В данном случае укус оказался совершенно случайным. Никто не мог этого предположить, так как за много лет жизни в этом доме ни разу не приходилось видеть ни одного скорпиона. За этим же столом подолгу сиживали женщины и дети, но также ни разу, к счастью, подобных случаев не было. Ужаленный громко ойкнул, заглянул под стол и вдруг заорал во все горло; он увидел там маленького, тщедушного скорпиончика, которого по нечаянности слегка придавил ногой. Один из болгарских докторов, наш хороший знакомый, сделал пострадавшему новокаиновую блокаду вдоль всей ноги, а затем гостеприимно угостил его крепкой сливовицей. Наутро наш друг испытывал только легкое недомогание, а через день уже мог работать.

После этого случая мы перестали надевать детишкам открытую обувь и произвели тщательный осмотр подвалов. И в одном из них, где хранились продукты, мы обнаружили целое гнездо скорпионов, среди которых были экземпляры не более полутора сантиметров.

В Средней Гвинее встречались только желтые или светло-коричневые скорпионы размером не более десяти сантиметров. Они попадались в маршрутах под камнями, но чаще в домах различных поселков, где приходилось устраивать временные жилища. Никаких неприятностей они нам не создавали.

В отличие от змей ядовитость этих членистоногих находится в прямой зависимости от их размеров и времени года. Наиболее опасен укус во время, совпадающее с размножением.

Самые опасные, черные скорпионы, крупные, до двадцати сантиметров, обитают в наиболее жарких районах страны, особенно в пограничных территориях с Гвинеей-Бисау, Мали, а также в Лесной Гвинее.

На границе с Гвинеей-Бисау работала одна из геологических партий, а в городе Нзерекоре — специалисты по водоснабжению и деревообработке. С их слов, скорпионов там не меньше, чем тараканов. Они могут забираться в оставленное на ночь белье, в сапоги, даже в постель. Однако и в этих условиях, соблюдая

необходимую осторожность, люди избегали укусов. Перед сном и тем более утром необходимо было перетряхнуть все белье, заглянуть в ботинки. Эта на первых порах утомительная процедура со временем стала привычной, как умывание и чистка зубов. При укусе скорпиона рекомендуется обильное питье и мочегонные препараты. При наличии врача полезна новокаиновая блокада.

Летающая опасность

В середине декабря (в Средней Гвинее в это время стоит сравнительно прохладная погода и температура редко превышает 30°) гвинейские рабочие и геологи уехали в столицу за продуктами. Чтобы не терять времени, решили выполнять маршруты без рабочих, что вообще-то не очень одобрялось начальством по соображениям техники безопасности.

Мы все уже могли сносно объясняться по-французски, да и документы, разрешающие работы в соответствующих районах, были в полном порядке. Поэтому, прихватив все необходимое: карты, дневники, рюкзак, лотки для промывки шлихов и ножи «куп-куп», отправились по намеченным маршрутам. Одна из пар направилась в долину реки Бамбара, густо заросшую слоновой травой и колючими кустарниками. Предстояло отобрать шлиховые пробы в нескольких притоках реки. Прорубив просеку в высокой траве, вышли к громадной сейбе, росшей на берегу ручья. В одном из ее саблевидных корней зияло крупное дупло. Излишняя любознательность одного из геологов обошлась вскоре довольно дорого. Когда шедший впереди уже обогнул дерево и вышел к ручью, второй неожиданно сунул молоток в дупло и в тот же момент громко завопил: туча пчел мгновенно облепила его. Бежать было практически некуда. Со стороны прорубленной просеки наседали пчелы. Противоположная сторона ручья представляла собой непреодолимую отвесную стену. Вверх по течению также располагалось несколько крутых уступов, ниже — те же уступы, покрытые слизью, заросшие колючим кустарником и лианами. Между тем пчелы набросились на второго геолога, и саванну огласил еще один вопль, не уступающий по силе первому.

Отбиваясь от пчел, оба бросили рюкзаки и сумки, молотки и «куп-купы». А жалящая туча продолжала наседать. Дальше раздумывать было опасно — почти одновременно они прыгнули вниз, рискуя сломать ноги, и, в чем были, погрузились в небольшую, образованную ручьем лужицу. Один лежал лицом вниз, другой — на спине, накрыв лицо мокрым платком. Первого пчелы продолжали атаковать в обнаженный затылок (шапка

вместе с очками были сбиты в первые минуты самообороны), а также в выступающее из воды место, что пониже спины. Второму досталось еще больше, так как непокрытыми оказались часть головы и живот.

Дальнейшее происходило как в дурном сне. Оба вскочили и сломя голову понеслись вниз по ручью. Впрочем, понеслись — это, пожалуй, слишком громко сказано. Приходилось прыгать с уступа на уступ, пробираться сквозь раздирающие одежду и тела колючие кустарники и пролезать между лианами. Пчелы долго не отставали, «не забывая» наносить болезненные «укусы». Однако временны́е понятия тогда были значительно искажены. Казалось, что бежали довольно долго. Когда силы уже почти иссякли, пчелы наконец-то отстали. Пострадавшие смогли перевести дух. Несмотря на трагизм положения, они не могли не расхохотаться, глядя друг на друга, так как, мокрые, грязные, облепленные листьями и колючками, с перекошенными и раздутыми физиономиями, представляли довольно забавное зрелище. Когда вернулись в лагерь, у обоих поднялась температура. Однако через несколько дней боль прошла, температура стала нормальной, и только заметные еще припухлости напоминали о недавнем «сражении».

Однажды дикие пчелы напали на двух геологов, работавших в районе поселка Камамбулу на северо-западе Гвинеи. На этот раз нападение также спровоцировали сами пострадавшие. В выходной день они решили обследовать выходы железных руд, которые здесь известны испокон веков и где предки современных жителей этих мест в самодельных печах выплавляли железо. Уже подходя к намеченному месту, обратили внимание на лежащий прямо на земле, в траве, какой-то непонятный овальный предмет серого цвета. Следуя геологической привычке все неизвестное опробовать молотком, один из геологов так и поступил. В ту же минуту из поврежденного гнезда вылетели сотни пчел и накинулись на обнаженные тела. Виновник происшествия мгновенно развернулся и бросился наутек. Его товарищ, обутый в неудобные для бега «латеритки» (банные шлепанцы), замешкался, и пчелы всю ярость направили на него. Досталось ему изрядно. Кроме многочисленных укусов он, вынужденный на бегу сбросить тормозящие движение шлепанцы, сильно поранил ноги об острые камни.

Впоследствии еще не раз приходилось получать укусы от пчел, причем уже безо всяких поводов с нашей стороны. Об агрессивности, даже особой жестокости африканских пчел, жертвами которых были тысячи

домашних животных, писала в одном из майских номеров за 1984 г. «Неделя».

Когда мы прибыли в город Пита, чтобы начать там работы, то для жилья нам предложили небольшую виллу, принадлежавшую жене губернатора.

В этой вилле долгое время никто не жил. Войдя с ярко освещенной солнцем улицы в темное, с закрытыми окнами помещение, не сразу обратили внимание на противоположный угол холла, который выглядел темнее остальных. Когда немного привыкли к полумраку, этот контраст бросился в глаза. Показалось, что в этом месте протекала крыша и на стенках образовалось темное сырое пятно. Однако, подойдя поближе, поняли, в чем дело, и поспешили ретироваться. Оказалось, что в доме поселилась громадная пчелиная семья. Основная ее часть находилась на чердаке. Поскольку рой увеличивался, насекомые мало-помалу стали проникать через небольшое отверстие в перекрытии в комнату и обживать расположенный под основным ульем угол. Мы были готовы отказаться от любезного приглашения поселиться на вилле, но тут появился наш старый добрый знакомый, болгарский врач-дантист. Он не был профессиональным пчеловодом, но заверил нас, что через пару дней перевезет всех пчел к себе.

В назначенное время доктор прибыл с ведерком древесных углей и небольшими ручными мехами, бесстрашно вошел в дом, подставив лестницу, проник на чердак. Туда же осмелился заглянуть один из наших товарищей. То, что он там увидел, его поразило и заставило тут же пулей вылететь на улицу. Между тем доктор раздул угли. Запахло дымом. Больше всего удивило, что он не надел ни сетки, ни перчаток. За дальнейшим ходом операции проследить не удалось: пришлось по делам срочно выехать в Конакри. Когда же вернулись, то на «пчелиной вилле» не нашли ни одной пчелы. Гордый, хотя и с распухшим лицом, доктор, смотря на мир сквозь тонкую щелку одним глазом (второй заплыл полностью), указал на несколько стоящих у него в огороде новых ульев.

Можно рассказать еще об одном случае, очевидцами которого мы не были, но о котором живописно поведали гвинейские товарищи.

Буровая бригада установила станок на крупной бовали, где предстояла разведка бокситов. Чтобы хоть как-то укрыться от палящего солнца, точку бурения выбрали неподалеку от группы чахлых кустарников. Кто же мог предполагать, что в таком неуютном месте нашла себе жилище пчелиная семья. Растревоженные

гулом станка, пчелы набросились на бригаду. Все кинулись врассыпную. Буровой мастер по имени Самба чуть задержался, чтобы остановить станок. Разгневанные пчелы напали на него. Он до того растерялся, что, пытаясь укрыться от них, натянул на голову первую попавшуюся на глаза вещь — ведро. Но это его не спасло. Напротив, залетевшие туда пчелы продолжали жалить его. Все-таки, выключив станок, Самба, не видя дороги, бросился бежать. На одном из выступов кирасы он споткнулся и растянулся во весь рост. Злополучное ведро от толчка слетело, и искусанный мастер с еще большей прытью последовал за бригадой. Вечером станок пришлось перевезти на другое место.

Неприятный случай приключился еще с одним из наших коллег. Этот инцидент также связан с жалящими насекомыми, но уже не с пчелами, а с более крупными их сородичами, напоминающими шершней. В один из выходных дней поехали отдохнуть на пляж небольшого озерца. Там искупались, позагорали, даже удалось порыбачить. На память о живописном месте захотели сфотографироваться. Из воды выступала двурогая коряга, на которую и постарались взгромоздиться. Однако не успели двое первых, самых легковесных наших коллег устроиться на краю коряги, как послышалось густое, угрожающее гудение. Обе жертвы недавнего пчелиного налета в мгновение ока очутились на асфальте у поджидающих машин. На берегу же события развивались своим чередом. Живущие в небольшом незаметном дупле коряги насекомые, как уже говорилось, похожие на шершней, только несколько крупнее, длиной приблизительно с мужской мизинец, успели ужалить двоих, наиболее медлительных из нашей компании.

На следующий день к вечеру внезапно заболел один из наших товарищей. Болезнь была необычная. Он весь покрылся красными пятнами и ощущал непреодолимый зуд. Врача не было. На всякий случай протерли заболевшего борной кислотой, а затем намазали еще какой-то подвернувшейся под руку мазью. К утру все признаки заболевания исчезли, что мы приписали вовремя принятым радикальным мерам. Однако к вечеру все повторилось вновь. Аналогичные процедуры на этот раз не принесли желаемого эффекта. Напротив, утром больному стало хуже: вспухли лимфатические железы и он начал задыхаться. К тому же отекло и как-то неопределенно деформировалось лицо. Не мешкая больше, заправили «джип» и поехали в город Киндиа, где в то время работал болгарский врач — женщина. Через два часа были у нее.

Между тем за время езды лицо нашего больного приняло почти нормальные очертания, хотя он и продолжал чувствовать общее недомогание. С первых же слов доктор перебила наши взволнованные и сбивчивые объяснения вопросом, обращенным к больному: «Простите, Вас за последние дни никто не кусал?» И только тут все вспомнили, что именно он был одним из ужаленных на пляже. Доктор быстро успокоила нас, объяснив, что это аллергия на укус и что надо в течение пяти дней делать уколы специального лекарства. Через несколько дней «больной» был совершенно здоров.

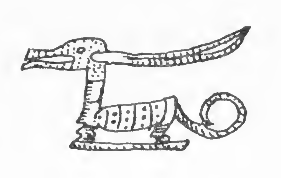
Из жалящих насекомых особенно дурной славой пользуется муха цеце — переносчик сонной болезни. Цеце досаждали нам в короткие полтора-два месяца самого разгара сухого сезона. Укус этой мухи да и весь ее внешний вид сродни укусу и виду нашего слепня.

Больше всего, пожалуй, раздражали мелкие мушки, размером немного превосходящие наш северный гнус. Их особенно много в разгар сухого сезона в низинных местах Фута-Джаллона. Полог, который ночью предохраняет от комаров, им не помеха: они без особого труда проникают в его мелкие отверстия. К счастью, эти мушки не кусаются, досаждая лишь тем, что лезут в уши, в глаза, в нос — в общем, всюду, где есть обнаженная часть тела.

В заключение несколько слов о комарах. Здесь их сравнительно немного, а в горных районах Гвинеи и того меньше. Однако они являются переносчиками очень распространенной здесь малярии. Почти все, кто побывал в Гвинейской Республике, заболевали этой болезнью, несмотря на профилактические меры — ночевки под пологом и прием каждую неделю специального препарата — делагила. Делагил не исключает возможности заболевания, но снижает его остроту.

Малярия — очень неприятная болезнь. Во время приступа, даже в самое жаркое время, больного трясет от озноба. Ему не удается согреться ни горячим чаем, ни под кучей теплых одеял. Он лишается аппетита, сильно теряет в весе. Нередко приступы сопровождаются головной болью, головокружением и рвотой. Коварство болезни заключается еще и в том, что больной, совершенно поправившись, может даже без повторного комариного укуса, заболеть вновь.

Как и в прочих опасных ситуациях, основным способом борьбы с малярией является ее профилактика. Укусы комаров случаются в подавляющем большинстве ночью, во время сна. Поэтому перед сном необходимо тщательно обследовать полог, зашить в нем повреждения, уничтожить пробравшихся насекомых.

Великие труженики

Среди всего многообразия животного мира нашей планеты вряд ли можно сыскать бóльших тружеников, чем муравьи и близкие их родственники — термиты.

Муравьями никого не удивишь. Все их видели и знают. Кто в Советском Союзе, идя на охоту или по грибы, не встречал этих суетливых насекомых, которые, казалось бы, никогда не отдыхают.

В Гвинее поражает прежде всего видовое разнообразие муравьев, не говоря уже об их количественном изобилии. Здесь встречаются мелкие, в несколько миллиметров, «квартирные» особи и больно кусающиеся «гиганты» величиной до трех сантиметров. Есть и много других их сородичей разных размеров. И вот что еще удивило: в Гвинее не удалось встретить ни одного муравейника того же типа, какие обычны для нашей страны. Почти вся жизнь большинства этих насекомых проходит под землей или на деревьях.

До работы в саванне мы не испытывали от муравьев каких-либо особых неудобств. Здесь же они часто нам досаждали, и не только в маршрутах, но особенно в жилищах, будь то в городах или поселках. В городах мелкими представителями этих насекомых буквально кишат все дома. Не будучи энтомологами и поэтому не зная систематики многочисленной армии муравьев, мы бы назвали их «квартирными», или «пищевыми». Действительно, они питаются в основном пищевыми отходами, выполняя целый ряд санитарных функций. В то же время те же муравьишки переносят на лапках различные бактерии и могут быть разносчиками заболеваний. Лучшее средство борьбы с такой опасностью — не держать открытыми продукты питания и подальше от жилища убирать пищевые отходы.

«Квартирные» муравьи в Гвинее поедают не только остатки пищи, но и многочисленных погибших насекомых — цикад, кузнечиков, богомолов и особенно термитов. После первых же дождей во время брачного периода термиты вылетают из подземных квартир и тучами устремляются по вечерам к осветительным приборам. При этом насекомые сбрасывают свои ажурные крылышки и гибнут тысячами. За ночь трудолюбивые «санитары» убирают все до последнего крылышка,

так что не было необходимости сметать погибших насекомых — утром все полы были чистыми.

Как-то мы работали в одном из южных районов Средней Гвинеи, неподалеку от границы с Сьерра-Леоне. Это были преимущественно низинные и поэтому особенно жаркие районы. Стоял самый разгар сухого сезона. Жить пришлось в комфортабельном вагончике. Чтобы уберечься от палящего солнца, нагревающего крышу нашего жилища, поставили вагончик в тени крупного мангового дерева.

Местность в районе работ была малярийной. Поэтому спали под пологами. Находясь в таких условиях, мы быстрее уставали в маршрутах, часто не высыпались и утром нередко чувствовали себя совершенно разбитыми и раздраженными.

Ко всем неприятным факторам внезапно прибавился еще один. Через два-три дня после нашего вселения появились полчища некрупных муравьев, которые кишели в одежде, проникали в отверстия пологов и ночью постоянно досаждали своим присутствием, хотя и не кусались. К тому же эти насекомые очень пахли клопами. Утром после пробуждения вместо утренней свежести мы задыхались от ядовитой вони раздавленных за ночь насекомых. Никаких репеллентов у нас не было. Поэтому поначалу был выбран самый простой способ борьбы с наседавшими — их физическое уничтожение. Иными словами, мы сотнями давили неожиданных пришельцев каждый вечер, так что проблема досуга была решена. Только, к великому огорчению, каждое утро количество муравьев не уменьшалось, а казалось, даже увеличивалось. Наконец догадались пресечь тропы «войны» — только по ним в вагончик могли проникать насекомые. Для этого самым тщательным образом осмотрели жилище снаружи. Нигде не обнаружили ни одного муравьишки. Не встречалось их и в земле непосредственно под самим домиком. Тогда самый сообразительный из нас задрал голову и торжествующе указал на крупную ветку манго, нависающую над крышей вагона. Дорога, казалось, была найдена. Несмотря на то что мы лишались куска тени, спилили ветку, произвели очередную вечернюю экзекуцию, хорошо проветрили помещение и с чувством выполненного долга крепко уснули. Каково же было удивление, когда наутро тысячи насекомых вновь деловито сновали по всему жилищу.

Тогда мы решили прибегнуть к химическим препаратам. Их набор ограничивался на лагере бензином, керосином да техническими маслами. Мы ими промазали все щели в домике, от чего запах в нашей квартире

стал не хуже, чем в слесарной мастерской. Однако и эти меры не помогли. Как только помещение немного проветривалось, в вагончике вновь появлялись настырные насекомые. Откуда они брались, оставалось неясным. Помог случай. Перед самым входом в наш дом висела лампа, которая вдруг перегорела. Кто-то полез заменить ее и неожиданно разразился воплем: «Нашел!!!»

Оказалось, что по электрическому кабелю, протянутому на крышу вагона, и пролегала та тропа, которую мы тщетно искали. По ней ровным, аккуратным строем шли тысячи муравьев. Это движение не прекращалось ни на секунду. Чем привлекало их наше жилище, так и осталось неясным. Чтобы пресечь доступ в вагончик, мы густо обмазали кабель в нескольких местах солидолом — это помогло. Попавшие в жирную массу насекомые вязли в ней, как в трясине; задние напирали на передних и падали на землю. Нашествие прекратилось, но... совсем ненадолго. Через несколько дней все началось сначала. Солидол на солнце быстро засох и перестал быть препятствием. Пришлось израсходовать немало солидола, регулярно нанося его новые и новые порции. И все же, когда удалось закончить работы и перебраться в другой район, все вздохнули с облегчением. В дальнейшем подобного нашествия насекомых не случалось.

Два раза в год мы могли наблюдать великое переселение муравьев — во время сезона дождей на высокие места, а во время сухого сезона обратно — вниз, к рекам. Зрелище впечатляющее! В течение нескольких дней сплошным потоком шириной до десяти сантиметров двигались миллиарды насекомых. Нередко этот живой поток захватывал и часть наших домов. Тогда приходилось вступать в бой — поливать муравьев бензином или соляркой, а иногда с соблюдением необходимых мер предосторожности поджигать. Только в этом случае упорные полчища прокладывали себе другой путь.

Интересно наблюдать муравьев во время сезонных переселений. Тропа, по которой текла эта живая река и которая могла достигать нескольких сот метров, была вымощена мелким песком, чтобы кто-нибудь из тащивших личинку не «споткнулся» посередине и не обронил драгоценную ношу. По бокам тропы, сцепившись лапками, стояли крупные черного цвета муравьи, «вооруженные» мощными челюстями. Такие же муравьи прикрывали путь сверху, нависая над тропой. Они опирались на стоящих по бокам, а также поддерживали друг друга. А внутри этого коридора взад-вперед

сновали мелкие «рабочие» муравьишки. В одном направлении шли особи, тащившие яйца, в другом — свободные от нош, спешившие, вероятно, за очередной порцией. Стоило потревожить веточкой живой поток, как соседние сторожевые муравьи моментально приходили в неописуемое беспокойство, разбегались в разные стороны, всем своим грозным видом давая недвусмысленно понять, что готовы дать отпор любому, кто встанет на их пути. Кусались они пребольно, вгрызаясь как будто всем своим телом. Рабочие же муравьи ни на секунду при этом не прерывали работу. Через несколько мгновений спокойствие на тропе восстанавливалось, и «стражники» вновь занимали свои почетные места.

Однажды кто-то положил прямо на тропу небольшой камешек. Тут же со всех сторон он был облеплен «сторожами». Быстро, но тщательно обследовав его со всех сторон, муравьи принялись за тяжелую работу. Глазом невозможно было уловить движения камешка, но через несколько минут он был выдворен за пределы проложенной тропы, и движение восстановилось по прежнему маршруту с той же энергией. Тогда положили камень покрупнее. Повторилась сначала та же процедура. Однако на этот раз препятствие оказалось неподъемным. Быстро «сообразив» это, «сторожа» принялись сооружа́ть подкоп под преграду. В это время рабочие особи направились в обход препятствия. Когда туннель был готов, движение опять вернулось в прежнее русло.

В один из сезонов удалось наблюдать, как муравьям при переселении пришлось преодолевать часть пути по проезжей грунтовой дороге. Машины, часто двигавшиеся по ней, наносили насекомым значительный урон. Они тут же убирали раздавленных сородичей, возобновляли движение, но вскоре все же его прекратили. Однако через несколько часов можно было видеть, как животные двигались под полотном дороги, соорудив под ней туннель и усилив его перекрытие какой-то цементирующей массой, выделяемой, очевидно, специальными железками.

Однажды целый отряд муравьев шествовал прямо по дороге. Он был небольшой — шириной около полуметра и в длину всего несколько метров. Создавалось впечатление, что это авангард, разведывающий местность. Движение соблюдалось в особом и строгом порядке. Обычной суетливости не замечалось. Личинок при них не было. Строй состоял только из боевых, или сторожевых, муравьев. Ползущие впереди особи все время сновали взад-вперед, перемещаясь с большей скоростью, чем следующие за ними. Эти последние

двигались сплошным сомкнутым строем и в том направлении, которое выбирали впереди идущие. Скоро, впрочем, весь отряд свернул с дороги в траву и вскоре скрылся из глаз.

Как-то в маршруте мы подверглись нападению гигантских, рыжего цвета муравьев. Необходимо было подняться по крутому, сильно заросшему колючим кустарником склону долины реки Санты. На стометровый подъем затратили более трех часов. Каждый метр пути давался с боем. При помощи «куп-купов» прорубали в непроходимой чаще узкие лазы, сквозь которые ужами пробирались и сами. И вот, когда впереди оставался последний, самый крутой уступ, высотой в три с половиной — четыре метра, на нас напали насекомые. Хотя муравьев было не очень много, но кусались они очень больно. Рискуя сорваться с обрыва, мы, как могли, отбивались от них, ухитряясь в то же время продвигаться наверх. Едва выбрались на террасу, как сорвали одежду, с остервенением давя на себе ненавистных насекомых.

Из-за великолепного обоняния муравьев и собственного ротозейства мы нередко оставались без завтрака. Иногда вечером, придя в деревеньку, устраивались на ночлег. Утомленные жарой и маршрутом, хотели только пить. Поэтому открытые было консервы кое-как заворачивали в бумагу и засовывали в рюкзак до утра. Утром же находили там либо вычищенные до блеска банки, либо завязшие в сгущенном молоке или рыбных консервах полчища насекомых. И в том и в другом случае приходилось отправляться в путь голодными.

В отличие от незаметных муравьиных нор жилища термитов хорошо видны, встречаются часто и бывают двух типов. На плоских ровных бовалях термитники похожи на гигантские грибы. Они имеют крупнопористую ножку с такой же пористой шляпкой. Эти выступающие наружу части термитников выполняют, вероятно, роль вентиляционных труб. Они достаточно прочны, сложены крепкой серой массой, устойчивой к колебанию температур и переменной влажности. Основная же часть термитника находится под землей.

Постройки другого типа встречаются в местности с древесной растительностью и с развитым почвенным покровом. Это высокие, до нескольких метров, конусовидные, более рыхлые образования, сложенные частичками песка, скрепленного цементирующим веществом. Подобные постройки использовались предками современных гвинейцев в качестве печей для выплавки железной руды. Об этом свидетельствуют оплавленные обломки бывших термитников с остатками шлаков.

В брачный период, в начале мая, термиты выбираются на поверхность и массами гибнут. Их тельца размером до полутора сантиметров гвинейцы собирают и после обжаривания употребляют в пищу. С виду эти насекомые похожи на небольших червячков, их членистые тела у непривычного к этому блюду европейца не вызывают аппетита. У гвинейцев же они считаются деликатесом, весьма, по их мнению, полезным для желудка. Термиты в приготовленном виде продаются на рынках и с первого взгляда похожи на семечки. Те, кто отважился отведать местное лакомство, отзывались о нем весьма положительно. Подавляющее же большинство предпочитало отказываться от соблазна попробовать этот своеобразный гвинейский деликатес.

Термиты чрезвычайно прожорливы. Нам представляется, что нет такого вещества на земле, которое не годилось бы в пищу этим насекомым. Они пожирали картон, древесину (но не живые деревья) и даже объели толстую резиновую оплетку электрических проводов в дробильной мастерской, отчего там произошло короткое замыкание, и пожара удалось избежать только чудом.

Муравьи и термиты совершают колоссальную почвообразовательную работу. Они способствуют разрыхлению почвы, делают ее более проницаемой для дождей и в этом смысле являются активным биологическим фактором, очень важным и в геологических процессах. В частности, в Гвинее они способствуют активной циркуляции почвенных вод и формированию залежей бокситов.

Пращуры Homo sapiens

Каждый, кто бывал в зоопарке, знает, что и детей и взрослых здесь больше всего привлекают обезьяны. Можно часами стоять у их вольеров и наблюдать за проказами, ссорами, восхищаться ловкостью, удивляться кажущейся беззаботности этих животных.

В тех районах Гвинеи, где довелось работать, обезьян очень много, несмотря на то что местные жители при всяком удобном случае их уничтожают, так как они опустошают рисовые поля, банановые и другие плантации. Мы встречались с несколькими видами обезьян, обитающими в разных ландшафтах. В сильно заросших долинах крупных рек преобладают зеленые мартышки, цвет которых вполне гармонирует с окружающей растительностью. Это сравнительно некрупные, в полметра высотой и не более метра в длину, существа, которые большую часть времени проводят на деревьях. Они обладают поразительной ловкостью. Когда мартышки прыгают по макушкам деревьев, то просто не верится, что у них нет крыльев. Они совершенно неожиданно могут вдруг повиснуть на какой-либо ветке, зацепившись за нее любой из четырех конечностей или же хвостом. Обычно это происходит, когда есть необходимость и возможность что-нибудь сунуть в рот.

В местности с редкой растительностью, где имеются крупные бовальные пространства, покрытые кирасой разных оттенков красного цвета, чаще можно встретить рыжих мартышек. Гвинейцы называют их «сенж руж» — «красные обезьяны». Они значительно крупнее своих сородичей (зеленых мартышек), достигая в холке чуть ли не одного метра. Их конечности также заметно длиннее. Этих обезьян редко можно встретить на деревьях. Обычно они обитают в редких кустарниках на бовалях. Рыжие мартышки — отменные бегуны. Это качество позволяет им совершать стремительные набеги на поля местных землевладельцев и так же быстро исчезать. Их особенно недолюбливают гвинейцы.

В районах с сильно пересеченной местностью, сложенной скальными породами, царствуют бабуины. По существующей систематике они относятся к павианам. Гвинейцы же называют их еще «собакоголовыми обезьянами» — по сходству их морды с собачьей. Если

мартышки издают резкие гортанные крики, иногда вопли, то звуки, издаваемые бабуинами, очень похожи на собачий лай.

Все три вида обезьян живут группами. У мартышек они состоят из 5—16 особей. Наиболее многочисленны группы бабуинов, которых насчитывается в стаде до ста и более голов. Внешне они очень агрессивны — щерят клыкастые пасти, делают угрожающие движения — резко дергают плечами вверх-вниз, одновременно приседая на задних лапах, как будто перед прыжком, при этом не перестают «лаять» или рычать. Однако, несмотря на кажущуюся свирепость и внушительный внешний вид, особенно у самых крупных обезьян, которые являются вожаками, они всегда избегают встречи с человеком, быстро скрываясь в густой растительности или же в скалах.

Поначалу мы всего этого не знали. Поэтому когда в первых маршрутах встречали группы обезьян, то вели себя достаточно робко. Вспоминается одна из таких неожиданностей, случившаяся к югу от города Киндиа. Во время маршрута сравнительно неподалеку от нас вдруг раздались какие-то лающие звуки. Деревень поблизости не было, поэтому мы недоумевали, откуда взялись собаки. Лай раздавался со склона крупного лога, от которого до нас было не более 300 м. Достали бинокль, но в него видели только высокую густую траву, в которой мелькали коричневато-бурые существа. Их самих видно не было. Спросили рабочего. «Бабу»,— только и ответил он. Так все гвинейцы называют бабуинов. Судя по тому, что трава шевелилась по всему склону, как живая, обезьян было очень много. Дальнейший маршрут как раз пролегал в их сторону. Однако встреча нос к носу с такой незнакомой оравой диких животных казалась нежелательной и опасной. По мере приближения к обезьянам их «лай» становился все более угрожающим. Вскоре мы различали уже коричневые морды, действительно чем-то напоминающие собачьи. Решили перевести дух. К счастью, на склоне оказалось небольшое обнажение, которое необходимо было осмотреть, описать и нанести на карту. Стук молотков еще больше разъярил животных. Однако мало-помалу их «лай» стал затихать, а вскоре и совсем прекратился: они перешли в другое место, в сторону от нашего движения.

Впоследствии такие встречи стали обычными. Казалось, что не только мы, но и обезьяны привыкли к нашему соседству. И все же они всегда предпочитали уходить с нашей дороги, огрызаясь, очевидно, больше по привычке, чем из какого-либо недоброго чувства.

Исключением был, пожалуй, только один случай. Крупное стадо бабуинов пересекало узкую дорогу. Быстро бегая, эти обезьяны почти всегда успевают заблаговременно убраться, даже если на них движется автомашина. Они непременно должны пересечь перед ней дорогу, хотя разумнее было бы переждать, когда проедет автомашина. На этот раз самки с детенышами, которые сидят у них на спине или же, вцепившись, висят на животе, очевидно, замешкались. И хотя человек был всего в нескольких шагах, вожак стада, приподнявшись на задних лапах и ссутулив могучие плечи, весьма недружелюбно глядел на него, не уходя с дороги. Пришлось не искушать судьбу и остановиться. Только когда все стадо пересекло дорогу, вожак, глухо ворча и оборачиваясь, скрылся в зарослях.

Зеленые мартышки, казалось, испытывают к человеку непреодолимое любопытство и часто подолгу движутся параллельным маршрутом, предпочитая для этого ветки и макушки деревьев. Часто они преследовали и нас, издавая очень обидные звуки, похожие на неистовый хохот. По-видимому, им было особенно «смешно», когда нам приходилось пересекать реку вброд. В то время как мы медленно, осторожно ощупывая ногами дно, шли по пояс в воде, мартышки по ветвям легко перескакивали с одного берега на другой с такими пронзительными звуками, что возникало желание запустить в них чем попало. Однако чаще бывало наоборот: вниз летели сучки, плоды деревьев и даже помет, что нас особенно унижало. В этих случаях мы предпочитали делать вид, что все эти безобразные выходки нас ничуть не трогают и что на них мы не обращаем ни малейшего внимания.

Зеленые мартышки нередко досаждали и тем, что делали опустошительные набеги на наши маленькие плантации, где выращивались огурцы, томаты и прочая зелень, скрашивающие однообразное меню. Зеленые помидоры их не прельщали, но стоило плодам начать желтеть или краснеть, как они сразу же становились легкой добычей проворных воришек.

Зеленые мартышки быстро приручаются. В различных группах советских специалистов жили небольшие обезьянки, с которыми играли детишки. Любимым занятием обезьянок было устроиться на чьей-нибудь волосатой ноге или на плече и с упоением перебирать волосы. С не меньшим энтузиазмом те же процедуры совершают мартышки друг с другом и могут за этим занятием проводить целые часы. Мордашки обезьянок чрезвычайно подвижны, и их гримасы отчетливо передают все гаммы быстро меняющегося настроения.

Кроме того, эмоции выражаются и целым набором разнообразных звуков — от ласкового цоканья до истошного визга.

Иногда приходилось видеть обезьян, а это были рыжие мартышки, во время их «заседаний» — во всяком случае, так это казалось со стороны. Представьте себе большую поляну с высокими пнями, где буквально на каждом из них важно восседало по обезьяне. Спустив вдоль пня длинный хвост, в собачьей позе, они внимательно разглядывали друг друга и окружающих, обмениваясь время от времени какими-то звуками.

Самыми неприятными, возможно, и реально опасными были редкие встречи с шимпанзе. Эти крупные человекообразные обезьяны живут семьями, также предпочитая находиться на деревьях. Гвинейские коллеги предупреждали об опасности встреч с семьями шимпанзе, особенно если там имеются детеныши. Рассказывали, что были случаи, когда шимпанзе нападали и на человека.

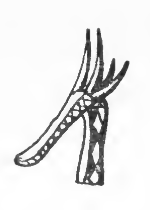
Одна из встреч с шимпанзе произошла в районе города Киндиа. К тому времени чувство опасности при виде обезьян у нас существенно притупилось. Заметили обезьян метрах в ста от тропы на высоком ветвистом дереве. На нас в этом случае они не обратили никакого внимания, хотя мы довольно долго стояли на тропе, наблюдая за животными в бинокль.

В другой раз увидели семью шимпанзе из окна автомашины. Дерево, на котором они расположились, находилось метрах в пятидесяти. Пока все были в машине, обезьяны не проявляли беспокойства. Но стоило остановиться и достать фотоаппараты, как они заметно занервничали. Когда же совершенно неожиданно один из молодых рабочих запустил в сторону дерева небольшой камень, который, конечно, не мог принести шимпанзе никакого вреда, тут началось невообразимое. Раздался настоящий рев. Самец обхватил ствол дерева и стал яростно его раскачивать, не переставая громко браниться. Не отставала от него и супруга. Только малыши не принимали участия в этой суматохе.

Еще одна встреча произошла в конце трехдневного маршрута, когда мы, совершенно обессиленные, приближались к поселку, где должна была ждать автомашина. Время клонилось к вечеру. Яркое красное солнце било прямо в глаза. Вдруг из-за поворота дороги, метрах в сорока от нас, появилась громадная черная фигура. Дорога в этом месте поднималась вверх. Поэтому, возможно, фигура и показалась больше, чем была на самом деле. К тому же видеть ее пришлось против солнца. Пока мы сообразили, что это не

человек, существо не торопясь свернуло с дороги и так же медленно направилось в заросли. Походка была несколько странной. Животное то выпрямлялось во весь рост, то ковыляло на четвереньках. В бинокль удалось рассмотреть, что это был крупный экземпляр, по-видимому, самец шимпанзе. Этот случай еще раз убедил, что почти все животные, если только не вынуждены защищать свою жизнь, предпочитают уклоняться от встречи с человеком.

В уже упоминавшемся Институте прикладной биологии в Киндиа имеется специальный питомник, где разводят обезьян и ставят на них научные опыты. Здесь же имеется и отделение по производству вакцин.

Кандидаты в Красную книгу

Выезжая в Африку, мы были уверены, что кроме интересной работы увидим обилие разнообразных крупных диких животных, о которых столько слышали, читали, которых видели в кинофильмах и зоопарках. Нельзя сказать, что мы горели желанием трудиться среди львов и леопардов, слонов и бегемотов. Такие картины интереснее смотреть в кино. К тому же знали, что диких крупных кошачьих в Гвинее практически нет. Львы, некогда довольно многочисленные, полностью истреблены, хотя на севере иногда и появляются, заходя с территории Сенегала. Лишь когда пришлось работать в одном из самых необжитых северных районов страны, ночью слышали доносившееся издалека рычание. По словам гвинейских инженеров, это был лев. В том же районе встретили и крупную черную пантеру. Она быстро, как черная молния, метнулась через дорогу недалеко от машины и тут же исчезла в зарослях. Одним словом, крупных животных-хищников опасаться не приходилось. Чтобы любоваться ими в природе, следовало отправляться в Кению. Но мы готовили себя не к участию в сафари, поэтому не очень расстроились, что не смогли увидеть многих представителей африканской фауны. Но некоторых из них повидать было бы интересно, хотя мы втайне и опасались близкого с ними контакта. Мы знали также, что в Гвинее всегда было много слонов, в долинах крупных рек водились бегемоты, ну а крокодилы-то должны были встречаться практически в каждой речушке, не говоря про антилоп, которые в нашем воображении прыгали по саванне, как зайцы.

Действительность несколько опровергла наши ожидания. Нет, читатель, мы не были столь наивны, чтобы действительно так считать, как сказано выше. Просто очень хотелось, чтобы хоть в Африке так было, вернее, так осталось, как закрепилось в нашей детской памяти много лет тому назад. Но то, с чем мы столкнулись, превзошло все наши самые пессимистические представления. За все время пребывания (имеется в виду весь период работы советских геологов в Гвинее) на территории в 8,5 тыс. кв. км только однажды удалось увидеть слона, семью бегемотов и несколько крокодилов.

О том, что раньше слонов было много, свидетельствует символика Гвинейской Республики. Даже денежные знаки, имеющие хождение после реформы 1972 г., также названы в честь этого национального символа — сили (слон).

По-видимому, сравнительно недавно слоны действительно были многочисленны на многих, особенно низинных территориях страны. Об этом свидетельствуют рассказы наиболее «пожилых» рабочих, которым едва за сорок.

В первые годы пребывания в Гвинее с одним из слонов можно было познакомиться в ботаническом саду, где он спокойно разгуливал между деревьями. В настоящее время на редких магистральных шоссе сохранились знаки «Осторожно — слоны!». Они выполнены в стиле наших обозначений из «Правил уличного движения» типа «Животные на дороге» в двух вариантах. На одном изображена голова слона, а на другом — слониха со слоненком.

В сухой сезон 1972—1973 гг. пришлось работать в малонаселенном районе к востоку от города Киндиа и к югу от Маму в бассейне реки Лоло. Этот район пришлось картировать пятидневными маршрутами. Это была широкая низменность долины реки и ее многочисленных притоков. Кругом, сколько хватало глаз, были сплошные заросли слоновой травы да редкие деревья. Междуречья слагались невысокими, но крутыми скалами, состоящими из долеритов и гранитов. Приходилось ночевать либо в удаленных от линии маршрутов деревнях, для чего надо было ежедневно проходить лишних 20—30 км «впустую», т. е. без геологических наблюдений, либо прямо в саванне. В течение пяти дней пришлось комбинировать оба способа. Уже на третий день среди «слоновки» стали попадаться тропы, проложенные какими-то крупными животными (вероятно, здесь, в удаленных от человеческих жилищ местах, до сих пор сохранилось несколько десятков слонов). И вот одна из маршрутных троек почти к исходу дня увидела вдалеке глыбу, которая была похожа на выходы долерита и у которой можно было заночевать. Когда к ней приблизились, то почудилось, будто «долерит» зашевелился, но это приняли за оптический обман наступающих сумерек. Однако гвинейцы заметно насторожились. Когда же в нескольких десятках метров отчетливо увидели, как «долерит» захлопал ушами, мгновенно пришло прозрение, и ноги приобрели, несмотря на усталость, неожиданную прыть.

Семью бегемотов, состоящую из родителей и двух «малышей», мы постоянно видели в нескольких сотнях

метров от паромной переправы через реку Какриму, одну из самых полноводных гвинейских рек. Животные, несмотря на шум двигателя на пароме, вели себя вполне пристойно. Они питались прибрежной и речной травой, купались, не обращая внимания на людей.

Бегемоты, как и слоны, в настоящее время взяты под охрану государства. Отстрел их запрещен, чем и вызвано, вероятно, спокойствие этих животных. По словам коллег, работавших в этом районе, бегемоты иногда подплывали к самой переправе. Тогда купающиеся здесь гвинейские ребятишки, да и наши геологи, предпочитали выходить на берег и наблюдать за этими исполинами издалека.

Как и слоны, бегемоты были в Гвинее достаточно многочисленны еще четверть века назад, но из-за вкусного мяса и прочной шкуры почти уничтожены, хотя отстрел их производился только по лицензиям. Крокодилов судьба тоже не пощадила. Так ни одного дикого живого крокодила мы и не встретили, хотя работы производились в долинах многих крупных рек со спокойным течением — вполне благоприятных местах для обитания этих пресмыкающихся, одних из самых древних животных на Земле.

Некоторым представителям парнокопытных в Гвинее также не повезло. Антилопы и олени интенсивно истребляются до сих пор. Их нежное мясо необычайно вкусно, что привлекает многих охотников. Этих животных спасает еще только то, что настоящие охотничьи ружья или карабины здесь очень редки. Самодельные же ружья, сделанные из труб, примитивны и малопригодны для охоты на мелких и быстрых животных.

В целом же можно сказать, что в Гвинее происходит постепенное истощение неповторимого животного мира, особенно тех его представителей, которые годятся в пищу человеку или могут использоваться для изготовления различных безделушек. Подтверждением этому служит то, что крупные и мясистые дикие свиньи — кабаны встречаются здесь в изобилии повсюду. По мусульманским обычаям, мясо всех свиней считается непригодным в пищу. Особенно много этих животных в низинных заболоченных долинах крупных рек. Толстая кожа, покрытая прочной щетиной, защищает тело кабанов от острых шипов и сучьев. Разрывая мягкую заболоченную почву рылом, они поедают корневища и клубни, червей и личинок. Живут кабаны небольшими стадами, состоящими из двух-трех семей. На время появления потомства семьи разделяются. Когда же маленькие полосатые поросята подрастают, они вновь сбиваются в стадо.

На высоких бовалях встречается другой вид кабана. Здесь, как и у мартышек, отмечается мимикрия в окраске шкур этих животных. Обитатели бовалей имеют рыжий цвет, а болотные жители — грязновато-серый или почти черный. Рыжих диких свиней местные жители иногда едят. Темноокрашенных же кабанов отстреливают только в том случае, когда их поголовье резко увеличивается и они наносят значительный ущерб посевам.

Еще один вид диких свиней — бородавочники. Они очень похожи на болотных кабанов, но отличаются более уродливой, какой-то изломанной линией морды и такими же уродливыми клыками. Обитают они также в основном в болотистых местах.

Кабаны очень близоруки, но, учуяв человека, стараются поскорее скрыться. Если же ветер не в их сторону, то животные подпускают к себе совсем близко, буквально на несколько метров. А однажды семья кабанов повела себя совсем странно. Это случилось на асфальтовом шоссе Гавал — Боке. Неподалеку от движущегося ГАЗ-69 из зарослей неожиданно выскочили здоровенный кабан и самка с пятью детенышами. «Газик» стал тормозить, чтобы не задавить животных. И вдруг самец, пригнув голову, резко кинулся на машину. Опытному шоферу едва удалось увернуться от удара клыков, иначе кабану пришлось бы плохо, а ГАЗ-69 наверняка лишился бы фары, а возможно, и радиатора. Промахнувшись, кабан на мгновение остановился как вкопанный, затем со всех ног бросился догонять семейство.

Домашние животные, птицы

Как уже говорилось, фула испокон веков являются скотоводами. До настоящего времени основным занятием сельских жителей здесь является разведение мелкого и крупного рогатого скота. Дело это нелегкое в местных условиях. Основная сложность заключается в отсутствии достаточной кормовой базы. Поэтому в поисках пастбищ приходится вести полукочевой образ жизни. Каждый раз пастухи-скотоводы вынуждены строить временные жилища. Такие места выпаса скота называются «трупо» — стадо. В сезон дождей зеленой массы вполне хватает для прокормки скота, а в сухой сезон он голодает. Коровы, которые бродили вокруг наших домов, поедали буквально все — обрывки бумаги, отбросы, картонные ящики, а если зазеваешься, то и развешенное для сушки белье. Они запросто могли сжевать даже брезентовую геологическую робу.

Силосование и заготовка кормов в Гвинее не практикуются. Поэтому домашние животные низкорослы, худосочны и дают полтора литра молока в день. Во многих случаях коров вовсе не раздаивают и разводят только на мясо. Средний вес взрослых животных составляет всего 140—160 кг.

В семидесятых годах гвинейское правительство, понимая всю важность развития скотоводства, встало на путь создания централизованных животноводческих ферм. Дело это было новое. Поэтому для организации таких ферм и подготовки национальных кадров животноводов обратились к иностранным специалистам, в том числе и из Советского Союза. При их содействии построены фермы «Дитин» близ города Далаба и «Фамойла» (район Бейла на севере Лесной Гвинеи).

Нам пришлось проводить работы в районе «Дитина», где работали советские животноводы. Здесь проводятся заготовка кормов, селекция коров отечественных пород и целый комплекс других мероприятий. Начиная с 1958 г. поголовье крупного рогатого скота неуклонно повышается. Так, в 1958 г. оно составляло 1 297 тыс. голов, в 1973 г.— 1 870 тыс., в 1975 г.— 1 930 тыс., в 1976 г.— 1 980 тыс., в 1980 г.— 2 млн. В середине восьмидесятых годов поголовье стабилизировалось.

Кроме крупного рогатого скота, который разводит-

ся преимущественно в Средней Гвинее, во всех районах республики крестьяне содержат мелкий рогатый скот и домашнюю птицу. Так, к 1976 г. в ведении частных хозяйств находилось (в тысячах голов): овец — 575 и коз — 590. В 1980 г. их общее поголовье увеличилось до 2 005 тыс. Кур насчитывается 6 млн.

Среди прочей домашней живности в Гвинее имеются кошки и собаки. Их можно встретить во всех городах и селах. Они отличаются худосочностью и низкорослостью все из-за того же недостатка кальция в почве. К тому же собак в Гвинее не кормят — они сами должны добывать себе пищу, что усердно и стараются делать. В городах эти несчастные животные — обязательные обитатели всех свалок и помоек. Поэтому среди них много больных, которые, вероятно, и являются разносчиками многих кожных и желудочных заболеваний. Местные собаки отличаются отсутствием подшерстка (приспособление к жаркому климату). Породистых экземпляров у местного населения мы не встречали.

Птиц, о которых дальше пойдет речь, нельзя отнести к категории домашних. Однако в Гвинее одни из них привыкли к человеку, а другие являются настолько ручными, что не поворачивается язык назвать их дикими, хотя так оно и есть. Речь идет о грифах и попугаях.

В Гвинее грифы почти ручные птицы и кроме обычной санитарной функции «помогают» своим хозяевам выделывать шкуры животных. Часто приходилось наблюдать, как они сидят прямо на разостланных на асфальте шкурах, которые сушатся на солнце, и тщательно, не торопясь выклевывают оттуда остатки мяса. Шкура после такой выделки становится ровной, блестящей и, главное, без трещин и порывов, которые оставляют различные скребки. Во время работы грифы не обращают внимания ни на проходящих людей, ни на автомобили.

В городах и поселках, где мы жили и работали, грифы поселяются практически возле каждого жилища, соблюдая при этом большую щепетильность в соблюдении своих территориальных границ. Эти степенные птицы принимают пищу прямо из рук, хотя предпочитают ковыряться в мусорных ямах и на свалках.

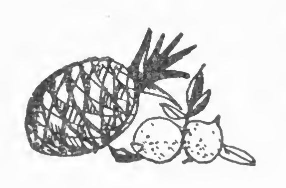
Несколько слов о попугаях. Из Лесной Гвинеи на Фута-Джаллон привозили крупных (до 0,6 м) красивых птиц. Однако у нас их не было. Доставляли же радость некрупные сенегальские попугаи, которые отличаются незатейливой раскраской. Они очень быстро привыкают и привязываются к человеку. Для многих специалистов

такая привязанность становилась обоюдной, так что они не могли расстаться со своими забавными питомцами и забирали их с собой в Советский Союз, проведя предварительно обязательный комплекс всех необходимых санитарно-гигиенических мероприятий.

Сенегальские попугаи быстро начинают реагировать на свою кличку, очень ласковы. При этом они достаточно ревнивы к посторонним и не против неожиданно клюнуть человека, неосмотрительно решившего в присутствии попугая подойти к хозяину или хозяйке.

Особенно еще запомнились маленькие пташки размером чуть больше колибри с синими, зелеными, красными и желтыми перышками. Они называются ткачики и относятся к семейству воробьиных. Своими изогнутыми клювиками эти птахи очень ловко свивают ажурные (из травинок) гнезда округлой формы. В отличие от большинства птиц они располагают гнезда не на земле и не в дуплах деревьев, где могут стать жертвой змей и других животных, а на листьях пальм или на электрических проводах. Это обстоятельство, однако, также осложняет их жизнь, поскольку провода провисают под тяжестью многих десятков и сотен гнездышек. Чтобы исключить возможность обрывов, рабочие длинными шестами безжалостно сбивают гнезда на землю, но их количество с поразительной быстротой опять восстанавливается.

Запомнились также красивые, совершенно белые птицы из семейства скворцов — волоклюи. Они очень похожи на наших цапель. Группами по восемь — десять штук волоклюи садятся на спины домашних животных и, к вящему удовольствию последних, выклевывают из шерсти паразитов. Стаи этих птиц нередко отдыхают на сучьях деревьев и выглядят на них издалека как очень крупные белые цветы.

Мать и мачеха

В течение долгих лет работы в геологии, когда судьба забрасывала в различные уголки нашей страны, мы особенно остро осознали, как мало знаем об окружающей нас природе. То же ощущение не покидало и во время пребывания в Гвинее. Сами гвинейцы по-разному знают саванну. Одни, не владея, конечно, систематикой и латинскими названиями растений, отлично осведомлены об их полезных или же отрицательных свойствах, другие не знают ни одного съедобного дикого плода. Естественно, что с первыми в маршрутах было значительно легче и интереснее, а со вторыми же в определенной степени и опаснее. Нам большинство растений, особенно многочисленные кустарники, были незнакомы. Среди них попадались и небезопасные.

В этой главе мы хотим рассказать о растениях, которые или знали прежде, или узнали здесь, в Гвинее, особенно о тех, что изрядно досаждали в маршрутах.

Отличное знание свойств растений продемонстрировал однажды в маршруте один из опытнейших гвинейских шоферов. Случилась обычная история. Напоровшись на колючку, спустился баллон у автомашины. Запасного колеса не было. Грозила неприятная перспектива добираться до базы пешком, а до нее было несколько десятков километров. Можно было провести ночь и в «джипе», послав шофера за помощью. Однако не пришлось делать ни того, ни другого. Мара — так звали шофера,— хитро подмигнув, исчез в зарослях, прихватив с собой небольшой топорик. Не прошло и десяти минут, как раздались глухие удары, и вскоре шофер появился со срубленной веткой какого-то дерева. На свежем срубе пузырился белый сок. Пальцы, смазанные этим соком, склеивались, и стоило известного труда разлепить их. Этим соком Мара в два счета и заклеил камеру, после чего мы быстро добрались до базы. Он же без особого труда находил растения, которые служили лекарством при легочных или желудочных заболеваниях.

Все, кто бывал в Гвинее, привозили для родственников или знакомых, страдающих заболеваниями желудка, связки сушеной кинкилибы. Так гвинейцы называли растение, по форме листьев очень похожее на наши

молодые березки. Оно, вероятно, содержит дубильные вещества. Те, кто заваривал это лекарственное растение и пил вместо чая, уверяли, что у него редкие целебные качества. Нам же приходилось полоскать отваром кинкилибы кровоточащие десны — эта процедура эффективно помогала.

О лофире, обломки веток которой гвинейцы используют для чистки зубов, уже говорилось ранее.

В Гвинее растет очень интересное калебасовое дерево. Оно характерно тем, что дает крупные зеленые шаровидные плоды размером с добрую тыкву. Из высушенных калебасов гвинейцы делают миски и другую посуду. Часто на маленьких плодах рисуются разнообразные бытовые сценки или эпизоды охоты. Калебасы продаются на базарах или в специальных лавках. Они интересны еще и тем, что вырастают прямо на стволах деревьев. Такое явление называется каулофобией.

Кроме полезных и широко известных растений есть в Гвинее весьма ядовитые. В одном из маршрутов рабочий сорвал на обочине дороги несколько листьев ничем не примечательного кустарника и предложил внимательно рассмотреть их и запомнить. Оказалось, что сок этих листьев, попав в глаза, вызывает их тяжелое заболевание, вплоть до слепоты.

Характер растительности заметно меняется при переезде из Нижней (Приморской) Гвинеи в центральные, наиболее приподнятые районы Фута-Джаллона.

В примыкающей к океану низменности, на берегах рек и лиманов, затопляемых приливами, растут мангровые леса.

Мангры — чрезвычайно специфические растения. Кроме обычных, так называемых ходульных корней, укрепляющих деревья в полужидком иле, у них имеются и воздушные корни. Они осуществляют дыхательную функцию растений. Особенность мангров заключается также в том, что они могут развиваться в солоноватой воде. Избыточная соль удаляется через крупные мясистые листья.

У самой воды часто можно видеть ризофору. Она снабжена особыми придаточными корнями-подпорками высотой до десяти метров. Семена этих деревьев начинают прорастать еще в теле материнского ствола. Спустя несколько месяцев, когда зародыш превращается в заметный росток, он отпадает и начинает самостоятельную жизнь, закрепляясь на свободном илистом участке.

Несколько дальше от берега преобладает авиценния. Для нее характерны многочисленные, но небольшие

боковые дыхательные воздушные корни.

Мангровые леса способствуют осушению заболоченных берегов. Они закрепляют илистые участки, значительно уплотняя их. Продуктивность мангровых деревьев составляет до восьми тонн органического вещества (в сухом весе) на один гектар площади в год. Эта продуктивность достигается в основном за счет листопада. Растут же эти деревья очень медленно.

За прибрежной полосой мангров — типичные сухопутные растения, в том числе и многочисленные пальмы. По мере подъема на плоскогорье разнообразие растительности, свойственное Приморской части Гвинеи, становится меньше. Заметно изменяется и видовой состав. Из пальм сначала исчезает рафия, за ней кокосовые и слоновые пальмы, а затем и масличные. Выше 700 м пальмы практически уже не встречаются. Зато здесь появляются особенно радующие глаз северных людей хвойные деревья, разведенные искусственным путем. На этих же высотах встречаются некоторые виды манго, грейпфрутовые, апельсиновые и земляничные деревья, авокадо и многие другие.

В Приморской низменности, а также в долинах крупных рек часто встречаются баобабы и могучие сейбы. Сейба — необычайно величественное и красивое дерево, достигающее высоты в несколько десятков метров, а окружность ствола в основании — до 10 м. Весь ствол покрыт крупными острыми, конической формы колючками. Корни имеют наземную часть высотой в несколько метров. Они уплощенной, саблевидной формы, обращенные наружу своей сужающейся частью. Создается впечатление, что дерево стоит в гигантской вазе. Баобабы более приземисты — с диаметром ствола до 25 м и высотой не более 30 м.

Поражали наше воображение и разнообразные виды акаций. Это крупные деревья с необычайно красивыми и нежными, ярко окрашенными соцветиями. Приходилось видеть красные соцветия — гвинейцы называли их «фламбуайян» (пламенеющее дерево). В период цветения они резко выделяются среди преобладающего зеленого цвета саванны. Имеются акации и с более привычными нам желтыми цветами, а также с совершенно необычайными фиолетовыми, сиреневыми и бледно-розоватыми соцветиями. Последние встречаются значительно реже, только на Фута-Джаллоне на высотах более 600 м.

Символом влажных тропиков и субтропиков можно с полным основанием считать пальмы. В Гвинее мы встречали четыре их вида. Чаще всего видели масличные пальмы, которые растут как в прибрежной полосе,

так и в горах до высоты 650 м. У них прямой ровный ствол, который венчает развесистая упругая крона из сложных листьев с гирляндами вишнево-красных плодов, из которых и добывают пальмовое масло. Оно такого же, как и плоды, цвета, с резким неприятным запахом, но с отменными вкусовыми качествами. Мы нередко пробовали разнообразные блюда, приготовленные на пальмовом масле.

Приходилось наблюдать, как гвинейцы собирают урожай с этих деревьев. Они обвязывают себя и ствол пальмы одним широким и прочным поясом. Откидывая назад корпус для натяжки пояса, сборщик резким рывком перекидывает последний вверх по стволу, после чего, упираясь в ствол босыми ногами, на несколько десятков сантиметров поднимается и сам. После полутора десятков таких перехватов он оказывается в течение считанных секунд на самой верхушке и, орудуя ножом, снимает урожай, складывая его в висящую у пояса корзину. Когда корзина наполняется, ее спускают на веревке вниз помощнику. Тот привязывает пустую тару, и таким образом очень быстро, а со стороны без особых усилий снимается весь урожай.

Кокосовые пальмы отличаются меньшей высотой (не более 25 м), большей толщиной несколько изогнутого ствола (до 60 см в поперечнике), крупными, понуро свисающими вниз кронами и, конечно, плодами — кокосовыми орехами яйцевидной формы, достигающими 30 см в диаметре. Ядро ореха расположено внутри зеленой волокнистой оболочки и имеет коричневую прочную скорлупу. Мясистая мякоть внутренности ореха белого цвета, очень приятна на вкус, напоминает наши лесные орешки. Внутри скорлупы имеется кокосовое молоко — чуть мутноватая жидкость, которая, имея кисловатый привкус, хорошо утоляет жажду. Из кокосов также получают пищевое и техническое масла.

Не зная секрета вскрытия плода, не так-то просто попробовать кокосового молока. Он же совсем прост. С одной стороны в скорлупе ореха имеются три ямочки с кожистыми покрытиями. Одно из этих покрытий легко протыкается любой палочкой, после чего молоко можно вылить в стакан или же высосать из ореха, а уже затем приступать к выниманию мякоти.

Кокосовая пальма достаточно плодовита и дает до сотни плодов в год.

Кокосовые орехи используются не только в качестве лакомства. Некоторые умельцы делают из них различные поделки — очень симпатичные браслеты, кулоны, броши, бусы, а также миниатюрные копии африканских хижин.

На побережье, по соседству с манграми, а также в других ландшафтах, преимущественно по долинам рек, растет несколько похожая на масличную, но еще более высокая и стройная пальма рафия. Из волокон ее листьев плетут циновки, веревки и другие предметы домашнего обихода, а из сока изготавливается слабый алкогольный напиток — пальмовое вино, имеющее кисловатый привкус и, будучи охлажденным, хорошо утоляющее жажду.

Слоновая пальма достигает той же высоты, что и масличная. Она отличается оригинальной формой ствола. Он имеет две утолщенные части — у самого основания дерева, а также в верхней его трети, после чего ствол опять постепенно становится тоньше. Крона этих пальм также необычна и представлена направленными в разные стороны упругими ветками с расположенными на них веерообразными, очень плотными листьями. На малейшем ветру листья, соприкасаясь, издают весьма своеобразный звук, напоминающий тот, который возникает при трении листов жести.

Древесина всех пальм является отличным строительным материалом.

Особенно приятно увидеть в маршруте манговые деревья. Они часто растут группами, обычно в населенной местности. Крона взрослых деревьев очень густая и практически не пропускает солнечных лучей. Под сенью этой кроны всегда прохладно. Незрелые плоды манго имеют привкус хвои, немного г чат и заглушают жажду, а созревшие плоды — приторно-сладкие с приятной кислинкой у косточки.

Много сил и энергии отнимали у нас маршруты, пересекающие плоские низинные участки со слоновой травой, которая представляет собой злаковое ветвящееся растение с режущей кромкой узких деревьев. Ее крупные, с палец толщиной, стебли отличаются большой упругостью. Иногда густота слоновой травы, особенно в самом начале сухого сезона, такова, что продвигаться по ней можно, лишь приминая ее собственным телом. Справедливости ради следует признать, что участки с особенно густой «слоновкой» приходилось преодолевать не часто. К тому же нас было много, и мы стремились чередоваться для работы в наиболее трудных маршрутах.

Заросли слоновой травы не только ограничивают видимость. Здесь достаточно редко встречаются коренные обнажения горных пород — основные объекты наших наблюдений. К тому же высокая густая трава затрудняет ориентировку на местности, что без постоянного контроля по компасу увеличивает возможность

заблудиться или потерять много драгоценного времени в маршруте.

Иногда во время работы в саванне сталкивались с совершенно непредвиденными обстоятельствами, связанными опять-таки с особенностями некоторых видов африканской растительности.

Очередное происшествие случилось в районе поселка Сафере на юге Фута-Джаллона. Предстоял нелегкий спуск от поселка в широкую, сильно заросшую густой растительностью долину реки.

Пришлось спускаться самостоятельно, так как местные жители наотрез отказались сопровождать нас, ссылаясь на какую-то опасность внизу. Склон был густо покрыт растительностью, местами обрывист. Спускались без тропы, медленно, соблюдая максимальную осторожность, чтобы не сорваться на крутых уступах. В одном месте, пробираясь по руслу небольшого ручейка, один из рабочих внезапно поскользнулся на покрытом зеленой слизью камне и быстро заскользил вниз к самому обрыву. Несколько поваленных деревьев, увитых лианами, задержали падавшего. С помощью тех же лиан мы благополучно спустились с обрыва и ступили на пологое днище речной долины, покрытое травой и кустарниками. Немного передохнув, направились к реке. Среди высокой травы повсюду попадались такие же высокие кустарники с обильными стручковыми плодами. Они напоминали изогнутых желтовато-бурых мохнатых гусениц. Когда мы задевали ветку такого кустарника, то «гусеницы» мгновенно сбрасывали свой мохнатый покров, обдавая нас облачками желтовато-бурой пыльцы. Прошло каких-либо пять — десять минут, как вся наша троица, словно по команде, начала ожесточенно чесаться. Зуд был просто нестерпимым.

Оставшееся расстояние до реки преодолели почти бегом, раздирая на себе одежду. Едва достигнув берега, быстро скинули с себя все и попрыгали в воду, совершенно не думая, что там тоже может быть опасность. Вода облегчила наши страдания, а через несколько минут зуд и вовсе исчез. Только сидя в воде, мы поняли, о чем предупреждали нас местные жители. Пришлось тщательно прополоскать всю одежду, слегка подсушить ее и только тогда направиться к ожидавшей в нескольких километрах машине.

В другой раз неприятность подстерегала в слабо заболоченной пойме небольшого ручья. С ходу мы врезались в заросли невысокой, доходящей до пояса травы, похожей на осоку, и вскоре заметили, что наши руки в крови, и тут же почувствовали боль от глубоких

тонких порезов. Виновниками ран были узкие и острые, как лезвия бритвы, длинные листья. Сделали попытку осторожно выбраться из неприятного окружения, но при каждом движении листья, словно живые, поворачивались своей режущей частью и успевали нанести порез на одежде и даже на кожаной полевой сумке.

Одному рабочему, который находился ближе к краю опасного места, удалось выбраться первым. Он разыскал длинную палку, и лишь с ее помощью мы выбрались из зеленого, режущего до крови, неожиданного плена. Позднее ни разу не приходилось встречаться с подобными растениями. В то же время можно предположить, что подобные места попадались и во время других маршрутов, но срабатывал уже инстинкт самосохранения, и, когда в глаза бросалось что-либо похожее на виденную однажды опасность, мы предпочитали обходить такие участки.

Заключение

В наследство от колониального режима Гвинея получила отсталую экономику, финансовую зависимость от иностранного капитала, массовую неграмотность населения. Франция, потеряв свою колонию, на первых порах пыталась усугубить трудности страны. После итогов голосования, когда 10 ноября 1958 г. была принята, а 12 ноября провозглашена конституция Гвинеи, из страны в срочном порядке были отозваны французские врачи, учителя, представители других специальностей, чиновники управленческого аппарата. Они вывозили с собой архивы и документацию многих учреждений.

К моменту завоевания политической независимости хозяйство Гвинеи имело аграрно-сырьевой характер. И в настоящее время Гвинея все еще аграрная страна с относительно развитой горнодобывающей промышленностью. За годы независимого развития произошли значительные социально-экономические изменения. Были национализированы или же поставлены под контроль государства многие предприятия, учреждения, горнодобывающие комплексы и другие объекты, которые находились в руках иностранных монополий, колониального аппарата или же в ведении частных предпринимателей.

Большое значение имело широкое привлечение к труду и общественной жизни женщин и молодежи на основе их полного равноправия с другими группами населения. В первые же годы независимости в стране было введено бесплатное школьное обучение и некоторые виды бесплатного медицинского обслуживания.

В октябре 1964 г. в Конакри открылся первый в Западной Африке технический вуз — Политехнический институт, который стал настоящей кузницей кадров для молодой республики. Уже сейчас сотни специалистов — выпускников этого учебного заведения трудятся в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства и в управленческом аппарате.

Для осуществления планов социально-экономического развития в Гвинее имеется много возможностей. Страна располагает значительными энергетическими ресурсами, а также богатейшими залежами руд

железа и алюминия. Они залегают близко от земной поверхности или даже выходят на нее. С дальнейшим развитием сети железных дорог их разработка станет особенно экономически выгодна. Одно из важных богатств Гвинеи — алмазы. Есть на Фута-Джаллоне признаки месторождений силикатного никеля, связанного с корами выветривания ультраосновных горных пород. Геологические данные свидетельствуют о месторождениях дефицитного в Гвинее карбонатного сырья для производства цемента. Появились предпосылки открытия на гвинейском шельфе залежей нефти.

Особые задачи стоят перед сельским хозяйством. Обилие тепла и влаги способствует развитию земледелия. Особенно благоприятна для развития земледелия Приморская низменность, а также орошаемые площади в верхнем течении Нигера. Эти районы — основные площади развития рисоводства. Повсеместно выращивается и суходольный рис, требующий меньших затрат труда. Поскольку эта культура сильно истощает почву, то для ее развития необходима научно обоснованная система земледелия с обязательным внесением в почву комплексных удобрений.

Другая важная культура — фоньо — весьма неприхотлива и произрастает на различных почвах, в том числе и непригодных для других зерновых. Урожайность фоньо, как и орошаемого риса, составляет пока до 10 ц с 1 га. Возможности повышения урожайности этих культур, особенно риса, еще далеко не исчерпаны. Распространена в Гвинее и кукуруза. Ее выращивают в основном на хорошо обрабатываемых и удобряемых участках, расположенных около домов и хижин. В последнее время предпринимаются попытки создать крупные плантации этой ценной культуры, которая в местных условиях дает урожай 20—30 ц/га.

Клубневые растения — маниок, батат и ямс выращиваются на приусадебных участках и служат определенной гарантией на случай неурожаев основных пищевых культур. Эти растения весьма неприхотливы к качеству почвы. Маниок — многолетнее растение с толстыми длинными корнями, напоминающими по форме наш турнепс. Зрелые клубни маниока долго не портятся в земле, и их можно не убирать в течение нескольких лет. Урожайность этой культуры составляет 50—80 ц/га, а в урожайные годы и на хороших почвах — до 400 ц с 1 га.

Клубни батата содержат много крахмала и сахара. Вегетационный период этого растения — три — шесть месяцев. На вкус жареный атат напоминает подмороженный картофель. Кстати, некоторые гвинейские семьи

культивируют и настоящий картофель, но в основном выращивается он для продажи. Ему гвинейцы предпочитают традиционные корнеплоды.

Почти всюду в Гвинее выращивается арахис (земляной орех), который употребляется в качестве приправ к различным блюдам. Арахисовые плантации обычно расположены за пределами поселений. В 1982 г. урожай арахиса составил 22 тыс. т.

Практически повсеместно в Гвинее культивируются и растут в диком виде многие плодовые деревья. Папайя и особенно бананы выращиваются на специальных плантациях. Папайя часто растет и около хижин. За два года она достигает высоты до пяти метров, принося крупные, размером с дыню, овальные плоды ярко-желтого цвета. По сходству формы плодов папайи с дыней это растение называют и дынным деревом. В окрестностях города Киндиа имеются крупные плантации ананасов, которые экспортируются во многие страны. В 1983 г. в стране вступил в строй завод смешанного, гвинейско-ливийского общества «Сальчилия» по переработке ананасов и цитрусовых.

В Гвинее в последние годы все больше развивается специализированное овощеводство. В окрестностях городов Маму, Лабе, Далаба и других можно видеть посадки помидоров, баклажанов, стручкового перца, огурцов, лука, чеснока. Реже на Фута-Джаллоне встречаются участки, где выращиваются тыквы и арбузы. Из технических культур возделываются хлопчатник и табак, культивируются чай и в меньшей степени кофейное дерево.

Таким образом, несмотря на сравнительную бедность химическими элементами и малую мощность почвенного покрова, в Гвинее выращиваются многие сельскохозяйственные культуры. При этом начинают широко использоваться сельскохозяйственные машины. Заслуживают внимания следующие данные. В 1961—1965 гг. в Гвинее было всего 12 тракторов, в 1972 г.— 55, к 1975 г.—уже 1300 и еще 4,5 тыс. плугов. Количество сельскохозяйственной техники продолжает расти. В несколько раз возросло применение удобрений. Осуществляются и работы по мелиорации, созданию зон поливного земледелия.

Заметную роль в экономике играет скотоводство. Как и в земледелии, здесь намечаются значительные перемены. Так, создана служба по ликвидации эпизоотий, проводится работа по повышению продуктивности животных, организуются специализированные животноводческие хозяйства.

Велики лесные богатства Гвинеи. Многие лесные

угодья содержат ценные породы деревьев: железное дерево, билинга, ниангон, абура, афзелия, красное, черное (эбеновое) дерево, сейба и др. В 1982 г. добыча древесины составила 2 560 тыс. куб. м.

Особенно ценится древесина железного дерева. Оно достигает высоты до 55 м при диаметре ствола 0,6—1,0 м, имеет тяжелую и твердую древесину с удельным весом 0,95—1,1 и используется для изготовления подводных конструкций, шпал, брусьев для набережных.

Билинга — высотой до 40 м и диаметром ствола до 2 м и более — имеет также тяжелую и твердую древесину, хорошо выдерживает влажные условия, не поддается порче термитами и другими насекомыми. Железному дереву и билинге близки по свойствам дабема и ниангон, обладающие высокопрочной древесиной.

Красное дерево — это общее название многих сходных видов, имеющих красноватые, золотистые, розоватые оттенки древесины. Все эти породы, как и эбеновое дерево, хорошо поддаются обработке и широко используются для изготовления художественных масок, фигурок людей и животных, различных других поделок. Из луба баобаба делаются веревки. Сейбы используются как источник растительной «шерсти». Кора мангровых деревьев содержит танин, красящие и дубильные вещества, хотя местные жители используют эти деревья только в качестве дров. Из многих древесных пород изготавливается уголь.

За годы колониализма лесные ресурсы Гвинеи заметно сократились. Поэтому в стране проводятся мероприятия по охране и восстановлению лесных богатств: создаются заповедники, ведется посильная борьба с пожарами. В 1975 г. был принят специальный закон об активном привлечении населения к искусственным лесопосадкам.

В тесной связи с лесным хозяйством развивается и деревообрабатывающая промышленность.

В апреле 1984 г. в результате военного переворота страной стал управлять Военный комитет национального возрождения (ВКНВ). Новое правительство подтвердило полную приверженность принципам ООН, Организации африканского единства и движению неприсоединения, подчеркнуло соблюдение страной всех межправительственных соглашений.

Оглавление

Андрей Дмитриевич Петровский
Юрий Петрович Селиверстов

По дорогам и тропам гвинейской саванны

Записки геологов

Заведующий редакцией Ю. А. Кулышев
Редактор И. А. Невзорова
Младший редактор Е. А. Варшавская
Оформление художника С. Я. Бейдермана
Художественный редактор Е. М. Омельяновская
Технический редактор Н. Ф. Федорова
Корректор Ч. А. Скруль

ИБ № 2828

Сдано в набор 15.03.85
Подписано в печать 16.09.85.
А 03429. Формат $84 \times 108^1/_{32}$.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Таймс». Высокая печать.
Условных печатных листов 9,24 с вкл.
Условн. кр.-отт. 15,33.
Учетно-издательских листов 10,03 с вкл.
Тираж 60 000 экз. Заказ № 904. Цена 60 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

60 коп

А.Л.Петровский Ю.П.Селиверстов